

RICARDI DE BURY
PHILOBIBLON

РИЧАРД ДЕ БЕРИ
ФИЛОБИБЛОН

RICARDI DE BURY
PHILOBIBLON

РИЧАРД ДЕ БЕРИ
ФИЛОБИБЛОН

РИЧАРД ДЕ БЕРИ
ФИЛОБИБЛОН

РИЧАРД ДЕ БЕРИ
ФИЛОБИБЛОН

РИЧАРД ДЕ БЕРИ
ФИЛОБИБЛОН

RICARDI DE BURY

PHILOBIBLON

POST

ANDREAM FLEMING WEST

PRINCETONIANUM

ITERATIS CURIS

RECENSUIT

APPARATU ROSSICO

INSTRUXIT

IACOBUS

BOROVSKU

MOSCOVIÆ

MCMLXXXIV

РИЧАРД ДЕ БЕРИ
ФИЛОБИБЛОН

РЕДАКЦИЯ
ЛАТИНСКОГО ТЕКСТА,
ПЕРЕВОД,
ПРИМЕЧАНИЯ
И ВВОДНАЯ СТАТЬЯ
Я. М. БОРОВСКОГО

МОСКВА «КНИГА» 1984

Под редакцией *М. Л. Гаспарова*
Автор статьи
Жизнь и слава «Филобиблона» —
В. В. Кунин
Художник — *А. Г. Антонов*

4703000000-070
Б 002(01)-84 **Без объявл.**

© Перевод, редакция латинского текста, примечания, статьи, художественное оформление. Издательство «Книга», 1984 г.

PHILOBIBLON
ФИЛОБИБЛОН

PROLOGUS

Universis Christi fidelibus, ad quos tenor scripturae praesentis pervenerit, Ricardus de Bury, miseratione divina Dunelmensis episcopus, salutem in Domino sempiternam, piamque ipsius praesentare memoriam jugiter coram Deo, in vita pariter et post fata.

Quid retribuam Domino pro omnibus quae retribuit mihi? devotissimus investigat psalmista, rex invictus et eximius prophetarum. In qua quaestione gratissima//semetipsum redditorem voluntarium, debitorem multifarium, et sanctiorem optantem consiliarium recognoscit; concordans cum Aristotele philo-

ПРОЛОГ

Всем верным христианам, к которым придут страницы этого писания, Ричард де Бери, милостию божией епископ даремский, желает вечного спасения в Господе и просит благочестиво помянуть его перед Богом и при жизни и по смерти его.

Что воздам Господу за все благодеяния его ко мне? ¹, вопрошает благочестивейший псалмопевец, царь непобедимый, прославленный среди пророков. И этим благодарственным исканием/он показывает, что
10 сознает себя многократным должником, стремящимся возместить свой

sophorum principe, qui omnem de agibilibus quaestionem consilium probat esse sexto et tertio Ethicorum.

Sane si propheta tam mirabilis, secretorum praescius divinorum, praeconsulere volebat tam sollicite, quomodo grate posset gratis data refundere, quid nos rudes regratiatores et avidissimi receptores, onusti divinis beneficiis infinitis, poterimus digne velle? Procul dubio deliberatione sollerti et circumspectioe multiplici, invitato primitus spiritu septiformi, quatenus in nostra meditatione ignis illuminans exardescat, viam non impedibilem providere debemus attentius, quo largitor omnium de collatis muneribus suis, sponte veneretur reciproce, proximus relevetur ab onere, et reatus contractus per peccantes quotidie eleemosynarum remediis redimatur.

Hujus igitur devotionis monitione praeventi ab eo qui solus bonam homi-

долг, и нуждается в добром советнике: в согласии с первым из философов, Аристотелем, который в шестой и третьей книгах *Этики*² говорит, что в основе всякого действия должен лежать замысел.

Если пророк столь удивительный, кому заранее открыты божественные помыслы, тревожно допытывался, как он может воздать за дарованное ему божеским изволением, то что достойного можем совершить мы, тупые возблагодарители и жадные восприниматели, обремененные бесконечными благодеяниями божескими? Нет сомнения, что мы должны в усердном размышлении, с многократной осмотрительностью, воззвав прежде всего к семиобразному духу³, да загорится в нашей мысли светящий огонь⁴, тщательно подготовить незатрудненный путь к тому, что-

11 nis et prae//venit voluntatem et perficit, sine quo necesse sufficientia suppetit cogitandi solummodo; cujus, quicquid boni fecerimus, non ambigimus esse munus, diligenter tam penes nos, quam cum aliis inquirendo discussimus, quid inter diversorum generum pietatis officia primo gradu placeret Altissimo, prodessetque potius ecclesiae militanti. Et ecce mox nostrae considerationis aspectibus grex occurrit scholarium electorum, quin potius electorum in quibus Deus artifex et ancilla natura morum optimorum et scientiarum celebrium plantaverunt radices; sed ita rei familiaris oppressit penuria quod, obstante fortuna contraria, semina tam fecunda virtutum, in inculto juventutis agroris debiti non rigata favore, arescere compelluntur. Quo fit ut lateat in obscuris condita virtus clara, ut vel verbis alludamus Boethii, et ardentes lucernae

бы подателю всего было принесено надлежащее благодарение за ниспосланные щедроты, чтобы облегчилось бремя нашего ближнего и чтобы вина повседневных прегрешений была искуплена сотворением благостыни⁵.

Итак, получив это благосклонное внушение от того, кто один пред-
11 упреждает и свершает/добрую волю человека, помимо кого бессильно наше мышление¹, чьим даром мы несомнительно признаем все, что хорошего доведется нам сделать, мы прилежно обсудили и наедине с собой и вместе с другими, что среди всех разнородных приношений благочестия было бы наиболее угодно Всевышнему и споспешествовало бы воинствующей церкви. И вот в этих размышлениях перед нашим умственным взором проходит вереница шко-

non ponuntur sub modio, sed prae defectu olei penitus exstinguuntur: sic ager in vere floriger ante messem exaruit; sic frumenta in lolium, et vites degenerant in labruscas, ac sic in oleastros olivae silvescunt, marcescunt omnino

12 tenellae trabe//culae, et qui in fortes columnas ecclesiae poterant excrevisse, subtilis ingenii capacitate dotati, studiorum gymnasia derelinquunt. Sola inedia novercante, repelluntur a philosophiae nectario poculo violenter, quam primo gustaverint, ipso gustu ferventius siti-bundi. Liberalibus artibus habiles, et scripturis tantum dispositi contemplan-dis, orbatu necessariorum subsidiis, quasi quadam apostasiae specie, ad artes me-
chanicas, propter victus solius suffragia, ad ecclesiae dispendium et totius cleri vilipendium, revertuntur. Sic mater ec-clesia pariendo filios abortiri compel-litur, quin immo ab utero foetus in-

ляров даровитых, но — увы — не домовитых: в них Бог зиждитель и его служанка природа укрепили корни добрых нравов и превосходных научных дарований, но так угнетенных имущественной скудостью, что плодовые семена, силою неблагоприятных обстоятельств оказавшись на бесплодной почве и не питаемые подобающей им росой, обречены на иссыхание. Так происходит, по слову Бозэтия², что остается сокрытой во тьме светлая доблесть; но это не означает, что горящий светоч только невидим: нет, он угас от недостатка питания³. Так иногда нива, пышно расцветшая весной, гибнет до жатвы от засухи⁴; так пшеница вырождается в плевел, дичает виноградная лоза и маслина, нежные побеги увядают; так и те, которые одарены тонкими способностями разума и

formis monstruose dirumpitur, et pro paucis minimisque quibus contentatur natura, alumnos amittit egregios postea promovendos in pugiles fidei et athletas. Heu quam repente tela succidi-

могли бы, войдя в возраст, стать мощными столпами церкви¹, покидают школу и учение. Мачеха голодуха насильственно отрывает их от чаши философского нектара, отведав которого они только прониклись жгучей жаждой. Способные к свободным искусствам, расположенные к размышлениям над священным писанием, но лишенные жизненных средств, они, впадая в своего рода отступничество, обращаются под давлением необходимости к механическим искусствам — с ущербом для церкви и умалением всего духовенства. Так мать церковь вынуждается рождать недоношенное потомство, вернее, от ее лона происходят бесформенные выкидыши, и за отсутствием тех ничтожных затрат, какими довольствуется человеческая природа, она лишается превосходных

tur, dum texentis manus orditur! Heu quod sol eclipsatur in aurora clarissima et planeta progrediens regyratur retrograde, ac naturam et speciem verae stellae praetendens, subito decedit et fit assub! Quid poterit pius homo intueri miserius? Quid misericordiae viscera
13 penetrabit acutius? // Quid cor congelatum ut uncus in calentes guttas resolvat facilius? Amplius arguentes a sensu contrario, quantum profuit toti reipublicae Christianae, non quidem Sardanapali deliciis neque Croesi divitiis enervare studentes, sed melius mediocritate scholastica suffragari pauperibus, ex eventu praeterito recordemur. Quot oculis vidimus, quot ex scripturis collegimus, nulla suorum natalium claritate fulgentes, nullius hereditatis successione gaudentes, sed tantum proborum virorum pietate suffultos apostolicas cathedras meruisse, subjectis fidelibus praefuisse pro-

питомцев, которые в будущем стали бы ее бойцами и защитниками веры. Увы, как внезапно срезается ткань², когда рука ткача еще только начинает работу! Увы, как затмевается солнце при ясном восходе, как планета на своем пути обращается вспять, как то, что воспроизводило природу и вид подлинной звезды, вдруг падает как метеор! Что может быть более горестно для благочестивого человека? / Что скорее заставит сердце, хотя бы застывшее как наковальня, излиться горячими слезами? Рассуждая в обратном направлении, припомним из прошлого опыта, как было полезно для всего христианского сообщества, не расслабляя студентов роскошью Сарданапала¹ и богатствами Креза², всего только поддерживать неимущих на уровне школярской умеренности. Сколько мы видели собствен-

bissime, superborum et sublimium colla
jugo ecclesiastico subjecisse et procuras-
se propensius ecclesiae libertatem?

Quamobrem perlustratis humanis eg-
estatibus usquequaque, caritativae con-

ными глазами, сколько почерпнули из письменных свидетельств примеров тому, как студенты, не блиставшие знатностью происхождения и не обладавшие наследственным состоянием, а только поддерживаемые благотворительностью честных людей, достигали апостольских кафедр, были превосходными наставниками своей верной паствы, облакали выю гордых и своевольных церковным ярмом³ и расширяли свободу церковной деятельности.

Поэтому после внимательного и всестороннего пересмотра человеческих нужд, наше сочувственное стремление оказать благотворительную помощь этому столь бедственному роду человеческому, — в котором, однако, теплится великая надежда на улучшение, исходящее от церкви, — привело нас к тому, что-

siderationis intuitu, huic tam calamitoso generi hominum, in quibus tamen tanta redolet spes profectus ecclesiae, praelegit peculiariter nostrae compassionis affectio pium ferre praesidium, et eisdem non solum de necessariis victui verum multo magis de libris utilissimis
14 studio providere. Ad hunc effectum // acceptissimum, coram Deo, nostra jam ab olim vigilavit intentio indefessa. Hic amor ecstaticus tam potenter nos rapuit, ut, terrenis aliis abdicatis ab animo, acquirendorum librorum solummodo flagraremus affectu. Ut igitur nostri finis intentio tam posteris pateat quam modernis, et ora perversa loquentium, quantum ad nos pertinet, obstruamus perpetuo, tractatum parvulinum edidimus, stilo quidem levissimo modernorum. Est enim ridiculosum rhetoricis, quando levis materia describitur grandi stilo. Qui tractatus, amorem quem ad

бы направить эту помощь не только на нужды пропитания, но более того — на усердие к полезнейшим кни-
14 гам. К этой / угоднейшей Богу цели уже издавна неутомимо и неусыпно тяготели наши помыслы. Эта экста-
тическая¹ любовь так властно увлек-
ла нас, что в нашей душе горела един-
ственная страсть к приобретению
книг, не оставив места ни для чего
прочего земного.

И вот, чтобы уяснить эту цель на-
ших стремлений как потомству, так
и современникам и чтобы, насколько
это от нас зависит, навсегда закрыть
рты превратно судящим², мы издали
маленький трактат, написанный в са-
мом легком современном стиле —
ибо смешно для искушенного в рито-
рике излагать в высоком стиле легко-
весный предмет. Этот трактат защи-
тит нашу любовь к книгам от обви-

libros habuimus ab excessu purgabit, devotionis intentae propositum propalabit, et circumstantias facti nostri, per viginti divisus capitula, luce clarius enarrabit. Quia vero de librorum amore principaliter disserit, placuit nobis more veterum Latinorum ipsum Graeco vocabulo Philobiblon amabiliter nuncupare.

Explicit Prologus

нений в чрезмерности, раскроет цель наших устремлений и в своих двадцати главах сделает ясными как день все обстоятельства, связанные с нашим трудом. И так как в нем говорится главным образом о любви к книгам, то мы сочли уместным, следуя примеру древних латинян, дать ему изящное греческое название Филобиблон, О книголюбии³.

Конец пролога

**QUOD THESAURUS SAPIENTIAE
POTISSIME SIT IN LIBRIS**

Thesaurus desiderabilis sapientiae et scientiae, quem omnes homines per instinctum naturae desiderant, cunctas mundi transcendit divitias infinite, cujus respectu lapides pretiosi vilescunt; cujus comparatione argentum lutescit, et aurum obryzum exigua fit arena; cujus splendore tenebrescunt visui sol et luna; cujus dulcone mirabili amarescunt gustui mel et manna. //

O valor sapientiae non marcescens ex tempore, virtus virens assidue, omne virus evacuans ab habente! O munus caeleste liberalitatis divinae, descendens

**О ТОМ,
ЧТО СОКРОВИЩНИЦА МУДРОСТИ
СОДЕРЖИТСЯ
ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В КНИГАХ**

Вожделенное сокровище мудрости и знания, к которому устремляет всех людей влечение их природы², бесконечно превосходит все существующие на свете богатства: перед ним ничтожны драгоценные камни; серебро по сравнению с ним равноценно глине и золото — низменному песку; перед его блеском темнеют для зрения солнце и луна, а перед его сладостью горьки на
17 вкус мед и манна³. /

О сокровище мудрости, не увядающее от течения времени, вечно цветущее благо, предохраняющее своего обладателя от любого яда!

a Patre luminum, ut mentem rationalem provehas usque caelum! Tu es intellectus caelestis alimonia, quam qui edunt, adhuc esurient, quam qui bibunt, adhuc sitient, et languentis animae harmonia laetificans, quam qui audit nullatenus confundetur. Tu es morum moderatrix et regula, secundum quam operans non peccabit. Per te reges regnant et legum conditores justa decernunt. Per te deposita ruditate nativa, elimatis ingeniis atque linguis, vitiorum sentibus coeffossis radicitus, apices consequuntur honoris fiuntque patres patriae et comites principum, qui sine te conflassent lanceas in ligones et vomeres, vel cum filio prodigo pascerent forte sues.

Quo lates potissime, praelecte thesaure? et ubi te reperient animae sitibundae? In libris proculdubio posuisti tabernaculum tuum, ubi te fundavit

О небесный дар божественной щедрости, ниспосланный отцом светочей¹, чтобы возвести разумный дух до самого неба! Ты пища небесная разума², и кто тебя вкусил, снова тебя алчет, и кто тебя пил, снова тебя жаждет; ты отрадная гармония для утомленной души, и кто тебя слышит, ничем не будет смущен. Ты мера и правило нравов, и действующий в согласии с тобой не согрешит. Ты научаешь царей править и законодателей устанавливать справедливость. Благодаря тебе освобождаются от прирожденной грубости, изощряют ум и язык, искореняют тернии порочности, достигают высоких почестей, становятся отцами отечества и помощниками царей те, кто без тебя перековали бы копыта на мотыги и сошники³ или вслед за блудным сыном пасли бы свиней⁴.

Altissimus, lumen luminum, liber vitae.
Ibi te omnis qui petit, accipit, et qui
18 quaerit, // invenit, et pulsantibus impro-
be citius aperitur. In his cherubim alas
suas extendunt, ut intellectus studen-
tis ascendat, et a polo ad polum pros-
piciat a solis ortu et occasu, ab aquilone
et mari. In his incomprehensibilis ipse
Deus altissimus apprehensibiliter conti-
netur et colitur; in his patet natura
caelestium, terrestrium et infernorum;
in his cernuntur jura, quibus omnis
regitur politia; hierarchiae caelestis dis-
tinguuntur officia, et daemonum tyran-
nides describuntur, quos nec ideae Pla-
tonis exsuperant, nec Cratonis cathedra
continebat.

In libris mortuos quasi vivos invenio:
in libris futura praevideo: in libris res
bellicae disponuntur: de libris prodeunt
jura pacis. Omnia corrumpuntur et ta-
bescunt in tempore et Saturnus quos

Где твое убежище, драгоценная мудрость? Где обретут тебя жаждущие души? В книгах разбила ты, нет сомнения, свои шатры⁵, там поселил тебя Всевышний, светоч светочей, книга жизни. В них всякий, кто к тебе стремится, овладеет тобой, там найдет тебя всякий, кто тебя / ищет, и упорно стучащему скорее отворят¹. В них херувимы стирают свои крылья, чтобы разум усердствующего мог воспарить и обзреть все от полюса до полюса, от восхода солнца до заката, от Аквилона до моря². В них сам вышний непостижимый Бог постигаемо содержится и чтится; в них раскрывается природа вещей небесных, земных и подземных³; в них видны права, на которых основана всякая гражданственность; в них указаны разряды небесной иерархии⁴ и описаны тиранствования

generat devorare non cessat. Omnem mundi gloriam operiret oblivio, nisi Deus mortalibus librorum remedia providisset. Alexander orbis domitor, Julius urbis et orbis invasor, qui et Marte et arte primus, in unitate personae assumpsit imperium, fidelis Fabricius et Cato rigidus, hodie caruissent memoria, si // librorum suffragia defuissent. Turres ad terram sunt dirutae, civitates eversae, putredine perierunt fornices triumphales. Nec quicquam reperiet rex vel papa, quo perennitatis Privilegium conferatur commodius quamper libros. Reddit auctori vicissitudinem liber factus, ut, quamdiu liber supererit, auctor manens athanatos nequeat interire, teste Ptolemaeo in prologo Almagesti: non fuit, inquit, mortuus qui scientiam vivificavit. Quis igitur infinito thesauro librorum de quo scriba doctus profert nova et vetera,

демонов, чего не превосходят и Платоновы идеи, чего не вмещала и школа Кратона⁵.

В книгах я встречаюсь с умершими, как с живыми; в книгах я предвижу будущее; в книгах уясняются военные действия; в книгах показан правовой порядок мирного времени. Время все на свете разлагает и разрушает⁶, Сатурн не перестает пожирать все свои порождения. Всю славу мира поглотило бы забвение, если бы Бог не предусмотрел для смертных средства помощи в виде книг. Александр, покоритель света⁷; Юлий, узурпатор Рима и мира⁸, первый под единоличной властью утвердивший империю мечом и словом; верный Фабриций⁹ и суровый Катон¹⁰ — все они были бы ныне забыты, если бы / их память не поддержали книги. Башни стерты с лица земли, пали го-

per quodcunque alterius speciei pretium limitabit? Veritas vincens super omnia, quae regem, vinum et mulierem supergreditur, quam amicis praehonorare officium obtinet sanctitatis (quae est via

сударства, истлели триумфальные арки. Ни один царь или папа не найдет чего-либо, что послужило бы столь верным залогом вечности как книги. Книга воздаст своему автору тем, что пока она существует, не погибнет и автор, а пребудет бессмертным, о чем свидетельствует Птолемей в прологе Альмагеста¹: не умер тот, кто оживил науку. Кто же мог бы приравнять что бы то ни было иное к бесконечной ценности книг, в которых ученый писатель увековечивает и древнее и новое? Истина, которая все побеждает, которая сильнее царя, вина и женщин², почитание которой превыше дружбы приближает человека к святости (ибо она есть дорога без уклонов и жизнь без предела и ей благочестивый Боэтий³ приписал троякое бытие, в мысли, в писании и в произносимом слове),

sine devio et vita sine termino, cui sacer Boethius attribuit triplex esse, in mente, scripto et voce), in libris videtur manere utilius et fructificare fecundius ad profectum. Nam virtus vocis perit cum sonitu: Veritas mente latens est sapientia absconsa et thesaurus invisus: Veritas vero quae lucet in libris, omni se disciplinabili sensui
20 manifestare desiderat. Visui dum // legitur; auditui dum auditur; amplius et tactui se commendat quodam modo, dum transcribi se sustinet, colligari, corrigi et servari. Veritas mentis clausa licet sit possessio nobilis animi, quia tamen caret socio, non constat esse jucunda, de qua nec visus iudicat nec auditus. Veritas vero vocis soli patet auditui, visum latens, qui plures nobis differentias rerum monstrat, affixaque subtilissimo motui incipit et desinit quasi simul. Sed Veritas scripta libri

оставаясь в книгах, приносит наиболее богатые плоды. Ибо сила речи исчезает вместе со звуком; истина, заключенная в мысли, есть сокровенная мудрость и незримое сокровище; истина же, которая светит в книгах, ищет раскрытия каждому восприимчивому чувству: зрению — / когда книгу читают, слуху — когда слушают ее чтение; сверх того, она некоторым образом доступна и осязанию, когда книгу перелистывают, переплетают, исправляют, бережно сохраняют. Истина, заключенная в уме, конечно, облагораживает душу, но, оставаясь никому не сообщенной, она безотраднa, не доступная ни зрению, ни слуху. Истина речи открыта только слуху и скрыта от зрения, которое показывает нам больше различий между вещами¹; ее выражение, будучи связано с тончайшими движе-

non successiva sed permanens palam se praebet aspectui, et per sphaerulas pervias oculorum, vestibula sensus communis, et imaginationis atria transiens, thalamum intellectus ingreditur, in cubili memoriae se recondens, ubi aeternam mentis congenerat veritatem.

Postremo pensandum quanta doctrinae commoditas sit in libris, quam facilis, quam arcana, quam tuto libris humanae ignorantiae paupertatem sine verecundia denudamus. Hi sunt magistri, qui nos instruunt sine virgis et ferula, sine verbis et cholera, sine pannis et pecunia. Si accedis, non dormiunt, si
21 inquires interrogas, non // abscondunt, non remurmurant, si oberres, cachinnos nesciunt, si ignores. O libri soli liberales et liberi, qui omni petenti tribuitis, et omnes manumittiris vobis sedulo servientes! Quot rerum milibus typice viris doctis recommendamini, in Scrip-

ниями, и начинается и заканчивается почти мгновенно. Истина же, выраженная книжными письменами, не ограничена однократным звучанием, а навсегда открыта общему обозрению. Пройдя через прозрачные шарики глаз, преддверия восприятия и горницу воображения, она вступает в терем понимания и, утверждаясь в покоях памяти, порождает вечную истинность духа.

Наконец, подумаем и о том, какое удобство для ученых содержится в книгах, как легко, как потаенно, как надежно мы без стеснения обнажаем с их помощью нищету человеческого невежества. Это наши учителя, которые наставляют без розог и фегулы, без гнева и окриков, без платы и подарков. Когда ни приходишь к ним, они бодрствуют, если задаешь
21 им вопрос, они/ничего не скрывают,

tura nobis divinitus inspirata. Vos enim estis profundissimae sophiae fodinae, ad quas sapiens filium suum mittit ut inde thesauros effodiat, Proverbiorum secundo: vos putei aquarum viventium, quos pater Abraham primo fodit, Isaac eruderavit, quosque nituntur obstruere Palaestini, Genesis vicesimo sexto. Vos estis revera spicae gratissimae, plenae granis, solis apostolicis manibus confricandae, ut egrediatur cibus suavissimus famelicis animabus; Matthaei duodecimo. Vos estis urnae aureae, quibus manna reconditur atque petrae mellifluae, immo potius favi mellis, ubera uberrima lactis vitae, promptuaria semper plena. Vos lignum vitae, et quadripartitus fluvius paradisi, quo mens humana pascitur et aridus intellectus imbuitur et rigatur. Vos arca Noe et scala Jacob, 22 canalesque quibus foetus intuentium colorantur. Vos lapides testimonii, et

не ропщут, если ты ошибаешься, не знают насмешек, если ты проявишь невежество. О книги, вы как никто щедры и свободны, вы уделяете каждому просящему, вы дарите свободу всем, кто вам усердно служит! Сколько тысяч раз образно напоминает о вас ученым людям Писание, дарованное нам божественным вдохновением! Ведь вы тот рудник глубочайшей мудрости, к которому посылает мудрец своего сына, чтобы тот выкопал сокровище: Притчи Соломоновы, глава вторая; вы кладези вод живых, которые ископал сначала праотец Авраам, а затем расчистил Исаак, и которые пытаются завалить филистимляне. Вы поистине те благодатные колосья, полные зерна, которые дано вылущить только апостольским рукам¹, чтобы произвести сладчайшую пищу для алчущих

lagenae servantes lampadas Gedeonis, pera David, de qua limpidissimi lapides extrahuntur, ut Goliath prosternatur. Vos estis aurea vasa templi, arma militiae clericorum, quibus tela nequissimi destruuntur, olivae fecundae, vineae Engadi, ficus sterilescere nescientes, lucernae ardentes semper in manibus praetendendae, et optima quaeque Scripturae libris adaptare poterimus, si loqui libeat figurate.

душ: От Матфея, глава двенадцатая. Вы золотые урны, хранящие манну небесную², вы медоточивые скалы, нет, сами медвяные соты, вы сосуды, питающие млеком жизни, вы овин неистошимый³. Вы древо жизни и райская четверочастная река⁴, питающая дух, орошающая и наполняющая иссохший разум. Вы ковчег Ноев и лествица Иакова^{4a}, вы ясли⁵, расцвечивающие потомство глядящих на них животных. Вы памятные камни¹; вы кувшины, скрывающие светильники Гедеона², вы сумка Давида, из которой извлекаются гладкие камешки, чтобы сразить Голиафа³. Вы храмовые сосуды, вы щит церковного воинства⁴, отражающий стрелы Нечистого⁵. Вы оливы плодоносящие⁶, виноградные лозы Энгадди⁷, смоковницы неистошимые⁸, светильники горящие⁹, поднятые в руках.

Capitulum Secundum

QUALIS AMOR LIBRIS RATIONABILITER DEBEATUR

Si quidlibet juxta gradum valens gradum mereatur amoris, valorem vero librorum ineffabilem persuadet praecedens capitulum, palam liquet lectori quid sit inde probabiliter concludendum. Non enim // demonstrationibus in morali materia utimur, recordantes, quoniam disciplinati hominis est certitudinem quaerere, sicut rei naturam perspexerit tolerare, archiphilosopho attestante primo Ethicorum; quoniam nec Tullius requirit Euclidem, nec Euclidi Tullius facit fidem. Hoc revera sive logice sive rhetorice suadere conamur, quod, quaecunque divitiae vel deliciae

Глава вторая

КАКОВА ДОЛЖНА БЫТЬ РАЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ К КНИГАМ

Если степень любви, которой заслуживает каждая вещь, соответствует ценности этой вещи, а несказанная ценность книг убедительно показана в предыдущей главе, то читателю ясно, какой вывод отсюда должно сделать. Ведь 23 в вопросах / морали мы не прибегаем к доказательствам, помня, что образованный человек ищет достоверности лишь в такой мере, в какой это допускает природа рассматриваемого предмета, как об этом говорит архифилософ в первой книге Этики; ибо ни Туллий¹ не нуждается в Евклиде², ни для Евклида не убедит-

cedere debent libris in anima spiritali, ubi spiritus, qui est charitas, ordinat charitatem. Primo quidem, quia in libris sapientia continetur potissime, plus quam omnes mortales naturaliter comprehendant; sapientia vero divitias parvipendit, sicut capitulum antecedens allegat. Praeterea Aristoteles De Problematibus, particula tricesima, problemate decimo istam determinat quaestionem, propter quid antiqui, qui pro gymnasticis et corporalibus agoniis praemia statuerunt potioribus, nullum unquam praemium sapientiae decreverunt? Hanc responsione tertia ita solvit: In gymnasticis exercitiis praemium est eligibilius et melius illo pro quo datur. Sapientia autem nihil melius esse potest, // quamobrem sapientiae nullum potuit praemium assignari. Ergo nec divitiae nec deliciae sapientiam antecellunt.

телен Туллий. Но вот что мы решаемся утверждать, опираясь или на логику, или на риторику: в натуре духовной, чья духовность есть любовь и порождает любовь, все богатства и роскошества должны отступить перед книгами уже по той причине, что содержащаяся в книгах мудрость — выше того, что могут естественным образом воспринять смертные, а мудрость презирует богатства, как показано в предыдущей главе. Кроме того, Аристотель в своих Проблемах — часть тридцатая, проблема десятая — рассматривает вопрос, почему древние, установив награды отличившимся в гимнастических и телесных состязаниях, никогда не назначали никакой награды за мудрость. Этот вопрос он так разрешает в третьем ответе: В гимнастических упражнениях награда значительнее

Rursus amicitiam divitiis praeponendam solus negabit insipiens, cum sapientissimus hoc testetur, amicitiae vero veritatem hieraphilosophus praeonorat, et verus Zorobabel omnibus anteponit. Subsunt igitur divitiae veritati. Veritatem vero potissime et tuentur et continent sacri libri, immo sunt Veritas ipsa scripta, quoniam pro nunc librorum asseres librorum non asserimus esse partes. Quamobrem divitiae subsunt libris, praesertim cum pretiosissimum genus divitiarum omnium sint amici, sicut secundo De Consolatione testatur Boethius: quibus tamen librorum Veritas est per Aristotelem praeferenda. Amplius cum divitiae ad solius corporis subsidia primo et principaliter pertinere noscantur: virtus vero librorum sit perfectio rationis, quae bonum humanum proprie nominatur, apparet quod libri sunt homini ratio-

и лучше того, за что она дается. Но
ничто не может быть лучше мудро-
24 сти, / и поэтому невозможно было
назначить мудрости какую бы то ни
было награду. Итак, ни богатства
ни роскошества не превосходят муд-
рости.

Далее, только глупец станет отри-
цать, что дружба заслуживает пред-
почтения перед богатством, раз об
этом свидетельствует мудрейший
из людей. Но и дружбе священно-
мудрый философ предпочитает исти-
ну, которую и правдолюбивый Зоро-
равель¹ ставит выше всего. Итак, бо-
гатство ниже истины. Истину же со-
держат и хранят священные кни-
ги, вернее, они сами записанная исти-
на, ведь не считаем же мы книжные
переплеты частями книги. Следова-
тельно богатство стоит ниже книг: и
это понятно, ибо самое драгоцен-

ne utenti divitiis cariores. Praeterea
enim illud, quo fides defenderetur com-
25 modius, dilataretur // diffusius, praedi-
caretur lucidius, diligibilis debet esse
fidei. Hoc autem est Veritas libris in-

ное богатство — это друзья, как свидетельствует Боэций во второй книге своего Утешения, а истинность книг, согласно Аристотелю, должна быть предпочтена даже и друзьям. Далее, богатство прежде всего и более всего идет на пользу тела, а достоинство книг состоит в усовершенствовании разума, которое можно назвать преимущественным благом человека²: отсюда явствует, что книги для человека, пользующегося своим разумом, дороже богатства. Кроме того, для верного христианина должно быть особенно дорого то, что облегчает защиту веры, расширяет ее / распространение, делает более убедительной ее проповедь. Истинность же книг подтверждена тем, что Спаситель, состязаясь с Искусителем, мужественно оградил себя щитом истины, и притом истины письмен-

scripta, quod evidentius figuravit Sal-
vator quando contra temptatorem proe-
liatus viriliter scuto se circumdedit
veritatis, non cujuslibet immo scriptae;
scriptum esse praemittens quod vivae
vocis oraculo erat prolaturus; Mat-
thaei quarto. Rursus autem felici-
tatem nemo dubitat divitiis praepo-
nendam. Consistit autem felicitas in
operatione nobilissimae et divinioris po-
tentiae quam habemus, dum videlicet
intellectus vacat totaliter veritati sapien-
tiae contemplandae, quae est delecta-
bilissima omnium operationum secun-
dum virtutem, sicut princeps philoso-
phorum determinat decimo Ethicorum;
propter quod et philosophia videtur ha-
bere admirabiles delectationes, purita-
te et firmitate, ut scribitur consequen-
ter. Contemplatio autem veritatis num-
quam est perfectior quam per libros,
dum actualis imaginatio, continuata per

ной. объявляя написанным ¹ все, что провозглашал словами живой речи — От Матфея, глава четвертая. С другой стороны, никто не сомневается, что блаженство следует предпочесть богатству. Состоит же блаженство в осуществлении самой благородной и божественной способности, какой мы обладаем, — когда наш дух полностью открыт для созерцания истинной мудрости: такова отраднейшая из деятельностей, сообразных с добродетелью, как определяет глава философов в десятой книге Этики; поэтому, как он отсюда выводит, и философия заключает в себе чудесные наслаждения благодаря своей ясности и достоверности. Но созерцание истины нигде не бывает более совершенным, чем при посредстве книг: действенное воображение, воплощенное в книге, не позволяет

librum, actum intellectus super visas veritates non sustinet interrumpi. Quamobrem libri videntur esse felicitatis speculativae immediatissima instrumenta: // unde Aristoteles, sol philosophicae varitatis, ubi de eligendis distribuit methodos, docet quod philosophari est simpliciter eligibilius quam ditari, quamvis in casu, ex circumstantiis puta necessariis indigenti, ditari quam philosophari sit potius eligendum; tertio Topicorum.

Adhuc cum libri sint nobis magistri commodissimi, ut praecedens assumit capitulum, eisdem non immerito tam honorem quam amorem tribuere convenit magistralem. Tandem cum omnes homines natura scire desiderent, ac per libros scientiam veterum praeoptandam divitiis omnibus adipisci possimus, quis homo secundum naturam videns, librorum non habeat appetitum? Quamvis

прерваться умственной деятельности, направленной на зримые истины. Таким образом, книги оказываются самыми непосредственными орудиями созерцательного блаженства; / отсюда Аристотель, солнце философской истины, там, где он поучает о предпочтительном поведении, делает вывод, что вообще быть философом предпочтительнее, чем быть богатым, хотя в отдельных случаях, когда к этому вынуждает необходимость, обогащение бывает предпочтительнее философствования.

И вот, так как книги наши ближайшие учителя, как мы показали в этой главе, то мы должны питать к ним не только любовь, но и уважение, подобающее учителям. И так как все люди от природы стремятся к знанию¹, а через книги мы можем приобрести все знание древних, более

vero porcos spernere margaritas sciamus, nihil in hoc prudentis laeditur opinio, quominus oblatas comparet margaritas. Pretiosior est igitur cunctis opibus sapientia libraria, et omnia quae desiderantur, huic non valent comparari; Proverbiorum tertio. Quisquis igitur se fatetur veritatis, felicitatis, sapientiae, vel scientiae, seu etiam fidei zelatorem, librorum necesse est se faciat amatorem. //

драгоценное, чем богатства, то какой человек, следующий своей природе, будет лишен влечения к книгам? Мы знаем, что свинья пренебрегает жемчугом², но не таково должно быть суждение разумного человека, и он не откажется от лежащих перед ним жемчужин. А драгоценнее всех богатств книжная мудрость, и никакой предмет наших стремлений не может с ней сравниться — Притч Соломоновых, глава третья. Итак, каждый, кто признает себя ревнителем истины, блаженства мудрости или знания и даже веры, с необходимостью должен
27 быть любителем книг. /

Capitulum Tertium

QUALITER IN LIBRIS EMENDIS SIT PRETIUM AESTIMANDUM

Corollarium nobis gratum de praedictis elicimus, paucis tamen, ut credimus, acceptandum. Nullam videlicet debere caritiam hominem impedire ab emptione librorum, cum sibi suppetat quod petitur pro eisdem, nisi ut obsistatur malitiae venditoris, vel tempus emendi opportunius exspectetur. Quoniam si sola sapientia pretium facit libris, quae est infinitus thesaurus, et si valor librorum est ineffabilis, ut praemissa supponunt, qualiter probabitur esse carum commercium, ubi bonum emitur infinitum? Quapropter libros libenter emendos et invite vendendos, sol hominum, Salo-

Глава третья

КАК НАДО ОПРЕДЕЛЯТЬ ЦЕНУ ПРИ ПОКУПКЕ КНИГ

Из того, что было сказано выше, мы сделаем вывод, который считаем важным, хотя его примут, как полагаем, лишь немногие. А именно: никакая цена не должна удерживать человека от покупки книг, если у него достаточно денег, чтобы уплатить сколько требуется, разве только приходится выступить против недобросовестности продавца или можно ожидать более благоприятного случая для покупки. Действительно, если ценность книг определяется только мудростью, которая составляет для людей безмерное сокровище, и если эта ценность,

28 mon nos hohatur; Proverbiorum vice-
simo // tertio: Veritatem, inquit, eme, et
noli vendere sapientiam. Sed quod rhe-
torice suademus vel logice, adstruamus
historiis rei gestae.

как предполагают наши предпосылки, несказанна, то как можно признать дорого оплаченной покупку, приносящую неоценимое благо? Вот почему Соломон, это солнце человечества, убеждает нас радоваться покупке книг и тяготиться их продажей — Притчи, глава двадцать / третья: Купи истину, говорит он, и не продавай мудрости. Но подкрепим историческими фактами то, что мы обосновывали средствами риторики и логики.

Архифилософ Аристотель, о котором Аверроэс¹ говорит, что он был дан человечеству как закон природы, после смерти Спевсиппа² купил несколько его книг за семьдесят две тысячи сестерциев. Платон, предшественник Аристотеля по времени, но второй по учености, приобрел за десять тысяч денариев книгу пифаго-

Archiphilosophus Aristoteles, quem Averroes datum putat quasi regulam in natura, paucos libros Speusippi, post ipsius decessum, pro septuaginta duobus milibus sestertiis statim emit. Plato prior tempore sed doctrinis posterior, Philolai Pythagorici librum emit pro decem milibus denariorum, de quo dicitur Timaei dialogum excerptisse, sicut refert A. Gellius Noctium Atticarum, libro primo, capitulo sexto decimo. Haec autem narrat A. Gellius, ut perpendat insipiens quam nihilipendant sapientes pecuniam comparatione librorum. Et e contrario ut omni superbiae stultitiam cognoscamus annexam, libet hic Tarquinii Superbi stultitiam recensere in parvipensione librorum, quam refert idem A. Gellius libro primo, capitulo undevicesimo Noctium Atticarum. Vetula quaedam omnino incognita ad superbum Tarquinium, regem Roma-

рейца Филолая, которую он, говорят, использовал в своем диалоге «Тимей», как о том сообщает Авл Геллий, — Аттические ночи, книга первая, глава шестнадцатая³. Рассказывает же об этом Авл Геллий, чтобы необразованные подумали о том, как низко расценивает мудрец деньги по сравнению с книгами. В качестве противоположного примера — того, как гордость всегда бывает соединена с неразумием — покажем неразумие Тарквиния Гордого, проявленное им в пренебрежении к книгам, о чем сообщает тот же Авл Геллий в Аттических ночах, книга первая, глава девятнадцатая. Пришла, говорят, к седьмому римскому царю Тарквинию Гордому какая-то неизвестная старушка / и предложила купить у нее девять книг, содержащих, как она говорила, божествен-

29 norum septimum, dicitur accessisse, // venales offerens novem libros, in quibus, ut asseruit, divina continebantur oracula, sed immensam pro eisdem poposcit pecuniam, in tantum ut rex eam diceret

ные оракулы. Но запросила она за эти книги огромную цену, так что царь назвал ее сумасшедшей. Тогда она, рассердившись, бросила три книги в огонь, а за оставшиеся потребовала ту же плату, что и раньше; царь отказался, и она бросила в огонь еще три книги, а за оставшиеся три требовала все ту же прежнюю сумму. Тут наконец безмерно пораженный Тарквиний беспрекословно выплачивает ту сумму, за которую мог раньше получить все девять книг. А старуха тотчас исчезла, и никто ее после этого, как и прежде, не видел.

Таковы Сивиллины книги, к которым римляне обращались как к некоему божественному оракулу через одного из членов коллегии квиндецимвиров, которая, по преданию, была тогда же учреждена.

Чему иному научила пророчица

delirare. Illa commota tres libros in ignem projecit, et pro residuis summam, quam prius, exegit; rege negante, rursus tres alios in ignem projecit, et adhuc pro tribus residuis primam summam poposcit. Tandem stupefactus supra modum Tarquinius summam pro tribus gaudet exsolvere, pro qua novem poterat redemisse. Vetula statim disparuit, quae nec prius nec postea visa fuit.

Hi sunt libri Sibyllini, quos quasi quoddam divinum oraculum, per aliquem de quindecim viris consulebant Romani, et quindecimviratus officium originem creditur habuisse.

Quid aliud haec prophetissa Sibylla tam vafro facto superbum regem edocuit, nisi quod vasa sapientiae, sacri libri, omnem humanam aestimationem excedunt? Et sic de regno Caelorum dicit Gregorius: tantum valet, quantum

Сивилла гордого царя своим хитрым приемом, как не тому, что священные книги, сосуды мудрости, превосходят всякую человеческую оценку. Так же говорит о царстве небесном святой Григорий: Цена его — все, чем ты

30 владеешь. /

Capitulum Quartum
**QUERIMONIA LIBRORUM
CONTRA CLERICOS JAM
PROMOTOS**

Progenies viperarum, parentes proprios perimens, atque semen nequam ingratissimiculi, qui cum vires acceperit, virium largitricem suam nutriculam necat, sunt clerici degeneres erga libros. Redite praevaricatores ad cor et quid per libros recipitis fideliter computetis, et invenietis libros totius nobilis status vestri quodammodo creatores, sine quibus proculdubio defecissent ceteri promotores.

Ad nos nempe rudes penitus et inertes reptastis, ut parvuli loquebamini, ut parvuli sapiebatis, ut parvuli ejulantes implorastis participes fieri lactis nost-

Глава четвертая

ЖАЛОБА КНИГ НА КЛИРИКОВ, УЖЕ ДОСТИГШИХ СТЕПЕНЕЙ

О тродье змей¹, губящее своих родителей, коварное племя неблагодарной кукушки², которое, набравшись сил, убивает давшую ему силы кормилицу — вот вы кто, негодные клирики, по отношению к книгам. Возьмите мужество, предатели³, сочтите честно, что вы получили от книг, и вы убедитесь, что книги некоторым образом создатели всего вашего знатного положения, и без них, несомненно, были бы бессильны прочие покровители.

К нам, скажут книги, вы приплеклись необразованными, беспомощными, по-младенчески говорили, по-

ri. Nos vero protinus lacrimis vestris
31 tacti, mamillam grammaticae por // rexi-
mus exsugendam, quam dentibus atque
lingua contrectastis assidue, donec dem-
pta nativa barbarie, nostris linguis in-
ciperetis magnalia Dei fari. Post haec
philosophiae vestibus valde bonis, rheto-
rica et dialectica, quas apud nos habui-
mus et habemus, vos induimus, cum
essetis nudi quasi tabula depingenda.
Omnes enim philosophiae domestici sunt
vestiti duplicitus, ut tegatur tam nudi-
tas quam ruditas intellectus. Post haec,
ut alati more seraphico super cherubim
scanderetis, quadrivialium pennas vobis
quatuor adjungentes, transmisimus ad
amicum, ad cujus ostium, dum tamen
improbe pulsaretis, tres panes commo-
darentur intelligentiae Trinitatis, in qua
consistit finalis felicitas cujuslibet via-
toris. Quod si vos haec munera non
habere dixeritis, confidenter asserimus,

младенчески разумели, по-младенчески плакали, взыскуя нашего млека⁴. И мы тотчас же, соболезнуя, 31 протянули вам / сосцы грамматики¹, а вы, прильнув к ним зубами и языком, не отрывались до тех пор, пока не начали, отрешившись от первобытного варварства, прославлять на нашем языке величие Бога. Далее мы облекли вас в прекрасные одеяния философии, которыми мы располагаем, — риторику и диалектику, тогда как прежде вы были наги, как выскобленная табличка. Ибо все служители философии должны быть одеты двояко и устранять не только наготу, но и необработанность разума. После этого, чтобы вы, серафически окрыленные, могли воспарить выше херувимов, мы придали вам четыре крыла квадривия и переслали вас к нашему другу², с тем, чтобы

quod vel ea per incuriam perdidistis collata, vel in principio desides respuestis oblata. Si hujusmodi videantur ingratissimas pusillae, adicimus his majora. Vos estis genus electum, regale sacerdotium, gens sancta, vos populus peculiaris in sortem Domini computati, vos sacerdotest et // ministri Dei, immo vos antonomastice ipsa ecclesia Dei dicimini, quasi laici non sint ecclesiastici nuncupandi. Vos, laicis postpositis, psalmos et Hymnos concinitis in cancellis, et altari deservientes, cum altario participantes, verum conficitis corpus Christi, in quo Deus ipse vos non solum laicis, immo paulo magis angelis honoravit. Cui enim aliquando angelorum dixit: Tu es sacerdos in aeternum secundum ordinem Melchisedech? Vos crucifixi Patrimonium dispensatis pauperibus, ubi jam quaeritur inter dispensatores, ut fidelis quis inveniatur. Vos estis pastores gre-

вы настойчиво стучались в его дверь, пока не получите три хлеба — понимание Троицы: в этом состоит конечное блаженство³ каждого путника. Если вы скажете, что у вас нет этих даров, то мы со всей твердостью ответим, что вы или по небрежности потеряли их, или в своей косности не восприняли их уже тогда, когда они были вам предоставлены. Если все это покажется вашей неблагодарности маловажным, то мы добавим и более значительное. Вы отряд избранный, царственное священство, племя святое, вы особый народ, принадлежащий к уделу Господа, вы иереи и /
32 служители Бога, более того, вас образно называют божьей церковью, как будто бы миряне не принадлежали к церкви. Вы имеете то преимущество перед мирянами, что поете на хорах псалмы и гимны, вы, обслужи-

gis Dominici, tam exemplo vitae quam verbo doctrinae, qui vobis tenentur re-
pendere lac et lanam.

Qui sunt istorum omnium largitores, o clerici? Nonne libri? Reminisci li-
beat, supplicamus, quot per nos cleri-
cis sunt concessa egregia privilegia sa-
cerdotum. Per nos siquidem vasa sapi-
entiae et intellectus imbuti, cathedras
scanditis magistrales, vocati ab homini-
bus rabbi. Per nos, in oculis laicorum
33 mirabiles, velut // magna mundi lumina-
ria, dignitates ecclesiae, secundum sor-
tes varias, possidetis. Per nos, cum ad-
huc careatis genarum lanugine, in aeta-
te tenera constituti, tonsuram portatis
in vertice, prohibente statim ecclesias-
tica sententia formidanda: Nolite tange-
re christos meos, et in prophetis meis
nolite malignari. Et qui eos tetigerit
temere, violenter anathematis vulnere
ictu proprio protinus feriat.

вая алтарь и принимая участие в богослужении, поистине образуете тело Христово, и тем сам Бог поставил вас выше не только мирян, но в известной мере и ангелов¹. Ибо кому из ангелов он когда-либо сказал: ² Ты священник вовек по чину Мелхиседека³? Вы распределяете среди бедных наследие Распятого, и вот ныне приходится среди распределяющих искать верного⁴. Вы пасете стадо господне примером жизни и словом учения, и стадо должно вознаградить вас молоком и шерстью.

Но кто же податели всего этого, о клирики? Разве не мы, не книги? Вспомните же, умоляем, сколько благодаря нам предоставлено клирикам превосходных священнослужительских привилегий. Ведь, используя нас, сосуды, исполненные

Tandem aetate succumbente malitiae, figurae Pythagoricae bivium attingentes, ramum laevum eligitis, et retrorsum abeuntes, sortem Domini praeassumptam dimittitis, socii facti furum. Sicque semper proficientes in pejus, latrociniiis, homicidiis et multigenis impudiciis maculati, tam fama quam conscientia tabefacta sceleribus, compellente justitia in manicis et compedibus coarctati servamini, morte turpissima puniendi. Tunc elongarur amicus et proximus, nec est qui doleat vicem vestram. Petrus jurat se hominem non novisse: vulgus clamat justitiano: Crucifige eum, crucifige quoniam, si hunc dimittis, Caesaris amicus non eris. Jam periiit // omnis fuga, nam ante tribunal oportet assisti, nec locus suppetit appellandi, sed solum suspendium expectatur. Dum sic tristitia complevit cor miseri et solae Camenae lacerae fletibus

мудрости и знания, вы поднимаетесь на учительные кафедры, к вам обращаются люди со званием Рабби⁵. Благодаря нам окруженные прекло-
33 нением как / великие светочи мира¹, вы удостоены церковного сана, каждый сообразно со своими обстоятельствами. Благодаря нам посвященные в нежном возрасте до появления первого пуха на щеках, вы носите тонзуру на макушке и тем поставлены под защиту грозного церковного запрета: Не прикасайтесь к помазаным моим и пророкам моим не делайте зла². И кто их опрометчиво коснется, да будет тотчас же поражен своим собственным ударом и подвергнут анафеме.

Но вот ваш возраст поддается порче, достигнув распутья Пифагоровой фигуры³, вы избираете левую ветвь, уклонившись от прошлого, покидае-

ora rigant, fit vallatus angustiis undique, memor nostri, et ut evitet mortis propinquae periculum, antiquatae tonsurae quam dedimus parvum praefert signaculum, supplicans ut vocemur in medium et collati muneris testes simus. Tunc misericordia moti statim, occurrimus filio prodigo et a portis mortis servum eripimus fugitivum. Legendus liber porrigitur non ignotus, et ad modicam balbutientis prae timore lectionem, iudicis potestas dissolvitur, accusator subtrahitur, mors fugatur. O carminis empirici mira virtus! O dirae cladis antidotum salutare! O lectio pretiosa psalterii, quod meretur hoc ipso liber vitae deinceps appellari! Sustineant laici saeculare iudicium, ut vel insuti culleis enatent ad Neptunum, vel in terra plantati Plutoni fructificent, aut Vulcano per incendia holocaustum se offerant medullatum, vel certe suspensi victima

те жребий Господа и становитесь сотоварищами воров. Так, идя все далее по пути порока, запятнав себя грабежами, убийствами, всяческим бесстыдством, растлив свое имя и совесть преступлениями, вы, наконец, по требованию правосудия подвергаетесь заточению в узилище для предания позорнейшей смерти. Тут удаляется от вас друг и близкий⁴, и нет никого, кто скорбел бы о вашей участи⁴. Петр клянется, что не знает этого человека⁵; толпа кричит судье: Распни, распни его, если ты его отпустишь, ты не друг Кесарю⁶. И вот уже нет/никакой надежды на бегство, приходится предстать перед судом, и некуда обжаловать приговор, и остается только ждать виселицы. Уныние наполнило сердце несчастного, слезы струятся по щекам сокрушенных Камен, и

sint Junoni; dum noster alumnus, ad
35 lectionem unicam // libri vitae, pontificis
commendatur custodiae, et rigor in fa-
vorem convertitur. Ac dum forum suf-
fertur a laico, a librorum alumno cle-
rico mors differtur.

Ceterum jam de clericis, qui sunt
vasa virtutis, loquamur. Quis de vobis
pulpitum vel scabellum praedicaturus
ascendit, nobis penitus inconsultis? Quis
scholas lecturus vel disputaturus ingre-
ditur, qui nostris conatibus non fulci-
tur? Primum oportet volumen cum Eze-
chiele comedere, quo venter memoriae
dulcescat intrinsecus, et sic more pan-
therae refertae, redoleat extrinsecus
conceptorum aromatum odor suavis, ad
cujus anhelitum coanhelent accedere
omnes bestiae et jumenta. Sic nostra
natura in nostris familiaribus operante
latenter, auditores accurrunt benevoli,
sicut adamas trahit ferrum nequaquam

тогда он, теснимый отовсюду бедствием, вспоминает о нас и, чтобы избежать угрожающей немедленной смерти, указывает на малый знак давней тонзуры, которую мы ему дали, и просит призвать нас как свидетелей предоставленного ему дара. Движимые состраданием, мы тотчас приходим на помощь блудному сыну и вырываем беглого раба от самых врат смерти¹. Ему вручают еще не забытую книгу, и хотя он читает прерывающимся от страха голосом, суровость судьи смягчается, обвинитель отступает, смерть изгнана². О врачующая сила поэзии! О спасительное противоядие в тяжком угнетении! О драгоценное чтение псалтыри, достойной отныне называться древом жизни! Пусть миряне подвергаются приговору мирского судьи, пусть защиты в мешок выплывают к са-

invite. O virtus infinita librorum! jacent
Parisiis vel Athenis, simulque resonant
in Britannia et in Roma. Quiescentes
quippe moventur, dum ipsis loca sua
tenentibus, auditorum intellectibus cir-
cumquaque feruntur. Nos denique sa-
36 cerdotes, // pontifices, cardinales, et pa-
pain, ut cuncta in hierarchia ecclesias-
tica collocentur, in ordine literarum
scientia stabilimus. A libris namque su-
mit originem, quicquid boni provenit
statui clericali. Sed haec hactenus. Piget
enim reminisci, quae dedimus populo
clericorum degeneri, quia magis viden-
tur perdita quam collata, quaecumque
munera tribuuntur ingratis. Deinceps
insistemus parumper recitandis injuriis,
quas rependunt vilipensionibus et jactu-
ris; de quibus nec singula genera reci-
tare sufficimus, immo vix proxima ge-
nera singularum.

In primis de domiciliis clericorum,

тому Нептуну, или закопанные в землю плодonoсят Плутоноу, или сожигаемые предоставляют тучное всеожжение Вулкану, или повешенные станут жертвой властительнице воздуха Юноне; тогда как нашего питомца единое прочтение / из книги 35 Жизни отдает под охрану епископа и суровость обращает в милость. Так на мирянина падает вся тяжесть приговора, а питомец книг клирик избавлен от немедленной смерти.

Поговорим теперь и о тех клириках, которые достойны быть названы сосудами добродетели. Кто из вас восходит для проповеди на кафедру, не посоветовавшись с нами? Кто выступает с лекцией в школе или участвует в диспуте, не опираясь на нашу помощь? Прежде всего он должен, подобно Иезекииллю¹, съест

nobis jure hereditario debitis, vi et armis expellimur, qui quondam in interiori cubiculo cellulas habebamus quietis, sed proh dolor! his nefandis temporibus, penitus exsulantes improperium

свиток, чтобы желудок памяти наполнился сладостью; и так проникнутый этой сладостью внутри, он, наподобие насытившейся пантеры, снаружи издает сладостный аромат², дуновение которого привлекает всех зверей и котов. Так под воздействием нашей природы, сокрытой в наших близких друзьях, охотно сбегаются слушатели, точно так же, как небезвольно притягивается к алмазному железу. О бесконечная сила книг! Лежат они в Париже или в Афинах, а отголосок раздается в Британии и в Риме. Да, книги, покоясь, находятся в движении, ибо, пока они занимают свои места, они носятся повсюду в умах слушателей. Наконец, мы, говорят книги, / ставим в порядке церковной иерархии соответственно их знаниям священников, епископов, кардиналов, папу. Ибо

patimur extra portas. Occupant etenim loca nostra nunc canes et aves, nunc bipedalis, cujus cohabitatio cum clericis vetabatur antiquitus, a qua semper super aspidem et basiliscum alumnos nostros docuimus fugiendum, quamobrem
37 ista nostris // semper studiis aemula, nullo die placanda, finaliter nos inspectos in angulo jam defunctae araneae sola tela protectos, in rugam fronte collecta, virulentis sermonibus detrahit et subsannat. Ac nos in tota domus supellectili supervacaneos hospitari demonstrat, et ad unumquodque oeconomiae servitium conqueritur otiosos. Mox in capitegia pretiosa sindonem et sericum, et coccum bis tinctum, vestes et varias furraturas, linum et lanam nos consulit commutandos. Et quidem merito, si videret intrinseca cordis nostri; si nostris privatis interfuisset consiliis; si Theophrasti vel Valerii per-

в книгах начало всех благ, какими располагает сословие клириков. Но довольно об этом: горько вспомнить о том, что мы дали вырождакам этого сословия: ведь что дано неблагодарным, то скорее потеря, чем дар. Остановимся только коротко на ущербе, который они нам причиняют в своем пренебрежении. Нет возможности перечислить все разновидности испытываемых нами обид, и мы коснемся лишь главнейших из них.

Во-первых, нас силой оружия изгоняют из унаследованных нами по праву жилищ в обителях, где нам когда-то принадлежали спокойные кельи; в нынешние же нечестивые времена, о горе! мы в изгнании, оставшись за воротами, терпим поношение¹, а наши прежние места теперь занимают то собаки и птицы, то двуногое животное, сожительство ко-

legisset volumen, vel saltern vicesimum
quintum Capitulum Ecclesiastici auribus
intellectus audisset. Quapropter con-
querimur de hospitiiis injuste nobis abla-
tis, de vestibus non quidem non datis,
sed de datis antiquitus violentis mani-
bus laceratis. Adhaesit pavimento anima
nostra, conglutinatus est in terra ven-
ter noster, et gloria nostra in pulve-
rem est deducta. Morbis variis labora-
mus, dorsa dolentes et latera; et jace-
mus membratim paralyti dissoluti, nec
38 est qui recogitet, nec est ullus // qui
malagma procuret. Candor natus et
luce perspicuus, jam in fuscum et cro-
ceum est conversus, ut nemo medicus
dibitet ictericia nos infectos. Arthri-
ticam patiuntur nonnulli de nobis, sicut
extremitates retortae insinuant eviden-
ter. Fumus et pulvis, quibus infesta-
mur assidue, radiorum visualium aciem
hebetarunt, et jam lippientibus oculis

того с клириками издревле воспрещалось, избегать которого пуще аспида и василиска² мы всегда учили
37 своих питомцев; и вот эта / ненавистница наших занятий, неукротимая ни на один день, найдя нас в углу, прикрытых только паутиной уже умершего паука, вытаскивает и, наморщив лоб, осыпает ядовитыми насмешками. Она доказывает, что среди всей домашней утвари мы одни являемся совершенно излишними пришельцами, и жалуется, что от нас нет никакой пользы в хозяйстве. Вскоре она требует обменять нас на дорогие головные уборы, муслин и шелк, дважды окрашенный пурпур, платья и разноцветные меха, лен и шерсть. И ее враждебность имела бы больше оснований, если бы она могла заглянуть в наши сердца и проникнуть в наши помыслы, если бы

ophthalmiam superducunt. Ventres nostri duris torsionibus viscerum, quae vermes edaces non cessant corrodere, consumuntur, et utriusque Lazari sustinemus putredinem, nec invenitur quisquam, qui cedri resina nos liniat, vel qui quatruiduano iam putrido clamans dicat, Lazare, veni foras! Nullo circumligantur medicamine vulnera nostra saeva, quae nobis innoxiiis inferuntur atrociter, nec est ullus, qui super nostra ulcera cataplasmet: sed pannosi et algidi, in angulos tenebrosos abicimur in lacrimis, vel cum sancto Iob in sterquilinio collocamur, vel quod nefas videtur effatu, in abyssis abscondimur cloacarum. Pulvinar subtrahitur evangelicis supponendum lateribus, quibus primo deberent de sortibus clericorum prove // nire subsidia et sic ad nos suo
38 famulatu deputandos pro semper communis victus necessariis derivari. Rur-

прочитала сочинения Феофраста или Валерия ¹ или хотя бы умственным слухом восприняла двадцать пятую главу Экклезиастика ².

Поэтому мы жалуемся на то, что у нас несправедливо отняли жилища, что одежды нам не только не даны, но и те, которые на нас были исстари, содраны с нас нечестивыми руками. Душа наша повержена в прах, живот наш припал к земле, слава наша обращена в пыль. Мы страдаем многими недугами, болят наши спины и бока; мы лежим, разбитые параличом во всех членах, и нет никого, кто позаботился бы о нас, кто / наложил бы смягчающую повязку. Наша природная сияющая белизна перешла в смуглую желтизну, и ни один врач не усомнился бы, что мы поражены желтухой. Многие из нас страдают и артритом, на что не-

sus de alio genere calamitatis conquerimur, quae personis nostris crebrius irrogatur injuste. Nam in servos vendimur et ancillas, et obsides in tabernis absque redemptore jacemus. Macellariis crudelibus subdimur, ubi mactari tam pecora quam jumenta sine piis lacrimis non videmus, et ubi millesies morimur ipso metu, qui posset cadere in constantem. Judaeis committimur, Sarracenis, haereticis, et paganis, quorum super omnia toxicum formidamus, per quos nonnullos de nostris parentibus per venenum pestiferum constat esse corruptos. Sane nos, qui architectonici reputari debemus in scientiis, et subjectis nobis mechanicis omnibus imperamus, subalternatorum regimini vice versa committimur, tanquam si monarcha summe nobilis rusticanis calcaenis substernatur. Sartor et sutor et scissor quicumque ac cujuslibet operis

опровержимо указывают искривленные конечности. Дым и пыль, постоянно осаждающие нас, притупили остроту наших зрительных лучей и угрожают офтальмией уже воспаленным глазам. Жестокие спазмы терзают наши внутренности, не переставая точат их прожорливые черви. Мы подвержены тлению обоих Лазарей¹ и не находим никого, кто помазал бы нас кедровой смолой или сказал бы тлеющему уже четвертый день: Лазарь, иди вон! Никакой повязкой не защищены тяжкие наши раны, безвинно нанесенные жестокими руками, никто не наложит пластырь на наши язвы; в лохмотьях, замерзшие, мы проливаем слезы в темных углах или валяемся, как святой Иов, на гноище², или, что и вымолвить страшно, захлебываемся в глубине клоак. Исчезла пред-

artifex, nos custodit in carcere, pro
superfluis et lascivis deliciis clerico-
40 rum. //

Jam volumus prosequi novum genus
injuriae, quo tam in nostris personis
laedimur quam in fama, qua nihil cari-
us possidemus. Generostiati nostrae om-
ni die detrahitur, dum per pravos com-
pilatores, translatores, transformatores
nova nobis auctorum nomina imponun-
tur et, antiqua nobilitate mutata, re-
generatione multiplici renascentes dege-
neramus omnino. Sicque vilium vitri-
corum nobis nolentibus affiguntur vo-
cabula, et verorum patrum nomina fi-
liis subducuntur. Versus Virgilio adhuc
ipso vivente quidam pseudoversificus
usurpavit, et Martialis Coci libellos Fi-
dentinus quidam sibi mendaciter arro-
gavit, quem idem Martialis redarguit
merito sub his verbis:

назначенная для наших евангелических переплетов подушка, средства на которую должны были составляться из взносов клира, / обеспечивающих нам возможность существовать и нести нашу службу.

Жалуемся мы и на другое бедствие, которое часто постигает нас вопреки всякой справедливости. Нас продают как рабов и рабынь, мы как заложники лежим в тавернах и тщетно ждем выкупа. Мы отданы во власть свирепым мясникам и не можем сдерживать благочестивые слезы при виде того, как убивают баранов и быков; да и сами мы тысячекратно умираем от одного страха, какого и самый стойкий не выдержит. Передают нас иудеям, сарацинам, еретикам и язычникам, отравя которых нас более всего страшит, ибо хорошо известно,

Quem recitas, meus est, O Fiden-
tine, libellus:
Sed male dum recitas, incipit esse
tuus.
Quid ergo mirum, si defunctis nostris

сколь многие из нашей семьи испорчены их губительным ядом.

И вот мы, которые должны считаться главными мастерами в науках и распорядиться всей подчиненной нам механикой, вместо того сами отданы во власть нашим подчиненным, как будто благороднейший монарх оказался попираемым пятами деревенщины. Нас держит в тюрьме портной, сапожник, повар и любой другой ремесленник, ради бездельной и разгульной жизни клириков. /

Теперь мы обратимся к другому роду обид, затрагивающему не только нас лично, но и нашу добрую славу, которая нам дороже всего. Наше достоинство каждый день уменьшается тем, что дурные компиляторы, переводчики, пересказчики придают нам новые авторские имена: утрачивая наше исконное благородство, мы

auctoribus suas per nos fimbrias simiae clericorum magnificent, cum eisdem superstitibus nos recenter editos rapere moliantur. Ha, quotiens nos antiquos fingitis nuper natos, et qui patres
41 sumus, // filios nominare conamini. Quique vos ad esse clericale creavimus, studiorum vestrorum fabricas appelatis. Revera de Athenis exstitimus oriundi, qui fingimur nunc de Roma, semper namque Carmentis latruncula fuit Cadmi, et qui nuper nascebamur in Anglia, cras Parisiis renascemur: et inde delati Bononiam, Italicam sortiemur originem nulla consanguinitate suffultam. Heu! quam falsis scriptoribus nos exarandos committitis, quam corrupte nos legitis et quotiens medicando necatis, quos pio zelo corrigere credebatis! Interpretes barbaros sustinemus multotiens, et qui linguarum idiomata nesciunt, nos de lingua ad linguam trans-

в этом многообразном возрождении совершенно вырождаемся. Так против нашей воли нам навязывают имена низменных отчимов, а имена настоящих отцов отнимают у их законных сыновей. Еще при жизни Вергилия какой-то лжепоэт присвоил себе его стихи; стихи Марциала Повара¹ ложно выдал за свои некий Фидентин, которого Марциал заслуженно обличил такой эпиграммой²:

Ты, Фидентин, за свои выдаешь
мои сочиненья.

Что ж, в исполнение таком каждый
признает: твой.

Что же удивительного в том, что эти монашествующие обезьяны после смерти наших авторов рядятся в их одеяния, если еще и при их жизни они пытаются присвоить себе нас, едва только мы изданы. Ах, сколько раз вы представляете нас, древ-

ferre praesumunt: sicque proprietate sermonis ablata, fit sententia contra sensum auctoris turpiter mutilata! Bene gratiosa fuisset librorum condicio, si turris Babel nullatenus obfuisset prue-

них, только что появившимися на
41 свет, называя отцов сыновьями, / вы-
давая за плод вашего усердия тех,
которые вас самих приобщили к кли-
ру. Мы ведем свой род из Афин, а
приписывают нам римское проис-
хождение: всегда ведь Карментис бы-
ла только подражательницей Кадма¹.
Вот и те из нас, которые недавно
рождены в Англии, завтра снова
родятся в Париже; а оттуда нас пере-
несут в Болонью, и мы приобретем
итальянское происхождение, не
подкрепляемое никаким кровным
родством. Увы! каким ненадежным
писцам вы доверяете наше изготов-
ление, в каком извращенном виде вы
нас читаете и сколько раз убиваете
своим лечением, воображая в своем
благочестивом усердии, что вносите
поправки! Часто страдаем мы и от
невежественных переводчиков, ко-

sumptio, si totius humani generis unica descendisset sermonis species propagata!

42 Ultimam nostrae prolixae querelae, sed pro materia quam habemus brevissimae, clau // sulam subjungemus. In nobis etenim commutatur naturalis usus in eum usum qui est contra naturam, dum passim pictoribus subdimur litterarum ignaris et aurifabris, proh dolor! commendamur nos, qui sumus lumen fidelium animarum, ut fiamus, ac si non essemus sapientiae sacrae vasa, repositoria bractearum: devolvimur indebite in laicorum dominium, quod est nobis amarius omni morte, quoniam hi vendiderunt populum nostrum sine pretio, et inimici nostri sunt.

Liquet omnibus ex praedictis quam infinita possemus in clericos invectiva conicere si non honestati propriae parceremus. Nam miles emeritus clipeum

торые, не зная идиоматики языка, берутся переводить с одного языка на другой, так что, с утратой особенностей речи, смысл переводимого автора оказывается безобразно извращен! Счастливым было бы положение книг, если бы не возникло губительное притязание Вавилонской башни² и если бы весь род человеческий унаследовал единую речь!

Добавим последнюю часть нашей жалобы, пространной, но все же краткой по сравнению с материалом, 42 которым мы располагаем. / Соответствующее нашей природе отношение к нам извращено в противоестественное: нас отдают в обработку невежественным рисовальщикам и золотильщикам, чтобы мы, светоч верных христиан, сосуды священной мудрости, превратились, — о горе! — в хранилище позолоты: незаслужен-

venerator et arma, gratusque Corydon
aratro tabescenti, bigae, trahae, tribulae
ac ligoni et omnis artifex manualis
hyperduliam propriam suis exhibet in-
strumentis: solus ingratus clericus par-
vipendit et negligit ea, per quae sui
honoris auspicia semper sumit. //

но подпадаем мы под господство мирян, а это нам горше всякой смерти ¹, ибо они продали наш народ без выгоды, и враги наши стали нашими судьями ².

Изо всего сказанного ясно, что мы могли бы до бесконечности продолжать свои упреки клирикам, если бы не щадили собственное достоинство. Ибо заслуженный воин уважает свой щит и оружие, Коридон хранит благодарность своему ржавеющему плугу, старой упряжке, молотилке, мотыге, каждый ремесленник питает преданность своим орудиям; и только неблагодарный клирик пренебрегает теми пособиями, которые позволяют ему занимать почетное положение.

**QUERIMONIA LIBRORUM CONTRA
RELIGIOSOS POSSESSIONATOS**

Religionum veneranda devotio in librorum cultu solet esse sollicita et in eorum eloquiis sicut in omnibus divitiis delectari. Scribebant namque nonnulli manibus propriis inter horas canonicas, intervallis captatis, et tempora pro quiete corporis commodata fabricandis codicibus concesserunt. De quorum laboribus hodie in plerisque splendent monasteriis illa sacra gazophylacia, cherubicis libris plena, ad dandam scientiam salutis studentibus, atque lumen delectabile semitis laicorum. O labor manualis felicior omni cura georgica! O devota sollicitudo, ubi nec meretur Martha cor-

**ЖАЛОБЫ КНИГ
НА МОНАХОВ ВЛАДЕТЕЛЬНЫХ**

Достойная уважения преданность религии выражается в усердном служении книгам и находит отраду в общении с ними как со всяческим богатством¹. Многие собственноручно писали, улавливая промежутки между часами служб и отдавая изготовлению книг время, предназначенное для отдыха. Благодаря их трудам ныне многие монастыри блистают священными древлехранилищами, полными херувических книг, которые дают изучающим спасительное знание и отрадный свет на мирских тропах. О ручной труд, счастливей-

ripi nec Maria! O domus jucunda, in
qua Racheli formosae Lia fecunda non
44 invidet, sed contemplatio cum activa //
gaudia sua miscet. Felix Providentia
pro futuro infinitis posteris valitura,
cui nulla virgultorum plantatio, nulla
seminum satio comparatur, nulla buco-
lica curiositas quorumlibet armentorum,
nulla castrorum constructio munitorum!
Quamobrem immortalis debet esse pat-
rum illorum memoria, quos solius sapi-
entiae delectabat thesaurus, qui contra
futuras caligines, luminosas lucernas ar-
tificiosissime providerunt, et contra fa-
mem audiendi verbum Dei, panes non
subcinericios, neque hordeaceos, nec
muscidos, sed panes azymos de puris-
sima simila sacrae sophiae confectos
accuratissime paraverunt, quibus esuri-
entes animae feliciter cibarentur. Hi
fuerunt probissimi pugiles Christianae
militiae, qui nostram infirmitatem ar-

ший всякой заботы земледельческой!
О благочестивое усердие, в котором
ни Марфа, ни Мария не заслужат
упрека!² О благодатный дом, в ко-
тором не завидует красивой Рахили
плодовитая Лия³, но созерцание и
44 действие / объединяют свои радости.
Счастлирое провидение, драгоцен-
ное в будущем для бесчисленных по-
томков, с которым несравнимо ни-
какое древонасаждение, никакой
посев злаков, никакой пастушеский
уход за стадами, никакое строитель-
ство укрепленных станов! Бессмерт-
ной должна быть память наших от-
цов, которых утешало сокровище еди-
ной мудрости, которые глубоко-
мысленно предусмотрели против бу-
дущей тьмы сияющие светочи, а про-
тив голода, ищущего услышать слово
божие¹, приготовили хлебы не из
золы извлеченные, не ячменные, не

mis fortissimis munierunt. Hi fuerunt
suis temporibus vulpium venatores cau-
tissimi, qui jam nobis sua retia reli-
querunt, ut parvulas caperemus vulpe-
culas, quae non cessant florentes vineas
demoliri. Vere patres egregii benedic-
tione perpetua recolendi, felices merito
fuissetis, si vobis similem sobolem ge-
45 nuisse, si prolem non degene // rem nec
aequivocam reliquisset ad sequentis tem-
poris subsidium licuisset.

Sed, quod dolentes referimus, jam
Thersites ignavus arma contrectat
Achillis et dextrariorum phalerae prae-
electae pigritantibus asinis substernun-
tur, aquilarum nidis caecutientes noc-
tuae dominantur, et in accipitris pertica
residet vecors milvus. Liber Bacchus
respicitur, et in ventrem traicitur nocte
dieque; liber codex despicitur, et a manu
reicitur longe, tanquam si cujusdam
aequivocationis multiplicitate fallatur

подверженные плесени, но хлеба не-
квашенные, состоящие из чистейшей
муки² священной мудрости, хлеба,
которые счастливо насытят алчущие
души. Это были честные бойцы Хри-
стова воинства, защитившие мощным
оружием нашу слабость. Это были в
свое время искуснейшие уловители
лисиц, оставившие нам свои тенета,
чтобы и мы могли уловить лисенят,
которые непрестанно портят наши
цветущие виноградники³. Великие
отцы, достойные вечного благосло-
вения, вы были бы заслуженно счаст-
ливы, если бы вам было дано родить
45 подобное вам потомство, / оставить
потомство невыродившееся и небес-
сильное в помощь будущим време-
нам.

Но с великим огорчением мы
должны сказать, что ныне низменный
Терсит завладел оружием Ахилла,

simplex monarchica plebs moderna,
dum Liber pater praeponitur libro pat-
rum. Calicibus epotandis non codicibus
emendandis indulget hodie studium mo-
nachorum: quibus lascivam musicam

драгоценная сбруя боевого коня досталась ленивым ослам, в гнездах орлов поселились подслеповатые совы, место сокола занято грубым коршуном.

«Либер Вакх и днем и ночью осве-
жает горло нам,
Liber — книга нам помеха, веч-
но валится из рук».

Очевидно двусмысленность звучания ввела в заблуждение нынешнюю монашескую братию, и вот Liber pater¹ — отец Либер оказывается в большей чести, чем Liber patrum — книга отцов. Ныне усердие монахов направлено на осушение кружек, а не на изучение книжек. К этому они не гнушаются присоединить разнузданную музыку Тимофея², враждебную скромным нравам, так что у монахов скорее можно услышать песни веселящихся, чем

Timothei pudicis moribus aemulam non verentur adjungere, sicque cantus lugentis non planctus lugentis officium efficitur monachale. Greges et vellera, fruges et horrea, porri et olera, potus et patera, lectiones sunt hodie et studia nomachorum, exceptis quibusdam paucis electis, in quibus patrum praecedentium non imago, sed vestigium remanet aliquale. Rursus // nulla nobis materia ministratur omnino, qua de nostro cultu vel studio commendentur hodie canonici regulares, qui licet a geminata regula nomen portant eximium Augustini, tamen regulae notabilem neglexere versiculum, quo sub his verbis suis clericis commendamur:

Codices certa hora singulis diebus petantur:

Extra horam qui petierit, non accipiat.

вздохи кающихся. Овцы и овчины, злаки и овины, сады и огороды, хмельное и спиртное — вот чтение и занятие монахов, за исключением немногих избранных, в которых сохранился еще если не образ древних отцов, то хотя бы некоторый его след. При этом / мы не получаем того усердного обслуживания, к которому обязывает каноников орденский устав; хотя по этому двучастному уставу они носят высокое прозвание августинцев, они пренебрегают знаменитым стихом устава, определяющим обязанности клириков по отношению к нам:

Ежедневно в час урочный каждый
книгу получай.

Кто пропустит час урочный, получения не жди.

Этот благочестивый распорядок едва ли соблюдается кем-либо после ис-

Hunc devotum studii canonem vix observat aliquis post ecclesiastica cantica repetita, sed sapere quae sunt saeculi et relictum aratrum intueri summa prudentia reputatur. Tollunt pharetram et arcum, apprehendunt arma et scutum, eleemosynarum tributum canibus tribuunt, non egenis, inserviunt aleis et taxillis et his, quae nos saecularibus inhibere solemus; ut non miremur, si nos non dignentur respicere, quos sic suis cernerent moribus contraire.

Patres igitur reverendi, patrum vestrorum dignemini reminisci et librorum propensius indulgete studio, sine quibus quaelibet vacillabit religio, sine quibus ut testa virtus devotionis // arescet, sine quibus nullum lumen poteritis mundo praeberere.

полнения богослужбных песнопений; высшей мудростью считается рассуждать о мирских делах или любоваться оставленным в поле плугом. Берутся за лук и колчан, облачаются броней и щитом, собранную милостыню отдают не бедным, а собакам, предаются игре в кости и в бабки и тому подобным занятиям, от которых мы и мирян должны удерживать; так что не удивительно, если они презирают нас, понимая, что мы враждебны их нравам. Устойте же, досточтимые отцы, вспомнить о ваших предшественниках и усерднее углубитесь в книги, без которых пошатнется любая вера, без которых благочестие засохнет как скудель, / без которых вы не сможете дать свет миру.

Capitulum Sextum

QUERIMONIA LIBRORUM CONTRA RELIGIOSOS MENDICANTES

Pauperes spiritu, sed in fide ditissimi, mundi peripsema et sal terrae, saeculi contemptores et hominum piscatores, quam beati estis, si penuriam patientes pro Christo, animas vestras scitis in patientia possidere. Non enim vos ultrix iniquitatis inopia, nec parentum adversa fortuna, nec ulla violenta necessitas sic oppressit inedia, sed devota voluntas et electio Christiformis, qua vitam illam optimam aestimastis, quam Deus omnipotens factus homo tam verbo quam exemplo optimam praedicavit. Sane vos estis semper parientis ecclesiae novus foetus, pro patribus et prophe-

Глава шестая

ЖАЛОБЫ КНИГ НА МОНАХОВ НИЩЕНСТВУЮЩИХ

Нищие духом, но богатые верой, полова мира и соль земли, убегающие от мира и уловляющие человеков, сколь блаженны вы, если можете, претерпевая нужду во имя Христа, души свои сохранить в терпении. Ведь не та скудость, которая мстит за пороки, не бедственная судьба родителей, не какая-либо злополучная необходимость привела вас к такому угнетению и скудости, но благочестивое изволение и хриstopодобный выбор, заставивший счесть за наилучшую такую жизнь, какую вочеловечившийся всемогущий Бог заповедал словом и

48 tis noviter substituti divini // tus, ut omnem terram exeat sonus vester, et nostris salutaribus instituti doctrinis, coram gentibus et regibus promulgetis inexpugnabilem fidem Christi. Porro fidem patrum potissime libris esse inclusam secundum Capitulum supra satis asseruit, quo constat luce clarius, quod librorum deberetis esse zelotypi prae ceteris Christianis. Seminare jubemini super omnes aquas, quoniam non est personarum acceptor Altissimus, nec vult mortem peccatorum piissimus, qui occidi voluit pro eisdem: sed contritos corde mederi desiderat atque lapsos erigi et perversos corrigi spiritu lenitatis. Ad quem effectum saluberrimum alma mater ecclesia vos plantavit gratuito, plantatosque rigavit favoribus et rigatos privilegiis suffulcivit, ut cum pastoribus et curatis coadjutores esse-

примером. Поистине вы новый отпрыск вечно рождающей церкви, Богом поставленный на место отцов 48 и пророков, / дабы по всей земле распространился глас ваш и вы, возвращенные в нашем спасительном учении, перед лицом племен и царей проповедовали непобедимую веру Христову. Но вера отцов заключена яснее всего в книгах, как показала вторая глава, а отсюда вытекает с полной очевидностью, что вы должны быть ревнителями книг преимущественно перед прочими христианами. Вам повелено сеять при всех водах ¹, ибо Всевышний нелицеприятен ², и не желает смерти грешников ³ Благочестивец, пожелавший умереть за них; но желает он уврачевать угнетенных сердцем ⁴ и поддержать оступившихся ⁵ и духом кротости ⁶ испра-

tis ad procurandam salutem fidelium animarum.

Unde et Praedicatorum ordinem, propter sacrae scripturae Studium et proximorum salutem principaliter institutum, constitutiones pronuntiant eorundem; ut non solum ex regula reverendi praesulis Augustini, quae co-
49 dices // singulis diebus jubet esse petendos; verum mox cum earundem constitutionum prologum legerint, ex ipsius libri capite, ad amorem librorum se noverint obligatos.

Sed, proh dolor! tam hos quam alios istorum sectantes effigiem a paterna cultura librorum et studio subtrahit triplex cura superflua, ventris videlicet, vestium et domorum. Sunt enim, neglecta Salvatoris Providentia, quem Psalmista circa pauperem et mendicum promittit esse sollicitum, circa labentis corporis indigentias occupati, ut sint epu-

вить отвратившихся. Для этого спасительного деяния благодатная мать церковь милостию своею поставила вас, и поставив, возрастила своими благодеяниями, и возвращенных укрепила привилегиями, дабы вы стали сотрудниками пастырей в спасении душ верных христиан.

Ради изучения священного писания и спасения душ ближних был учрежден и орден Проповедников⁷, как показывает его устав; и не только канон досточтимого вероучителя 49 Августина велит им ежедневно / обращаться к священным книгам, но достаточно им прочесть самый заголовок своего устава, чтобы усвоить возлагаемую на них обязанность любить эти книги.

Но, увы! И они и другие, идущие по их следам, отвращаются от завещанного отцами почтения и служе-

lae splendidae, vestesque contra regulam delicatae: nec non et aedificiorum fabricae, ut castrorum propugnacula, tali proceritate, quae paupertati non convenit exaltatae.

Propter haec tria, nos libri qui semper eos proveximus ad perfectum, et inter potentes et nobiles sedes honoris concessimus, elongati a cordis affectibus quasi inter supervacanea reputamur: excepto quod quibusdam quaternis parvi valoris insistunt, de quibus Hiberas nenas et apocrypha deliramenta produ-
50 cunt, non ad refocilla // tivum animarum edulium, sed ad pruritus potius aurium auditorum. Sacra scriptura non exponitur sed omnino seponitur quasi trita per vicos et omnibus divulgata supponitur: cuius tamen fimbrias vix paucissimi tetigerunt, cuius etiam tanta est litterarum profunditas, ut ab humano intellectu, quantumcunque invigilet,

ния книгам чрезмерной троякой заботой — о брюхе, об одежде и о жилье. Забывая о словах псалмопевца, который говорит, что Спаситель не оставит своим попечением бедняка и нищего¹, они заняты только нуждами бренного тела, добиваясь роскошных пиршеств, изысканной сверх уставных правил одежды и такого жилищного убранства, которое, уподобляясь чуть ли не крепостным постройкам, не приличествует возвышенной бедности.

Таковы их три основные устремления, а мы, книги, которые, содействуя их образованию, довели их до почетных мест среди властителей и знатных, далеки от их сердца и считаемся чем-то едва ли не излишним: исключение составляют некоторые книжонки сомнительной ценности, из которых они заимствуют испанские

summo otio et maximo studio nequeat comprehendi, sicut sanctus asserit Augustinus. De hac mille moralis disciplinae sententias enucleare poterit, qui indulget assidue, si tamen ostium aperire dignetur ille qui condidit spiritus pietatis quae et recentissima novitate pollebunt, et sapidissima suavitate auditorum intelligentias refovebunt. Quamobrem paupertatis evangelicae professores Primarii post utcunque salutatas scientias saeculares, toto mentis ingenio relecto, hujus se scripturae laboribus devoverunt, nocte dieque in lege Domini meditantes. Quicquid vero a famescente ventre furari vel corpori semitecto surripere, illud lucrum praecipuum arbitrantur vel emendis vel edendis codicibus adscripserunt. Quorum contemporanea
51 nei saecula // res tam officium intuentes quam Studium libros eis, quos in diversis mundi partibus sumptuose col-

побасенки и апокрифические бред-
50 ни ² не для / утешительного воспита-
ния душ, но скорее для услаждаю-
щего щекотания ушей слушателей.
Священное писание не излагается, а
вовсе отлагается как затверженное
во всех углах и предполагаемое об-
щеизвестным; а между тем в действи-
тельности лишь немногие коснулись
хотя бы самого его края, тогда как в
нем заключена такая глубина, ко-
торую не может до конца постигнуть
человеческий разум, сколько бы он
ни бодрствовал, напрягая все свои
силы — так утверждает святой Ав-
густин ¹. Из него тот, кто приложит
неустанное усердие, если только удо-
стоит открыть ему дверь тот, кто со-
здал дух благочестия, сможет извлечь
тысячу нравственных поучений, ко-
торые будут поражать совершен-
ной новизной и согревать умы слу-

legerant, ad totius aedificationem ecclesiae contulerunt.

Sane diebus istis cum sint tota diligentia circa quaestus intenti, praesumptione probabili credi potest, si per anthropospathos sermo fiat, Deum circa vos minorem sollicitudinem gerere, quos de sua promissione perpendit diffidere, in humanis providentiis spem habentes. Corvum non consideratis nec lilia, quos pascit et vestit Altissimus.

Danielem et Habacuc cocti pulmenti discophorum non pensatis, nec Eliam recolitis nunc in torrente per corvos, nunc in deserto per angelum, nunc in Sarepta per viduam, largitate divina, quae dat escam omni carni tempore opportuno, a famis inedia liberatum. Climate miserabili, ut timetur, descenditis, dum divinae pietatis diffidentia prudentiae propriae producit innisum. Innisus vero sollicitudinem generat ter-

шателей покоряющей сладостью. Поэтому выдающиеся проповедники евангельской бедности², отдав необходимый долг уважения мирским наукам, все силы своего дарования посвящали трудам над священным писанием, дни и ночи размышляя о законе Господа. Все, что им удавалось урвать от голодающего желудка или полуодетого тела, они обращали как особый доход на покупку и переписку книг. Их мирские современники, / видя их труды и усердие, предоставляли им книги, приобретенные дорогой ценой в различных странах, для возвеличения всей церкви.

В наши дни, когда общее устремление направлено всецело на денежные доходы, могло бы возникнуть дерзостное предположение, что Бог, если позволительно говорить о нем ан-

renorum; sollicitudoque nimia terreno-
52 rum libro // rum adimit tam amorem
quam Studium: et sic cedit paupertas
hodie per abusum in verbi Dei dis-
pendium, quam solum propter ipsius
adminiculum elegistis.

Uncinis pomorum, ut populus fabula-
tur, puerulos ad religionem attrahitis,
quos professos doctrinis non instruitis
vi et metu, sicut exigit aetas illa, sed
mendicativis discursibus sustinetis inten-
dere, atque tempus, quo possent ad-
discere, in captandis favoribus amico-
rum consumere sinitis in offensam pa-
rentum, puerorum periculum et ordinis
detrimentum. Sicque nimirum contingit,
quod qui parvuli discere minime co-
gebantur inviti, grandiores effecti doce-
re praesumunt indigni penitus et in-
docti, et parvus error in principio, maxi-
mus fit in fine. Succrescit namque in
grege vestro promiscuo, laicorum quae-

тропоморфически, оставил заботу о вас, видя, что вы не доверяете его обещанию, и возлагая свои надежды на человеческую предусмотрительность. Вы забыли о вранах и лилиях ¹, которых пасет и одевает Всевышний. Забыли Даниила и Аввакума, принесшего ему пищу ², Илию, которого питали вороны у потока ³, ангел в пустыне ⁴ и вдова в Сарепте ⁵, по щедрости божьей, которая всякой плоти дает пропитание в должное время ⁶. Есть основание опасаться, что вы впали в прискорбный уклон мысли, и недостаток доверия к божественной благодати ведет к ущербности вашего разума; а эта ущербность порождает чрезмерное попечение о земном; а это попечение / убивает любовь к книгам и книжное усердие; и так ваша бедность, которую вы избрали ради служения слову божию, ныне

dam multitudo plurimum onerosa, qui tamen se ad praedicationis officium tanto improbius ingerunt, quanto minus ea quae loquuntur intelligunt, in contemptum sermonis divini et in perni-

превратно уклоняется в небрежение оным.

Угощая яблоками, как говорят в народе, вы привлекаете мальчиков к вашему ордену, но когда они приняли послушание, вы не наставляете их в учении силой и устрашением, как того требует их возраст, а допускаете их побираться, затрачивая все время, которое они могли бы уделить учению, на соискание благосклонности покровителей, к огорчению родителей, опасности для самих мальчиков и к ущербу для ордена. И вот, конечно, получается, что те, кто в детстве не хотел и не был принуждаем учиться, сделавшись взрослым, отваживается учить других, тогда как он по своему невежеству совершенно непригоден для этого; так ошибка, представлявшаяся в своем начале незначительной, оказывается

ciem animarum. Sane contra legem in
53 bove aratis et asino, cum indoctis //
et doctis culturam agri Dominici com-
mittitis pari passu. Scriptum est, boves
arabant et asinae pascebantur juxta
eos. Quoniam discretorum interest prae-
dicare, simplicium vero per auditum
sacri eloquii sub silentio se cibare. Quot
lapides mittitis in acervum Mercurii his
diebus? Quot eunuchis sapientiae nup-
tias procuratis? Quot caecos speculato-
res super muros ecclesiae circumire
praecipitis? O piscatores inertes solis
retibus alienis utentes, qui rupta vix
imperite reficitis: nova vero nulla-
tenus connodatis. Aliorum labores in-
tratis, aliorum studia recitatis, aliorum
sapientiam superficialiter repetitam
theatrali strepitu labiatis. Quemadmo-
dum psittacus idiota auditas voces ef-
figiat, sic tales recitatores fiunt om-
nium, sed nullius auctores; asinam Ba-

вредностнейшей в своих последствиях¹. Нарастает в вашем смешанном составе некое тягостное множество мирян, которые с тем большей наглостью вторгаются в дело проповеди, чем меньше они понимают то, о чем говорят, — к унижению божественного слова и к развращению душ. Так вы противно завету² пашете на воле
53 и осле вместе, когда / вверяете возделывание нивы господней невеждам наравне с учеными. Написано: Волы орали, и ослицы паслись подле них¹. Ибо дело избранных проповедовать, а простых — в молчании питаться, слушая святые слова. Сколько камней вы в наши дни бросаете в грудь Меркурия?² Скольким евнухам сватаете мудрость? Скольких слепцов³ посылаете дозорными на стены церкви? О рыбаки неумелые, вы пользуетесь только чужими сетями, и если в

laam imitantes, quae licet esset intrinsecus insensata, lingua tamen diserta facta est tam domini quam prophetae magistra. Resipiscite pauperes Christi et nos libros inspiciate studiose, sine

них прорехи, то лишь кое-как их заделываете, новых же сплести не в состоянии; вы присваиваете себе чужие труды⁴, повторяете чужие слова, поверхностно ухватив чужую мудрость, воспроизводите ее с театральной напыщенностью. Как попугай без понимания произносит услышанное им, так и вы только произносители ваших речей, а не авторы: подобно Валаамовой ослице, которая, будучи лишенной разума, обрела дар речи как наставительница своего хозяина, и притом пророка⁵. Образумьтесь, бедняки Христовы, обратитесь усердно к нам, книгам, без которых вы никогда не сможете быть должным образом подкованы для истолкования евангелия мира. /

54

Апостол Павел, проповедник истины и великий учитель народов, просит Тимофея доставить ему из всех его

quibus in praeparationem evangelii pa-
54 cis nunquam poteritis debite calciari. /

Paulus apostolus, praedicator veritatis et doctor eximius gentium, ista sibi per Timotheum, pro omni suppellectili, tria jussit afferri, penulam, libros et membranas, secunda ad Timotheum, ultimo. Viris evangelicis formam praebens, ut habitum deferant ordinatum, libros habeant ad studendi subsidium, et membranas quas apostolus maxime ponderat ad scribendum; maxime, inquit, membranas. Revera mancus est clericus et ad multorum jacturam turpiter mutilatus, qui artis scribendi totaliter est ignarus. Aerem vocibus verberat et praesentes tantum aedificat, absentibus et posteris nihil parat. Atramentarium scriptoris gestabat in renibus vir, qui frontes gementium Tau signabat; Ezechielis nono. Insinuans figurate, quod si quis scribendi peritia

вещей три предмета — фелонь, книги и пергамент — второе послание к Тимофею, в конце. Этим он преподает верным последователям евангелия указание, что они должны носить предписанную орденом одежду и иметь при себе книги для занятий, а также пергамент для писания, что апостол считает особенно важным: главное, говорит он, пергамент¹. Действительно, увечен и во многих случаях окажется постыдно беспомощным клирик, вовсе не владеющий искусством письма. Сотрясая голосом воздух², он назидает только присутствующих, а удаленным и потомкам не оставляет ничего.

Прибор писца при поясе носил муж, который отмечал чело скорбящих знаком Тау: Иезекииль, глава девятая.

Этим образно показано, что кто не

careat, praedicandi poenitentiam officium non praesumat.

Tandem in praesentis calce capituli supplicant vobis libri, juvenes vestros aptos ingenio studiis applicate, necessaria ministrantes, quos non solummodo bonitatem verum etiam discipli // 55 nam et scientiam doceatis, verberibus terreatis, attrahatis blanditiis, molliatis munusculis, et poenosis rigoribus urgeatis, ut et Socratici moribus et doctrinis Peripatetici simul fiant. Heri quasi hora undecima vos discretus paterfamilias introduxit in vineam; ante sero penitus pigeat otiari. Utinam cum prudenti vilico mendicandi tam improbe verecundiam haberetis. Tunc enim proculdubio, nobis libris et studio propensius vacaretis.

умеет писать, не может притязать на проповедь.

Наконец, в заключение этой главы, умоляют вас книги, приучайте юношей к усердным занятиям, применяя необходимые средства, чтобы прививать им не только добронравие, 55 но и знания / и научные навыки: устрашайте их розгами и привлекайте ласками, ублажайте наградами и принуждайте строгими наказаниями, чтобы они стали и сократиками по нравам и перепатетиками по знаниям. Вчера в одиннадцатом часу мудрый хозяин ввел вас в свой виноградник: до поздней ночи негоже предаваться отдыху¹. Следовало бы вам вместе с умным управителем стыдиться неотступно выпрашивать милостыню². Тогда у вас будет досуг для нас, книг, и для ученых занятий.

Capitulum Septimum
**QUERIMONIA LIBRORUM
CONTRA BELLA**

Pacis auctor et amator altissime, dissipa gentes bella volentes, quae super omnes pestilentias libris nocent. Bella namque carentia rationis iudicio, furiosos efficiunt impetus in adversa: et dum rationis moderamine non utuntur, sine differentia discretionis pro // gressa, vasa destruunt rationis. Tunc prudens Apollo Pythoni subicitur: et tunc Phronesis pia mater in phrenesis redigitur potestatem. Tunc pennatus Pegasus stabulo Corydonis includitur, et facundus Mercurius suffocatur. Tunc Pallas prudens erroris mucrone conciditur, et jucundae Pierides truculenta furoris ty-

Глава седьмая
ЖАЛОБА КНИГ НА ВОЙНЫ

Всевышний основоположник и покровитель мира, рассеяй племена, желающие войн³, которые для книг губительнее всякой моровой язвы. Ведь войны, чуждые суждениям разума, яростно устремляются на все им противостоящее; лишенные сдерживающего разумного начала, они без разбора / разрушают сосуды разума. Тут 56 вещей Аполлон повержен Пифоном¹, а благодатная мать Разумение (Phronesis)² отдана во власть Безумию (Phrenesis). Тут крылатый Пегас³ заточен в стойло у Коридона⁴, а красноречивый Меркурий удушается.

rannide supprimuntur. O crudele spectaculum, ubi Phoebum philosophorum Aristotelem, cui in orbis dominum Deus ipse commisit dominium, scelerosis manibus vinculatum, ferramentis infatibus compeditum, lanistarum humeris a sacratis aedibus asportari, et qui in mundi magistratum magisterium atque super imperatorem imperium meruit obtinere, injustissimo jure belli videres sublici vili scurrae! O potestas iniquissima tenebrafum, quae Platonis non veretur pessumdare divinitatem probatam, qui solus conspectui creatoris, priusquam bellantis chaos placaret litigium et antequam hylen entelechia induisset, species ideales obicere dignus fuit, ut mundum archetypum demonstraret auctori, quo // de superno exemplo mundus sensibilis duceretur. O lacrimosus intuitus! quo moralis Socrates, sujus actus virtus et sermo est doctrina,

Тут искусница Паллада⁵ пронзена
острием лжемыслия, а отрадные Пие-
риды⁶ подавлены грозной тиранией
военного разгула. О жестокое зрели-
ще! Перед нашими глазами Феба фи-
лософов, архимудрого Аристотеля,
которому сам Бог поручил власть над
властителем мира, связанного пре-
ступными руками, закованного в
постыдные узы, наемники уносят на
своих плечах из священного черто-
га⁷, и тот, кто по достоинству до-
стиг управления правителем и господ-
ства над господином мира, по без-
законному закону войны подчиняется
низкому наемнику. О бесстыдная
власть тьмы⁸, не страшаящая нис-
провергнуть общепризнанную боже-
ственность Платона⁹, единственного,
кто был достоин, до того как Творец
смирил смятение воюющего хаоса
и облек материю формой, предста-

qui de naturae principiis politiae produxit justitiam, vitiosi vespillonis addictus cernitur servituti! Pythagoram plan-gimus harmoniae parentem bellorum incentricibus furiis flagellatum atrociter, vice cantus gemitus edere columbinos. Miseremur Zenonis principis Stoicorum, qui ne consilium proderet, linguam morsu secuit et exspuit in tyrannum intrepide. Heu jam rursus a Diomedonte tritus in mortario pistil-latur!

Certe non sufficimus singulos libros luctu lamentari condigno, qui in diver-sis mundi partibus bellorum discrimine perierunt. Horribilem tamen stragem, quae per auxiliares milites secundo bello Alexandrino contigit in Aegypto, stilo flebili memoramus, ubi septuaginta mi-lia voluminum ignibus conflagrarunt, quae sub regibus Ptolomaeis per multa curricula temporum sunt collecta, sicut

57 вить его созерцанию образ идей как архетип, по примеру которого/мог быть возведен чувственный мир. О плачевное зрелище! Нравоучитель Сократ, коего действия — добродетель, а речь — просвещение, кто из естественных начал вывел справедливую гражданственность, отдан в рабство порочному грабителю. Мы сокрушаемся об отце гармонии Пифагоре, жестоко бичуемом зачинателями войн фуриями¹ и издающем голубиную жалобу² вместо пения. Мы сожалеем главу стойков Зенона³, который, чтобы не выдать соучастников заговора, откусил себе язык и бестрепетно выплюнул его в лицо тирана. Увы, он был после этого забит в ступе Диомедонтом.

Мы, конечно, не в состоянии достойно оплакивать все книги, погибшие в различных странах от военных

retractat Aulus Gellius Noctium Atticarum libro sexto, capitulo sexto // decimo. 58
Quanta proles Atlantica tunc occubuisse putabitur, orbium motus, omnes conjunctiones planetarum, galaxiae natura, et generationes prognosticae cometarum, ac quaecumque in caelo fiunt vel aethere comprehenduntur! Quis tam infaustum holocaustum, ubi loco cruoris incaustum offertur, non exhorreat, ubi pruinae candentes pergameni crepitan-
tis sanguine vernabantur, ubi tot innocentium milia, in quorum ore non est inventum mendacium, flamma vorax consumpsit: ubi tot scrinia veritatis aeternae ignis parcere nesciens in foentem cinerem commutavit. Minoris facinoris aestimatur tam Jeptae quam Agamemnonis victima, ubi pia filia virgo patris gladio jugulatur. Quot labores Celebris Herculis tunc periisse putabimus, qui ob astronomiae peritiam, collo

невзгод. Но помянем горестным словом ужасающее истребление книг вспомогательными войсками, происшедшее в Египте во вторую Александрийскую войну⁴, когда было сожжено семьдесят тысяч свитков, собранных на протяжении столетий царствования Птолемеев, о чем сообщает Авл Геллий — Аттические ночи, книга шестая, глава шестнадцатая⁵. / Подумаем, какое потомство Атланта¹ должно было тогда погибнуть, сколько описаний небесных движений, соединений планет, природы Млечного Пути, предзнаменовательных рождений комет и всего того, что происходит на небе или постигается как происходящее в эфире! Кто не содрогнется перед столь нечестивым всесожжением, где проливаемую кровь заменяют чернила, где тлеющие угли потрескиваю-

irreflexo, caelum describitur sustulisse, cum jam secundo Hercules flammis sit injectus.

Arcana caelorum, quae Jonithus non ab homine neque per hominem didicit, sed divinitus inspiratus accepit; quaeque Zoroastes germanus ejusdem immun-
59 dorum servitor spirituum Bac // trianis
disseruit, quae etiam sanctus Enoch
Paradisi praefectus, priusquam trans-
ferretur de saeculo, prophetavit; immo
quae primus Adam filios docuit, sicut
raptus in extasi in libro aeternitatis
praeviderat, flammis illis nefandis pro-
babiliter aestimantur destructa.

Aegyptiorum religio, quam liber Logostilios sic commendat egregie, politia veterum Athenarum, quae novem milibus annorum Athenas Graeciae praecesserunt, carmina Chaldaeorum, considerationes Arabum et Indorum, caerimoniae Judaeorum, architectura Babylo-

щего пергамента орошаются этой кровью, где столько тысяч невинных, не осквернивших свои уста ни единой ложью², истребляет всепожирающее пламя, где столько сокровищ вечной истины беспощадный огонь превращает в дымящийся пепел? Менее ужасным представляется жертвоприношение Иеффая³, а также Агамемнона⁴, когда любящая дочь была заколота мечом отца. Сколько подвигов знаменитого Геркулеса, которому знание астрономии принесло славу, поднявшего на своей несгибаемой вые небесный свод⁵, сочтем мы погибшими, если и во второй раз он подвергся сожжению⁶.

Можно с некоторой вероятностью предположить, что этим нечестивым огнем были уничтожены небесные тайны, которые Иониф⁷ узнал не от человека и не через человека, а по

orum, Noe georgica, Moysi praestigia,
Josuae planimetria, Samsonis aenigma-
ta, Salomonis problemata a cedro Li-
bani usque ad hyssopum planissime dis-
putata, Aesculapii antidota, Cadmi

божественному вдохновению; все, что его брат Зороастр⁸, служитель нечистых духов, распространил среди 59 бактриан, / и то, что прорицал святой Енох, привратник рая, до того как он был вознесен от мира сего ; и даже то, что первородный Адам в экстатическом усыплении² увидел в книге вечности и передал своим сыновьям.

Религия египтян, которую так высоко оценивает книга Совершенное Слово — Logostilios³; государственное устройство древнейших Афин, существовавших за девять тысяч лет до греческих Афин⁴; песнопения халдеев; рассуждения арабов и индийцев; священнодействия иудеев; зодчество вавилонян; земледелие Ноя; магия Моисея; землемерие Иисуса Навина; загадки Самсона; поучения Соломона о растениях от кедра ли-

grammatica, Parnassi poemata, Apollinis oracula, argonautica Jasonis, stragematon Palamedis, et alia infinita scientiarum secreta, hujus incendii tempestate creduntur sublata.

Numquid Aristotelem de circuli quadratura aylogismus apodicticus latuisset, si libros // veterum, methodos naturae 60 totius habentium, permisissent nefanda proelia superesse? Nec enim de mundi aeternitate problema neutrum fecisset, nec de intellectuum humanorum pluralitate eorundemque perpetuitate, ut verisimiliter creditur, dubitasset ulatenus, si perfectae scientiae veterum invisorum bellorum pressuris obnoxiae non fuissent.

Per bella namque ad patrias peregrinas distrahimur, obtruncamur, vulneramur, et enormiter mutilamur sub terra suffodimur, in mari submergimur, flammis exurimur, et omni necis genere

ванского до иссопа⁵; противоядия Асклепия; грамматика Кадма; поэмы Парнаса; оракулы Аполлона; плавание Язона; стратегия Паламеда; и бесконечное множество других научных тайн⁶ — все это считается погибшим во время пожара.

Разве остался бы неизвестным Аристотелю доказательный вывод квадратуры круга⁷, если бы книгам /
60 древних, содержащим пути исследования всей природы, не воспрепятствовали нечестивые войны? Не оставил бы он без ответа и вопрос о вечности мира¹, и, можно думать, не стал бы никоим образом сомневаться в множественности человеческих интеллектов и в их вечности, если бы совершенные знания древних не были истреблены ненавистными войнами.

Войны нас рассеивают по чуждым

trucidamur. Quantum sanguinis nostri
fudit Scipio bellicosus cum eversioni
Carthaginis Romani imperii impugna-
tricis et aemulae anxius incumbemat!
Quot milia milium proelium decennale

странам, убивают, уязвляют, страшно увечат, погребают под землей, топят в море, сжигают в огне, уничтожают всеми родами гибели. Сколько нашей крови пролил воитель Сципион, когда всеми силами стремился ниспровергнуть Карфаген, врага и соперника Римской империи! Сколько миллионов нас свела со свету десятилетняя Троянская война! Сколько после убийства Антонием Туллия было вывезено в неведомые края далеких провинций! Сколько нас при изгнании Боэтия Теодорихом² разметалось по различным областям мира, как овцы, лишившиеся пастуха³! А скольким пришлось, когда Сенека, уступая коварству Нерона, волей-неволей вступил ко вратам смерти⁴, / в слезах расстаться с ним, в полном неведении, где мы сможем найти приют!

Trojanum ab hac luce transmisit! Quot per Antonium Tullio jam occiso, externarum provinciarum latebras adierunt! Quot de nobis per Theodoricum exulante Boethio, in diversa mundi climata sicut oves pastore percusso sunt dispersi! Quot Seneca succumbente Ne-
61 ronis malitiae, cum et volens et nolens portas mortis // adiret, ab eo divisi retrocessimus lacrimantes, et in quibus partibus hospitari possemus penitus ignorantes!

Felix fuit illa librorum translatio, quam in Persas de Athenis Xerxes fecisse describitur, quos rursus de Persis in Athenas Seleucus reduxit. O postliminium gratiosum, o mira laetitia, quam tunc cerneret in Athenis cum proli suae genetrix obviaret tripudians, matricemque thalamum senescenti jam soboli denuo demonstraret, reassignatis hospitibus veteribus inquilinis. Mox tabu-

Счастливым исключением была перевозка книг из Афин в Персию, произведенная, как сообщают историки, Ксерксом¹: эти книги впоследствии Селевк² вернул в Афины. О прекрасное восстановление в правах гражданства, о радостное волнение в Афинах, когда родительница ликуя встречает свое потомство и показывает достигшим уже преклонного возраста детям те покои, в которых они были вскормлены, когда старые хозяева возвращаются в свои прежние жилища. Тут для них готовят превосходно устроенные полки из тщательно выструганных кедровых досок³, и бережно расставленные свитки размещаются на них с большим удобством, так что ни один не закрывает доступа к другому, ни один не теснит своего собрата; а каждое отделение имеет соответствующую

lata cedrina cum lignis et trabibus levigatis aptissime complanantur, auro et ebore epigrammata designantur camelis singulis, quibus ipsa volumina reverenter illata suavissime collocantur, sic ut nullum alterius ingressum impediatur vel propinquitate nimia fratrem laedat.

Ceterum infinita sunt dispendia, quae per seditiones bellorum, librorum generi sunt illata. Et quoniam infinita nullatenus pertransire contingit, hic finaliter statuemus querimoniae nostrae Gades et ad preces a quibus incepimus // 62 regyramus habenas, rogantes suppliciter ut rector Olympi ac mundi dispensator Altissimus pacem firmet et bella removeat, ac tempora faciat sua protectione tranquilla.

щую надпись, сделанную золотом на слоновой кости.

Но в общем неисчислимы утраты, понесенные племенем книг от военных смятений. И так как неисчисли-
мое невозможно исчерпать, то по-
ложим здесь предел нашей жалобе и
обратимся еще раз к той молитве, с
62 которой мы начали, / да укрепит
властитель Олимпа ¹, всевышний
устроитель вселенной мир, да устра-
нит войны, да продлит своим покро-
вительством спокойные времена.

Capitulum Octavum

DE MULTIPLICI OPPORTUNITATE QUAM HABUIMUS LIBRORUM COPIAM CONQUIRENDI

Cum omni negotio tempus sit et oportunitas, ut testatur sapiens Ecclesiastes, capitulo octavo, jam progredimur enarrare multiplices opportunitates, quibus in acquisitione librorum, nostris propositis divinitate propitia, juvabamur. Quamvis enim ab adolescentia nostra semper socialem communionem cum viris literatis et librorum dilectoribus delectaremur habere, succedentibus tamen prosperas regiae majestatis consecuti notitiam, et // in ipsius acceptati familiam, facultatem accepimus ampliorem ubilibet visitandi pro libitu, et venandi quasi saltus quosdam delicatissimos, tum pri-

Глава восьмая

О РАЗНООБРАЗНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ НАМИ В ПРИОБРЕТЕНИИ КНИГ

Для всякого дела, говорит мудрец Экклезиаст в главе восьмой, есть свое время и устав². Так и мы теперь приступаем к рассказу о разнообразных обстоятельствах, при которых нам удавалось, с божьей помощью, достигать наших целей в приобретении книг.

Хотя мы уже смолоду всегда были рады общению с людьми учеными и любящими книги, но с наступлением более благоприятных обстоятельств, 63 когда мы удостоились/близости к Его Величеству королю, мы получили возможность побывать где угодно, предаваясь как бы некоей изыскан-

vatas tum communes, tum regularium tum saecularium librarías.

Sane dum invictissimi principis ac semper magnifice triumphantis regis Angliae Eduardi Tertii post Conquestum, cujus tempora serenare dignetur Altissimus diutine et tranquille, primo quidem suam concernentibus curiam, deinde vero rempublicam regni sui cancellarii videlicet ac thesaurarii fungemur officii, patescebat nobis aditus facilis, regalis favoris intuitu, ad librorum latebras libere perscrutandas.

Amoris quippe nostri fama volatilis jam ubique percrebuit, tantumque librorum et maxime veterum ferebamur cupiditate languescere; posse vero quemlibet nostrum per quaternos facilius quam per pecuniam adipisci favorem: quomobrem cum supra dicti Principis recolendae memoriae bonitate suffulti possemus obesse et prodesse, officere

ной охоте и посещая как общественные, так и частные библиотеки, как монастырские, так и мирские. Действительно, так как при непобедимом и прославленном великолепными триумфами короле Англии Эдуарде Третьем — да ниспошлет ему Всевышний долгое и спокойное царствование — мы несли обязанности сначала управляющего придворными делами, а позднее государственного канцлера и казначея, то по благосклонному изволению короля нам был открыт доступ к свободному исследованию книжных хранилищ.

Крылатая молва широко прославила нашу страсть к книгам, особенно старинным. Повсюду стало известно, что мы болеем этой страстью и что наше расположение можно приобрести скорее книгами, чем деньгами; а так как милостями и поддержкой

et proficere vehementer tam majoribus
64 quam // pusillis, affluerunt loco exen-
niorum et munerum, locoque donorum
et jocalium, caenulenti quaterni ac dec-
repti codices, nostris tamen tam as-
pectibus quam affectibus pretiosi.

Tunc nobilissimorum monasteriorum
aperiebantur armaria, reserebantur
scrinia et cistulae solvebantur, et per
longa saecula in sepulchris soporata
volumina expergiscuntur attonita, quae-
que in locis tenebrosis latuerant, novae
lucis radiis perfunduntur. Delicatissimi
quondam libri corrupti et abominabi-
les jam effecti murium faecibus cooper-
ti, et vermium morsibus terebrati, jace-
bant exanimes, et qui olim purpura
vestiebantur et bysso, nunc in cinere
et cilicio recubantes, oblivioni traditi
videbantur domicilia tinearum.

Inter haec nihilominus captatis tem-
poribus magis voluptuose consedimus,

поименованного выше достославного государя мы могли и покровительствовать и противодействовать лю-
64 дям и знатым и / малым, то к нам стали притекать в качестве гостинцев и подношений, подарков и благодарностей загрязненные тетради и потрепанные томы, несмотря на такую внешность любезные нашим взорам и сердцу.

И вот раскрывались книгохранилища знаменитейших монастырей, отмыкались замки шкафов и ларцов, и дремавшие в течение долгих столетий в темных гробницах томы пробудились, пораженные внезапно пролившимся на них дневным светом. Изящнейшие некогда книги, теперь обезображенные, покрытые мышиными отбросами и источенные челюстями червей, лежали как бездыханные тела; ранее одетые в пурпур и

quam fecisset medicus delicatus inter
aromatum apothecas, ubi amoris nostri
objectum repperimus et fomentum. Sic
sacra vasa scientiae ad nostrae dispen-
sationis provenerunt arbitrium; quae-

виссон¹, а ныне облеченные пеплом и власяницей², они имели вид заброшенного пристанища моли.

Тем не менее мы проводили все время, какое удавалось улучшить, для общения с предметом — насытителем нашей страсти, получая от этого больше отрады, чем искусный аптекарь среди своих ароматических снадобий. Так в наше распоряжение поступали священные сосуды знания: иные нам дарили, иные продавали, а некоторые предоставляли во временное пользование. /

Понятно, когда стало широко известно, как охотно мы принимаем такого рода подношения, то многие стали по собственному почину уделять нам то, обойтись без чего им было выгоднее, чем лишиться возможности выгод от оказания нам содействия в нашем излюбленном заня-

dam data, quaedam vendita, ac nonnulla
65 pro tempore commodata. //

Nimirum cum nos plerique de hujusmodi donariis cernerent contentatos, ea sponte nostris usibus studuerunt tribuere quibus ipsi libentius caruerunt, quam eis quae nostris assistentes servitiis abstulerunt. Quorum tamen negotia sic expedire curavimus gratiose, ut et eisdem emolumentum accresceret, nullum tamen justitia detrimentum sentiret.

Porro si scyphos aureos et argenteos, si equos egregios, si nummorum summas non modicas amassemus, tunc temporis dives nobis aerarium instaurasse possemus. Sed revera libros non libras maluimus codicesque plus dileximus quam florenos ac panfletos exiguos incrasatis praetulimus palefridis. Ad haec ejusdem illustrissimi Principis sempiternae memoriae legationibus crebris functi, et ob multiplicia regni negotia,

тии. Однако оказывая покровительство делам дарителей, мы стремились к тому, чтобы и их выгоды были соблюдены, но и правосудие не потерпело никакого ущерба.

Конечно, если бы предметом нашей страсти были золотые и серебряные чаши, породистые лошади, крупные денежные суммы, то мы могли бы приобрести богатое состояние; но мы предпочитали книги (*libros*), а не фунты (*libras*), пергаменты, а не перлы, тощие хартии, а не жирные харчи. При таких обстоятельствах мы охотно отправлялись в частые посольства нашего блистательного и достославного государя по государственным делам то к Римскому престолу, то ко двору Франции, то в другие страны мира с трудными поручениями и иногда в опасные времена, всюду унося с собой не гасимую ни-

nunc ad sedem Romanam, nunc ad curiam Franciae, nunc ad mundi diversa dominia taediosis ambassiatibus ac periculosis temporibus mittebamur, circumferentes tamen ubique illam quam aquae plurimae nequiverunt exstinguere, 66 charitatem librorum. // Haec omnium peregrinationum absinthia quasi quaedam pigmentaria potio dulcoravit. Haec post perplexas intricaciones et scrupulosos causarum anfractus ac vix egressibiles reipublicae labyrinthos ad respirandum parumper temperiem aurae lenis aperuit.

O beate Deus deorum in Sion, quantus impetus fluminis voluptatis laetificavit cor nostrum, quotiens paradisum mundi Parisios visitare vacavimus moraturi: ubi nobis semper dies pauci prae amoris magnitudine videbantur. Ibi bibliothecae jucundae super cellas aromatum redolentes: ibi virens viridarium

какими водами ¹ любовь к книгам. /
66 Она устраняла горечь всех испытываемых в посольствах трудов как некий ароматический эликсир. Она после запутанных интриг, мелочных казуистических разбирательств и едва преодолимых лабиринтов Политики позволяла вдохнуть благорастворение свежего воздуха.

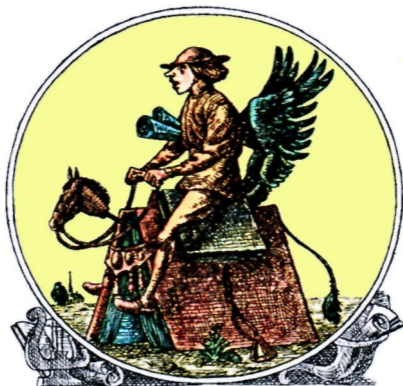
О Блаженный Бог богов на Сионе ¹, какой поток радости наполнял наше сердце всякий раз, когда нам доводилось побывать в Париже, этом земном раю: сколько бы дней мы там ни провели, все казалось мало, такова была сила нашей любви. Там прекрасные библиотеки, аромат которых превыше любых благовоний; там зеленеющая теплица всевозможных томов; там академические луга, поприще ученых упражнений; там раздолье Афин, прогулки перипатетиков, отроги Парна-

universorum voluminum: ibi prata academica tremantia terrae motu, Athenarum diverticula, Peripateticorum itinera, Parnassi promontoria et porticus Stoicorum: ibi cernitur tam artis quam scientiae mensurator Aristoteles, cujus est totum quod est optimum in doctrinis, in regione duntaxat transmutabili sublunari: ibi Ptolemaeus epicyclos et eccentricos auges atque gezahar planetarum figuris et numeris emetitur: 67 ibi Paulus arcana revelat: // ibi Dionysius convicinus hierarchias coordinat et distinguit: ibi quicquid Cadmus grammaticae recollegit Phoeniceo totum virgo Carmentis caractere repraesentat Latino: ibi revera thesauris apertis et sacculorum corrigiis resolutis, pecuniam laeto corde dispersimus, atque libros impretiabiles luto redemimus et arena.

Nequiquam malum est, malum est,

са, портик стоиков; там видим мы вершителя наук и искусств Аристотеля, кому принадлежит все лучшее, что мы знаем об этом преходящем подлунном мире²; там Птолемей вычисляет и представляет на чертеже эпициклы, эксцентрические авг и гензахар³ планет; там Павел раскрывает тайное⁴; / там его сосед Дионисий располагает и разъясняет небесную иерархию; там дева Карментис передает латинским письмом всю грамматическую науку, которую Кадм изложил финикийским.¹ Вот где мы с легким сердцем развязали ремешок кошелька и расточили все свои средства, выкупая неоценимые книги из грязи и пыли.

Тщетно твердил каждый покупатель: Дурная, дурная покупка². Но как хорошо и как приятно собрать воедино все вооружение церковно-

insonuit omnis emptor. Sed ecce quam bonum et quam jucundum, arma clericalis militiae congregare in unum, ut suppetat nobis unde haereticorum bella conterere, si insurgant. Amplius

го воинства³, чтобы получить возможность подавить всякое восстание еретиков, если оно возникнет. Мы понимаем, что расширили свои способности благодаря тому, что уже с юного возраста, отбросив всякую пристрастную односторонность, с величайшим усердием старались приобщиться к рассуждениям мастеров, ученых и знатоков различных наук, коим острота дарований и глубина познаний принесли известность; питаясь их наставительными беседами, как бы вкушая различные укрепляющие дух блюда то в их показательных логических упражнениях, то в изложении физических процессов и трактатов католических⁴ учителей, 68 то в моральных / поучениях, мы получали утешение и сладость. Таких соратников избрали мы в ученические годы; таких соседей в нашей келье;

opportunitatem maximam nos captasse cognoscimus per hoc, quod ab aetate tenera, magistrorum et scholarium ac diversarum artium professores, quos ingenu perspicacitas ac doctrinae celebritas clariores effecerant, relegato quolibet partiali favore, exquisitissima sollicitudine, nostrae semper conjunximus comitivae; quorum consolativis colloquiis confortati nunc argumentorum ostensivis investigationibus, nunc physicorum processuum ac catholicorum doctorum tractatum recitationibus, 68 nunc moralitatum // excitativis collationibus velut alternatis et multiplicatis ingenii ferculis, dulcius fovebamur. Tales in nostro tirocinio commilitones elegimus; tales in thalamo collaterales habuimus; tales in itinere comites; tales in hospitio commensales; et tales penitus in omni fortuna sodales. Verum quia nulla felicitas diu durare permit-

таких спутников в странствиях; таких сотрапезников в застолье; таких неизменных товарищей во всей жизни. Но никакому благополучию не дано быть долгим. И вот нередко мы лишались телесного присутствия некоторых из наших светочей, когда они, с изволения небесного правосудия¹, получали подобающее их достоинству повышение в церковной иерархии, и возлагавшиеся на них новые обязанности вынуждали их отдалиться от нашего ученического услужения.

Укажем теперь на самую широкую дорогу, по которой в наши руки собралось великое множество книг, как старых, так и новых. Мы никогда не относились пренебрежительно к бедности нищенствующих монахов, принятой ими на себя Христа ради, но где бы на свете нам ни пришлось

titur, privabamur nonnunquam luminum aliquorum praesentia corporali, cum eisdem promotiones ecclesiasticae ac dignitates debitae, prospiciente de caelo justitia, provenerunt, quo fiebat ut incumbentes, sicut oportuit, curae propriae, se a nostris cogarentur obsequiis absentare.

Rursus compendiosissimam semitam subjungemus, per quam ad manus nostras librorum pervenit tam veterum quam novorum plurima multitudo. Religiosorum siquidem mendicantium paupertatem susceptam pro Christo nunquam indignantes horruimus: verum ipsos ubique terrarum in nostrae compassionis ulnas admisimus mansuetas, affabilitate familiarissima in personae nostrae devotionem alleximus, allec //
69 tosque beneficiorum liberalitate munifica fovimus propter Deum; quorum sic eramus omnium benefactor communis,

побывать, мы всегда раскрывали перед ними кроткие объятия нашего сочувствия, ласковым обращением до-
69 стигали их личной преданности, / и не оставляли их и далее своими щедротами во имя Божье, и если для всех них мы были общим благодетелем, то для некоторых казались как бы приемным отцом. Им мы были верным пристанищем¹ во всяких обстоятельствах, им всегда было доступно лоно нашей благодетельности, и благодаря этому мы приобрели в их лице самых усердных ревнителей наших стремлений, содействовавших нам всеми средствами и стараниями. Обходя все страны по путям суши и морей², посещая университеты и высшие училища в различных провинциях, они везде трудились, чтобы удовлетворить наши желания, в твердой надежде на будущую награду.

ut nihilominus videremur quadam paternitatis proprietate singulos adoptasse. Istis in statu quolibet facti sumus refugium, istis nunquam clausimus gratiae nostrae sinum, quamobrem istos votorum nostrorum peculiarissimos zelatores habere meruimus et tam ope quam opera promotores. Qui circueuntes mare et aridam ac orbis ambitum perlustrantes, universitates quoque diversarumque provinciarum generalia studia perscrutantes, nostris desideriis militare studebant, certissima spe mercedis.

Quis inter tot argutissimos venatores lepusculus delitesceret? Quis pisciculus istorum nunc hamos, nunc retia, nunc sagenas evaderet?

A corpore sacrae legis divinae usque ad quaternum sophismatum hesternorum, nihil istos praeterire potuit scrutatores. Si in fonte fidei Christianae, Curia sacrosancta Romana, sermo devo-

Какой зайчонок остался бы незамеченным столькими опытнейшими охотниками? Какая рыбешка ускользнула бы от их крючков, сачков, сетей? От корпуса Священного Завета до тетради вчерашнего философского трактата — ничто не могло укрыться от этих разведчиков. Если прозвучало учительное слово в самом источнике христианской веры, в священной римской курии; если обсуждался какой-нибудь выдвинутый новыми обстоятельствами / вопрос; если опубликовала что-нибудь к приращению науки или к утверждению веры парижская солидность, которая теперь склоняется более к изучению древности, чем к утонченному развитию истины, или английская ясность, которая в озарении древних светочей, источает все новые лучи истины, — все это тотчас же достигало нашего

tus insonuit, vel si pro novis causis
70 quaes // tio ventilabatur extranea; si Pa-
risiensis soliditas, quae plus antiquitati
discendae quam veritati subtiliter pro-
ducendae jam studet; si Anglicana per-
spicacitas, quae antiquis perfusa lumi-
naribus novos semper radios veritatis
emittit, quicquid ad augmentum scien-
tiae vel declarationi fidei promulgabat;
hoc statim nostris recens infundebatur
auditibus, nullo devirginatum semini-
verbio, nulloque nugace corruptum, sed
de prelo purissimi torcularis in nostrae
memoriae dolia defaecandum transibat.

Cum vero nos ad civitates et loca
contingeret declinare, ubi praefati pau-
peres conventus habebant, eorum arma-
ria et quaecunque librorum repositoria
visitare non piguit: immo ibi in al-
tissima paupertate, altissimas divitias sa-
pientiae thesaurizadas invenimus: et non
solum in eorum sarcinulis et sportel-

слуха, не запятнанное никакой болтовней, не искаженное никакими выдумками, с тем чтобы остаться в хранилищах нашей памяти подобно виноградному соку, изливавшемуся из-под пресса в бочки для долгой выдержки.

А когда нам доводилось побывать в городе, где находились общины нищенствующих монахов, мы не гнушались посетить их библиотеки и любые собрания книг; и вот среди глубочайшей бедности¹ мы находили хранимыми высочайшие сокровища мудрости: в этих корзинах и связках не крохи, перепавшие комнатным собачкам от господского стола², а не квашеные хлебы приношения³, пища ангелов⁴, несущая в себе всяческое услаждение; более того, житницы Иосифа, полные зерна, все запасы
71 Египта, / все богатейшие дары, кото-

lis, micas de mensa dominorum cadentes repperimus pro catellis, verum panes propositionis absque fermento, panemque angelorum omne in se delectamentum habentem: immo horrea Joseph
71 plena frumentis, totamque Aegypti // supellectilem, atque dona ditissima, quae regina Saba detulit Salomoni.

Hi sunt formicae continue congregantes in messem et apes argumentosae fabricantes jugiter cellas mellis. Hi successores Beseleel ad excogitandum quicquid fabrefieri poterit in argento et auro et gemmis, quibus templum ecclesiae decoretur. Hi prudentes polymitarii, qui superhumeralia ac rationale pontificis, sed et vestes varias efficiunt sacerdotum. Hi cortinas, saga, pellesque arietum rubricatas resarciunt, quibus ecclesiae militantis tabernaculum contegatur; agricolae seminantes, boves triturantes, tubae buccinantes, Pleiades

рые царица Савы привезла Соломону⁵.

Таковы эти муравьи, непрерывно наполняющие свою жатву¹, эти искусные пчелы, неустанно строящие медовые соты. Это преемники Веселиила² в изобретении всего, что искусство может создать из серебра, золота и драгоценных камней. Это мудрые вышивальщики, изготавливающие эпомиды и наперсники первосвященника, а также различные одежды священнослужителей. Они сшивают покрывала из козьей шерсти и из окрашенных овчин³ для скинии воинствующей церкви. Это земледельцы сеющие⁴, волы молотящие⁵, трубы трубящие⁶, Плеяды мерцающие⁷, звезды, на путях своих сражающие Сисару⁸. И чтобы воздать должное истине, не впадая в предрассудки, именно они, хотя и вступили

emicantes et stellae manentes in ordine suo, quae Sisaram expugnare non cessant. Et ut Veritas honoretur, salvo praejudicio cujuscunque, licet hi nuper hora undecima vineam sint ingressi Dominicam, sicut amantissimi nobis libri capitulo sexto supra anxius allegabant, plus tamen in hac hora brevissima sacrorum librorum adjecerunt propagini quam omnes residui vinitores, Pauli sectantes vestigia, qui vocatione novis-

72 si // mus, praedicatione primus, multo la-
thius aliis evangelium Christi sparsit. De istis ad statum pontificalem assumpti, nonnullos habuimus de duobus ordinibus, Praedicatorum videlicet et Minorum, nostris assistentes lateribus, nostraeque familiae commensales, viros utique tam moribus insignitos quam literis: qui diversorum voluminum correctionibus, expositionibus, tabulationibus, ac compilationibus, indefessis studiis incubabant.

лишь недавно в господний виноградник — в одиннадцатом часу⁹, как говорили выше, в шестой главе, возлюбленные наши книги — в остающийся краткий час способствовали распространению священных книг больше, чем все остальные сборщики, 72 подобно тому как апостол Павел, по призванию последний, / но по проповедническому подвигу первый, много далее, чем другие, пронес благу ю весть Христа.

Когда мы достигли епископского сана, то имели при себе живших вместе с нами послушников из двух орденов — проповедников и миноритов. Это были люди превосходных нравов и образованные, которые неумоимо занимались исправлением, изложением, коллационированием и табулированием¹ книг. И хотя мы в общении с монахами различных орденов получили доступ ко множеству книг как

Sane quamvis omnium religiosorum
communicatione multiplici plurimorum
operum copiam tam novorum quam
veterum assecuti fuerimus, Praedicato-
res tamen extollimus merito speciali

новых, так и старых, однако особой хвалой мы по заслугам превозносим проповедников, которые преимущественно перед всеми прочими орденами показали себя чуждыми какого-либо недоброжелательства и радушно делились своим достоянием как истинные и щедрые обладатели лучезарной мудрости.

Помимо всех этих упомянутых выше путей доступа к книгам, мы приобрели связи с книгопродавцами не только в пределах нашей родины, но ⁷³ и во / Франции, Германии, Италии, куда легко долетали наши деньги; не удерживало их расстояние, не устрашало бурное море; не препятствовало и отсутствие денег посылать или привозить нам желанные книги; ведь они знали, что их надежда, направленная в глубину наших помыслов, не может быть обманута, и что за нами

praeconio in hac parte, quod eos prae cunctis religiosis, suorum sine invidia gratissimae communicationis invenimus, ac divina quadam liberalitate perfusos, sapientiae luminosae probavimus non avaros sed idoneos.

Praeter has omnes opportunitates praetactas notitiam non solum infra natalis soli provinciam, sed per reg //
73 num Franciae, Teutoniae et Italiae dispersorum comparavimus, faciliter pecunia praevolante: nec eos ullatenus impedivit distantia, neque furor maris absteruit, nec aes eis pro expensa defecit, quin ad nos optatos libros transmitterent vel afferrent. Sciebant profecto, quod spes eorum in sinu nostro reposita defraudari non poterat, sed restabat apud nos copiosa redemptio cum usuris.

Denique nec rectores scholarium ruralium puerorumque rudium paedago-

остается богатый выкуп, и даже с лихвою.

Наконец, в наших поисках дружеских связей мы не пренебрегали и ректорами сельских школ и учителями малых ребят; посещая, когда выдавалось свободное время, их сады и усадьбы, мы собирали по земной поверхности душистые цветы, а вместе с тем и выкапывали корни¹, заброшенные, но привлекательные для ученых и способные, освободившись от варварской плесени, питать их душевные силы даром красноречия. Среди находок этого рода мы многие признавали достойными восстановления, и действительно, подвергнутые тщательной очистке от безобразной ржавчины, сбросив личину ветхости, они оправдывали усилия, затраченные на то, чтобы вернуть им привлекательную наружность. Так мы, при-

gos nostra neglexit communio, singulorum captatrix amoris. Sed potius cum vacaret hortulos et agellos ingressi, flores superficietenus redolentes collegimus, ac radices effodimus obsoletas, studiosis tamen accommodas, et quae possent, digesta barbarie rancida, pectorales arterias eloquentiae munere medicari. Inter hujusmodi pleraque, comperimus renovari dignissima, quae sollerter elimata robigine turpi, larva vetustatis deposita, merebantur venustis vultibus denuo reformari. Quae nos, adhibita necessariorum sufficientia, in futurae resurrectionis exemplum resuscitata quodammodo, redivivae reddidimus

74 sos // pitati. Ceterum apud nos in nostris maneriis multitudo non modica semper erat antiquariorum, scriptorum, correctorum, colligatorum, illuminatorum et generaliter omnium, qui poterant librorum servitiis utiliter insudare.

меня все необходимые средства для их возрождения, старались продлить их жизнь. / А у нас в имениях всегда было множество антиквариетов, писцов, корректоров, переплетчиков, иллюминаторов и вообще всяческих мастеров, которые могли надлежащим образом обслуживать книги.

В общем, всякий, кто был в какой-либо степени причастен к книжным интересам, без различия пола, сословия и общественного положения, едва постучавшись, мог раскрыть двери нашего сердца и найти полное удобств пристанище в лоне нашего дружелюбия. Так мы дружески встречали всех приносящих книги, и никогда изобилие таких случаев не было в ущерб желательности их повторения, и оказанное вчера гостеприимство не порождало препятствий для сегодняшнего. Поэтому все упо-

Postremo omnes utriusque sexus, omnisque status vel dignitatis condicio, cujus erat cum libris aliquale commercium, cordis nostri januas pulsu poterat aperire facillimo, et in nostrae gratiae gremio commodosum reperire cubile. Sic omnes admisimus codices afferentes, ut nunquam praecedentium multitudo fastidium posteriorum efficeret vel hesternum beneficium praecolatum praejudicium pareret hodierno. Quapropter cum omnibus memoratis personis, quasi quibusdam adamantibus attractivis librorum, jugiter uteremur, fiebat ad nos desideratus accessus vasorum scientiae, et multifarius volatus voluminum optimorum.

Et hoc est, quod praesenti capitulo sumpsimus enarrare. //

мянутые люди были для нас как бы некими магнитами, притягивающими книги, и к нам шел непрерывно желанный поток сосудов знания, многообразный рой превосходных томов. Это мы и предприняли изложить в настоящей главе.

**QUOD LICET OPERA VETERUM
AMPLIUS AMAREMUS NON TAMEN
DAMNAVIMUS STUDIA
MODERNORUM**

Licet nostris desideriis novitas modernorum nunquam fuerit odiosa, qui vacantes studiis, ac priorum patrum sententiis quicquid vel subtiliter vel utiliter adicientes, grata semper affectione coluimus, antiquorum tamen examinatos labores securiori aviditate cupivimus perscrutari. Sive enim naturaliter viguerunt perspicaciori mentis ingenio, sive instantiori studio forsitan indulserunt, sive utriusque suffulti subsidio profecerunt, hoc unum comperimus evidenter, quod vix sufficiunt successores priorum comperta discutere, atque ea per doctrinae captare compendium, quae antiqui anfractuosis adin-

**О ТОМ,
ЧТО, ПРЕДПОЧИТАЯ
ТРУДЫ ДРЕВНИХ,
МЫ НЕ ОТВЕРГАЕМ И КНИГИ
НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Хотя мы никогда не гнушались находками новых писателей, и напротив, всегда питали уважение и благодарность к тем, кто, предаваясь научным занятиям, внесли тонкие и полезные дополнения в труды древних отцов, однако с более жадным усердием изучали испытанные творения древних. Или они от природы обладали большими дарованиями, или, может быть, влагали в эти занятия больше старания, или имели преимущество и в том и в другом, однако мы находим очевидным, что преемники древних едва в состоянии обсудить их открытия и изложить

76 ventionibus effoderunt. Sicut enim // in corporis probitate praestantiores legimus praecessisse quam moderna tempora exhibere noscantur, ita luculentioribus sensibus praefulsisse plerosque veterum opinari, nullatenus est absurdum, cum utrosque opera quae gesserunt inattingibiles posteris aequae praebent. Unde Phocas in prologo grammaticae suae scribit:

Omnia cum veterum sint explorata
libellis,

Multa loqui breviter sit novitatis opus. Nempe si de fervore discendi et diligentia studii fiat sermo, illi philosophiae vitam totam integre devoverunt. Nostri vero saeculi contemporanei, paucos annos fervidae juventutis aestuantes, vicissim incendiis vitiorum segniter applicant, et cum sedatis passionibus, discernendae ambiguae veritatis acumen attingerint, mox externis implicati negotiis re-

в сжатом виде то, к чему древние пришли путем трудных поисков. По-
76 добно тому / как в телесных упражне-
ниях древние, как мы читаем, достиг-
ли большего, чем известные нам до-
стижения нового времени, так никоим
образом не противоречит здравому
смыслу полагать, что многие из древ-
них отличались более светлым умом,
что и показывают их недостижимые
для потомков творения. Об этом гово-
рит Фока¹ в предисловии к своей
грамматике:

Много в творениях своих накопи-
ла древняя мудрость:
Многое вкратце сказать — ныне
задача для нас.

Если говорить об ученом рвении,
о прилежании в научных занятиях,
то древние посвящали философии
всю жизнь полностью. А наши совре-
менники отдают годы пылкой юности

trocedunt et philosophiae gymnasiis valedicunt. Mustum fumosum juvenilis ingenu philosophicae difficultati delibant, vinumque maturius defaecatum oeconomicae sollicitudini largiuntur. Amplius sicut Ovidius, primo De Vetula, merito
77 lamentatur: //

Omnes declinant ad ea quae lucra ministrant.
Utque sciant discunt pauci, plures ut abundant.
Sic te prostituunt, o virgo sciential sic te
Venalem faciunt castis amplexibus aptam,
Non te propter te quaerentes, sed lucra per te:
Ditarique volunt potius quam philosophari.

Et infra:

Sic Philosophia
Exilium patitur, et Philopecunia regnat.

потворствованию порочным страстям и научной бездеятельности, а когда удовлетворят эти страсти и достигнут остроты суждения, необходимой для исследования сокрытой истины, то оказываются в плену у посторонних занятий и прощаются с философскими школами. Кипучее вино юношеского ума они лишь в малой мере уделяют трудностям философии, а выдержанное вино позднее щедро отдают хозяйственным заботам. Сетует на это и Овидий в своей поэме *De 77 Vetula*²: /

Все уклонилось к тому, что только
прибыль приносит.
Знание для знания не ищет никто;
но все для наживы.
Так опозорена ты, Философия,
чистая дева,
Ты, что, гнушаясь земным,
целомудренных ищешь объятий.

Quam constat esse violentissimum toxicum disciplinae.

Qualiter vero non alium terminum studio posuerunt antiqui quam vitae, declarat Valerius ad Tiberium libro octavo, capitulo septimo, per exempla multorum. Carneades, inquit, laboriosus ac diutinus sapientiae miles fuit. Siquidem expletis nonaginta annis idem illi vivendi ac philosophandi finis fuit. Isocrates nonagesimum quartum annum agens, nobilissimum librum scripsit. Sophocles prope centesimum annum agens, Simonides octogesimo anno carmina scripsit. A. Gellius non affectavit diutius vivere, quam esset idoneus
78 ad // scribendum, teste se ipso in prologo Noctium Atticarum. Fervorem vero studii, quem habebat Euclides Socraticus, recitare solebat Taurus philosophus, ut juvenes ad Studium animaret, sicut refert A. Gellius libro sexto, capitulo

Ныне торгуют тобой, из тебя
извлекают доходы,
Быть богачами хотят, ни во что
науку не ставят.

И далее:

Любомудрие ныне
В ссылке давно, и вместо него
сребролюбие правит.

А сребролюбие, это опаснейший яд для науки. Многие примеры, приводимые Валерием¹ в посвященном Тиберию сочинении, книга восьмая, глава седьмая, показывают, что древние не признают иного предела для научных занятий, кроме конца жизни. Карнеад², сообщает он, был верным и трудолюбивым воином философии, и концом философствования был для него только конец жизни, когда ему исполнилось девяносто лет. Исократ³ на девяносто четвертом году написал свою замечательную книгу⁴. Софокл

decimo, voluminis memorati: Athenienses namque cum Megarenses odirent, decreverunt, quod si quis de Megarensibus Athenas intraret, capite plecteretur. Tunc Euclides, qui Megarensis

в возрасте почти ста лет, а Симонид⁵ на восьмидесятом году писали стихи. Авл Геллий⁶ не пожелал себе жить 78 долее, чем он будет в состоянии / продолжать литературные занятия, о чем он сам свидетельствует в предисловии к своим «Аттическим ночам». А философ Тавр, чтобы дать своим ученикам показательный пример научного рвения, часто рассказывал им о сократике Евклиде. Об этом сообщает нам Авл Геллий в названном сочинении, книга шестая, глава десятая: Афиняне, враждуя с Мегарами, приняли постановление предавать смертной казни каждого мегарца, который войдет в Афины. Тогда Евклид, который был мегарцем и до этого постановления учился у Сократа, стал в ночь, перерядившись в женское платье и убранство, проделывать путь в двадцать тысяч шагов от Мегар до Афин

erat, et ante illud decretum Socratem audierat, muliebri ornamento contactus, de nocte ut Socratem audiret, ibat de Megaris ad Athenas viginti milia passuum et redibat. Imprudens et nimius fuit fervor Archimedis, qui geometricae facultatis amator hominem edisserere noluit, nec a figura protracta caput erigere, quo vitae mortalis fatum poterat prolongasse; sed indulgens studio plus quam vitae, studiosam figuram vitali sanguine cruentavit. Quam plurima hujus nostri propositi sunt exempla, nec ea quidem transcurrere brevis affectata permittit. Sed quod dolentes referimus, iter prorsus diversum // ⁷⁹incedunt clerici celebres his diebus. Ambitione siquidem in aetate tenera laborantes, ac praesumptionis penas Icareas inexpertis lacertis fragiliter coaptantes, pilleum magistralem immaturi praeripiunt; fiuntque pueruli fa-

и, побеседовав с Сократом, возвращался. Неразумным и чрезмерным было научное горение Архимеда¹, всецело преданного геометрическому исследованию. Он не пожелал назвать себя, не поднял голову от чертежа, чем мог бы продлить свою жизнь. Но, ценя науку выше, чем жизнь, он обогатил этот чертеж своей мысли кровью своей жизни. Сколько угодно есть примеров, подкрепляющих наше утверждение, однако и перечислить их не позволит желательная нам краткость изложения. Но с горечью приходится признать, что в наши дни именитые клирики вступают / на совсем иной путь. Мучимые честолюбием с юношеского возраста, они самонадеянно прилаживают Икаровы крылья к неискушенным плечам и, предвосхищая зрелость, украшают себя магистерским беретом; и вот на

cultatum plurium professores immeriti, quas nequaquam pedetentim pertranseunt, sed ad instar caprearum saltuatim ascendunt. Cumque parum de grandi torrente gustaverint, arbitrantur se totum funditus sorbuisse, vix faucibus humectatis; et quia in primis rudimentis tempore congruo non fundantur super debile fundamentum, opus aedificant ruinosum. Jamque provectorum pudet addiscere, quae tenellos decuerat didicisse, et sic profecto coguntur perpetuo luere quod ad fasces indebitos praepropere salierunt. Propter haec et his similia, tirones scholastici soliditatem doctrinae quam veteres habuerunt, tam paucis leucubrationibus non attingunt, quantumcunque fungantur honoribus, censeantur nominibus, auctorizentur habitibus, locenturque solemniter in cathedris seniorum. Prisciani regulas et Donati statim de cunis erepti et cele-

различных факультетах профессорами становятся мальчишки, достигшие этого отнюдь не последовательным накоплением ученых заслуг, а перескакивая все ступени козлиными скачками. Едва отведав от великого потока знания, едва омочив в нем свои губы, они воображают, что испили его до дна; и так как время для усвоения первых начатков ими не использовано, то они возводят постройку, лишённую твердого основания и готовую рухнуть, стыдясь с опозданием доучиваться тому, чему подобало научиться в юном возрасте. Так и приходится им непрерывно расплачиваться за преждевременное ученое достоинство. По этим и им подобным причинам нынешние новички ученых школ в течение краткого уделяемого этому времени той основательности научной подготовки, какой

80 riter ablactati // perlingunt; Categorias et Perihermenias, in cujus scriptura summus Aristoteles calamum in corde tinxisse confingitur, infantili balbutie resonant impuberes et imberbes. Quorum facultatum itinera dispendioso compendio damnosoque diplomate transmeantes, in sacrum Moysen manus iniciuni violentas, ac se tenebrosis aquis in nubibus aeris facialiter aspergentes, ad pontificatus infulam caput parant, nulla decoratum canitie senectutis. Promovent plurimum istam pestem juvantque ad istum phantasticum clericatum tam perniciousis passibus attingendum papalis provisio seductivis precibus impetrata, necnon et preces, quae repelli non possunt, cardinalium et potentium, amicorum cupiditas et parentum, qui aedificantes Sion in sanguinibus prius suis nepotibus et alumnis ecclesiasticas dignitates anticipant quam

обладали древние, не получают, какими бы ни облекались обязанностями, величались знаниями, украшались одеяниями и самим своим положением на кафедре своих предшественников. Едва из колыбели, едва отнятые от груди, они пробегают правила Присциана¹ и Доната², / а едва войдя в возраст, еще безбородые, они по-ребячески лепечут о «Категориях» и «Об истолковании» — сочинениях, которые великий Аристотель, можно сказать, написал кровью своего сердца. Пройдя такой научный путь с сокрушительным сокращением и награжденные пагубным дипломом, они налагают нечестивые руки на святого Моисея¹. Окропившись темною водой, почерпнутой в облаках воздушных², они готовят епископские митры для своих голов, не украшенных никаким признаком

naturae successu vel doctrinae temperie maturescant.

Isto proh dolor paroxysmo quem plangimus, Parisiense palladium nostris maestis temporibus cernimus jam sublatum, ubi tepuit, immo // fere friguit zelus Scholae tam nobilis, cujus olim radii lucem dabant universis angulis orbis terrae. Quiescit ibidem jam calamus omnis scribae, nec librorum generatio propagatur ulterius, nec est qui incipiat novus auctor haberi. Involvunt sententias sermonibus imperitis, et omnis logicae proprietate privantur; nisi quod Anglicanas subtilitates, quibus palam detrahunt, vigiliis furtivms addiscunt.

Minerva mirabilis nationes hominum circuire videtur et a fine usque ad finem attingit fortiter, ut se ipsam communicet universis. Indos, Babylonios, Aegyptios atque Graecos, Arabes et Latinos eam petrtansisse jam cernimus.

старческой седины. Этой язве столь фантастически быстрого возвышения в клире содействует попустительство, оказываемое папой проискам этих лиц, иногда и поддерживаемым просьбами кардиналов и светских властей; влиятельные родственники и друзья воздвигают Сион³ собственную кровью, чтобы обеспечить своим опекаемым получение достоинств церковной иерархии ранее, чем это будет естественным следствием их ученой зрелости.

Увы, парижский оплот против этой удручающей нас болезни в это бедственное время исчезает на наших
81 глазах. Остыл, более того, / почти застыл тот очаг благочестивого рвения, теплые лучи которого согревали самые отдаленные области земного круга. Покоятся без движения все перья писцов, не появляются на свет новые

Jam Athenas destruit, jam Roma recessit, jam Parisios praeterivit, jam Britanniam insularum insignissimam, quin potius microcosmum, accessit feliciter, ut se Graecis et Barbaris debitricem ostendat. Quo miraculo profecto conicitur a plerisque, quod sicut Galliae jam sophia tepescit, sic ejusdem militia 82 penitus evirata languescet. //

поколения книг, и нет никого, кто пожелал бы

писателем новым считаться ¹.

Пишущие облачают свои мысли в неумелые слова, с ущербом для всякой логики; и только украдкой используют некоторые англиканские тонкости, которые сами громогласно порицают.

Чудесная Минерва охватывает человеческие народности и от края до края ² крепко связывает их, становясь их общим достоянием. Мы видим, как она посетила индийцев, вавилонян, египтян и греков, арабов и латинян. Ныне она покинула Афины, отступила от Рима, уклонилась от Парижа, ныне она счастливо достигла Британии, замечательнейшего из островов, скорее даже некоего микрокосма, чтобы показать себя обязанной покровительствовать одинаково грекам и варварам ³.

Capitulum Decimum

**DE SUCCESIVA PERFECTIONE
LIBRORUM**

Sapientiam veterum exquirentes assidue, juxta sapientis consilium Ecclesiastici tricesimo nono: Sapientiam, inquit, antiquorum omnium exquiret sapiens; non in illam opinionem dignum duximus declinandum, ut primos artium fundatores omnem ruditatem elimasse dicamus, scientes adinventionem cujusque fideli cano- nio ponderatam, pusillam efficere scientiae portionem; sed per plurimorum investigationes sollicitas, quasi datis symbolis singillatim, scientiarum ingentia corpora ad immensas quas cernimus quantitates successivis augmentationibus succreverunt. Semper namque dis-

Глава десятая

О ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ КНИГ

Неустанно изыскивая мудрость древних, по завету мудрого Экклезиастика, который говорит в тридцать девятой главе: Мудрый изыщет мудрость всех древних, — мы не сочли нужным уклоняться к той мысли, что первооснователи искусств устранили до конца всякую необразованность, ибо понимаем, что дополнение, вносимое каждым в общую сумму знаний, взвешенное строгим отбором, составляет лишь ничтожную часть знания; но благодаря прилежным исследованиям многих, делающих свои отдельные вклады, огромные своды наук,

83 cipuli, magistrorum sententias iterata
fornace liquantes, praeneglectam scori-
am excoxerunt, donec fieret aurum
electum, probatum terrae pur // gatum
septuplum et perfecte, nullius erronei
vel dubii admixtione fucatum. Neque
enim Aristoteles, quamvis ingenio gi-
ganteo floreret, in quo naturae compla-
cuit experiri quantum mortalitati ratio-
nis posset annectere, quemque paulo
minus ab angelis minoravit Altissimus,
illa mira volumina, quae totus vix ca-
pit orbis, ex digitis suis suxit. Quin
immo Hebraeorum, Babyloniorum,
Aegyptiorum, Chaldaeorum, Persarum
etiam et Medorum, quos omnes diserta
Graecia in thesauros suos transtulerat,
sacros libros oculis lynceis penetrando
perviderat. Quorum recte dicta recipi-
ens, aspera complanavit, superflua re-
secavit, diminuta supplevit et errata
delevit. Ac non solum sincere docen-

восприняв эти последовательные приращения, увеличились до той неизмеримости, которую мы видим. Ибо ученики непрерывно подвергают мысли учителей новой и новой переплавке, отжигая незамеченные ранее посторонние примеси, пока не останется 83 золото чистой пробы, / семикратно проверенное, ничем ложным и сомнительным не запятнанное ¹. Ведь как ни блистал гигантским дарованием Аристотель, в котором природа пожелала испытать, сколько разума она властна придать смертному, и которого Всевышний поставил почти вровень с ангелами ², однако и он не из пальца высосал те удивительные сочинения, вместить которые едва может весь наш мир ³. Отнюдь нет, он своим рысьим взором глубоко проник в священные книги евреев, вавилонян, египтян, халдеев, даже персов и ми-

tibus, sed etiam oberrantibus regratian-
dum censuit, quasi viam praebentibus
veritatem facilius inquirendi, sicut ip-
semet secundo *Metaphysicae* clare do-
cet. Sic multi jurisperiti condidere Pan-
dectam, sic medici multi *Tegni*, sic
Avicenna *Canonem*, sic Plinius molem
illam *Historiae Naturalis*, sic Ptolemae-
84 us edidit *Almagesti*. Quemad // modum
namque in scriptoribus annalium con-
siderare non est difficile, quod sem-
per posterior praesupponit priorem, sine
quo praelapsa tempora nullatenus enar-
rare valeret; sic est in scientiarum auc-
toribus aestimandum. Nemo namque
solus quamcunque scientiam generavit,
tamen inter vetustissimos et novos
intermedios reperimus; antiquos quidem
si nostris aetatibus comparentur, novos
vero, si ad studiorum fundamenta re-
ferantur, et istos doctissimos arbitra-
mur.

дьян; книги, которые ученая Греция приняла в свою сокровищницу. Он воспринял то, что в их наследии было сказано правильно, он упростил все неясное, отсекал излишнее, дополнил недостающее, устранил ошибочное. И он счел нужным воздать благодарность не только тем, кто учил безошибочно, но и тем, кто, ошибаясь, как бы показывал более легкий путь искания истины, как он сам об этом ясно говорит во второй книге Метафизики⁴. Так многие опытные юристы составили Пандекты⁵, так многие медики — Тегни⁶, так Авиценна⁷ — свой Канон, так Плиний — громаду своей Естественной Истории, так Птолемей издал Альмагест⁸. /

⁸⁴ И подобно тому как читая историков легко видеть, что всегда каждый последующий предполагает предыдущего, без которого он никоим обра-

Quid fecisset Virgilius Latinorum
poeta praecipuus, si Theocritum, Lucre-
tium et Homerum minime spoliasset,
et in eorum vitula non arasset? Quid
nisi Parthenium Pindarumque, cujus

зом не мог бы повествовать о минувших временах, так же надо судить и об авторах научных трудов. Никто самостоятельно не породил какую бы то ни было науку, и между наиболее древними и новыми мы находим посредствующих; те, кого мы назовем древними по отношению к нашему времени, будут новыми по отношению к самим основаниям наук; а их мы и считаем ученейшими. Что создал бы величайший латинский поэт Вергилий, если бы он не обобрал Феокрита, Лукреция и Гомера и не пахал бы на их телице? ¹ И что, если бы он не заглядывал в Парфения ² и Пиндара, с красноречием которого он никоим образом не мог сравниться? Что создали бы Саллюстий ³, Туллий ⁴, Боэтий, Макробий ⁵, Лактанций ⁶, Марциан ⁷, да и вся вообще когорта латинских писателей, если бы

eloquentiam nullo modo potuit imitari, aliquatenus lectitasset? Quid Sallustius, Tullius, Boethius, Macrobius, Lactantius, Martianus, immo tota cohors generaliter Latinorum, si Athenarum studia vel Graecorum volumina non vidissent? Parum certe in scripturae gazophylacium Hieronymus trium linguarum peritus, Ambrosius, Augustinus, qui tamen Graecas litteras se fatetur odisse, immo Gregorius, qui prorsus eas se nescisse describit, ad doctrinam ecclesiae contulissent, si nihil eisdem doctior Graecia commodasset. Cujus rivulis Roma rigata, sicut prius generavit philosophos ad Graecorum effigiem, pari forma postea protulit orthodoxae fidei tractatores. Sudores sunt Graecorum symbola quae cantamus, eorundem declarata conciliis et multorum martyrio confirmata. Cedit tamen ad gloriam Latinorum per accidens hebe-

не видела перед собой афинской учености и греческих свитков? Мало внесли бы полезного в сокровищницу церковного писания Иероним⁸, 85 знающий три языка, Амвросий⁹, / Августин, хотя он и признается, что недолюбливает греческую грамоту, даже Григорий¹, который, по собственному сообщению, ее вовсе не знает, если бы они ничего не заимствовали от ученой Греции. Как некогда Рим, орошенный ручейками из Греции, породил философов, по подобию греческих, так впоследствии он дал и правоверных служителей веры. Творение греков — символы, которые звучат в наших песнопениях, провозглашенные на их собраниях и подкрепленные многими мученическими подвигами. Но послужила по своим последствиям к славе латинян прирожденная их косность, прояв-

tudo nativa, quoniam sicut fuerunt in studiis minus docti, sic et in erroribus minus mali. Ariana nempe malitia fere totam eclipsarat ecclesiam. Nestoriana nequitia, quae blasphema rabie

лявшаяся в том, что они были хоть и менее успевающими в научных трудах, но и менее зловерными в заблуждениях. Арианское нечестие покрыло мраком едва ли не всю церковь. Несторианская мерзость, обрушив на Деву Марию свое святотатственное исступление, отняла бы у Царицы Небесной как имя, так и сущность богородицы не войной, а диспутами, если бы непобедимый воитель Кирилл, выступивший в единоборстве и поддержанный Эфесским собором², мощным веянием своего духа не развеял ее без остатка. Бесчисленны разновидности греческих ересей и их зачинателей. Ибо как 86 были первые учителя нашей / святой веры, так, согласно свидетельствам, заслуживающим доверия, были и первые сеятели плевелов¹, и с течением времени внесенная ими порча еще

debacchari praesumpsit in Virginem, tam nomen quam definitionem theotocos abstulisset reginae non pugnando sed disputando, nisi miles invictus Cyrillus ad monomachiae congressum paratus eam, favente concilio Ephesino, in spiritu vehementi penitus exsufflasset. Innumerabiles nobis sunt Graecarum haeresium tam species quam auctores; nam sicut fuerunt // sacrosanctae fidei primitivi cultores ita et primi zizaniorum satores produntur historiis fide dignis. Sicque posterius profecerunt in pejus, quod dum inconsutilem tunicam scindere molirentur, claritatem doctrinae praehabitam perdiderunt totaliter, ac novis tenebris excaecati, decidunt in abyssum, nisi Ille sua occulta dispenset potentia, cujus sapientiam numerus non metitur.

Haec hactenus, nam hic nobis sub-

углубилась. Ибо, покушаясь разодрать цельнотканый хитон, они полностью утратили дарованную им ранее ясность догмы и, ослепленные небывалой тьмой, готовы ввергнуться в пропасть, если их не избавит от этого неисповедимое могущество того, чья мудрость безмерна².

Об этом довольно, ибо здесь исчерпана наша способность суждения. Один только вывод извлечем мы из сказанного, а именно, что ныне весьма губительно ученым латинянам незнание греческого языка, который необходим для понимания древних писателей, как христианских, так и языческих. То же самое можно сказать об арабском языке применительно ко многим астрономическим трактатам, и об еврейском — для изучения текста святой Библии. Имеющиеся в этом отношении недостатки

ducitur judicandi facultas. Unum tamen elicimus ex praedictis, quod dam-nosa nimis est hodie studio Latino-rum Graeci sermonis inscitia, sine quo scriptorum veterum dogmata, sive Christianorum sive gentilium nequeunt comprehendi. Idemque de Arabico in plerisque tractatibus astronomicis, ac de Hebraico pro textu Sacrae Bibliae, veri-similiter est censendum. Quibus defecti-bus proinde Clemens Quintus occur-rit, si tamen praelati, quae faciliter statuunt, fideliter observarent. Quamo-brem grammaticam tam Hebraeam quam Graecam nostris scholaribus pro-videre curavimus, cum quibusdam
87 adjunctis, // quorum adminiculo studiosi lectores in dictarum linguarum scriptu-ra, lectura, necnon etiam intellectu plu-rimum poterunt informari, licet propri-etatem idiomatis solus auditus aurium animae repraesentet.

отметил Климент Пятый³, указав, чтобы по крайней мере епископы соблюдали требование, которое они сами признают без колебаний. С этой целью мы заботились предоставить нашим студентам как греческую, так и еврейскую грамматику, с некоторыми 87 дополнениями, / значительно облегчающими усвоение чтения, письма и понимания текстов на этих языках, хотя только восприятие на слух может представить уму своеобразие каждого языка.

Capitulum Undecimum

QUARE LIBROS LIBERALIUM ARTIUM PRAETULIMUS LIBRIS JURIS

Juris positivi lucrativa peritia dispensandis terrenis accommoda, quanto hujus saeculi filiis famulatur utilius, tanto minus ad capessenda sacrae scripturae mystérica et arcana fidei sacramenta filiis lucis confert, utpote quae disponit peculiariter ad amicitiam hujus mundi, per quam homo, Jacobo attestante, Dei constituitur inimicus. Haec nimirum lites humanas, quas infinita producit cupiditas, intricatis legibus, quae ad
88 utrumlibet duci possunt, extendit crebrius quam // extinguit; ad quas tamen sedandas a jurisconsultis et piis principibus noscitur emanasse. Sane cum

Глава одиннадцатая

ПОЧЕМУ МЫ КНИГИ БЛАГОРОДНЫХ ИСКУССТВ И НАУЧНЫЕ ПРЕДПОЧИТАЕМ КНИГАМ ЮРИДИЧЕСКИМ

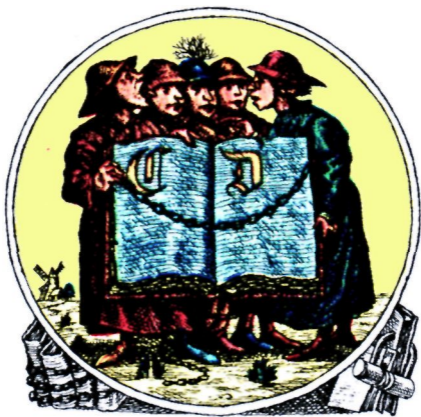
Чем больше услуг оказывает сынам века сего¹ изложение положительного права, затрагивающего мирские интересы, тем меньше помогает оно сынам света² в постижении глубин священного писания и святых таинств веры, ибо располагает к содружеству с земным, которое, по свидетельству апостола Иакова, делает человека недругом Богу³. Сложные законы, которые можно истолковать и в ту и в другую сторону, чаще расширяют, чем разрешают возникающие среди людей споры, порождаемые ненасытимой жадностью; / а ведь известно, что при-

contrariorum sit eadem disciplina, potentiaque rationalis ad opposita valeat, simulque sensus humanus proclivior sit ad malum, hujus facultatis exercitatoribus accidit, ut plerumque litibus intendendis indulgeant plus quam paci, et jura non ad legislatoris intentum referant, sed ad suae machinationis effectum verba retorqueant violenter.

Quamobrem licet mentem nostram librorum amor haerens possideret a pueris, quorum zelo languere vice voluptatis accepimus, minus tamen librorum civilium appetitus nostris adhaesit affectibus, minusque hujusmodi voluminibus acquirendis concessimus tam operae quam impensae. Sunt enim utilia, sicut scorpio in theriaca quemadmodum libro De Pomo Aristoteles, sol doctrinae, de logica definivit. Cernebamus etiam inter leges et scientias quandam natu-

званы эти законы к их улаживанию, происходят от опытных юристов и благочестивых государей. И вот, так как каждая из спорящих сторон опирается на одну и ту же правовую основу, а способность к рассуждению может привести к противоположным выводам, и человеческой природе свойственно тяготение к злу, то часто происходит так, что вершители права потворствуют более углублению спора, чем примирению, и в применении закона не следуют мысли законодателя, а произвольно извращают смысл закона в поддержку своей махинации.

Поэтому, хотя любовь к книгам владела нашей душой уже с детских лет и заменяла нам всякое иное наслаждение, влечение к книгам по гражданскому праву нам было менее свойственно, и приобретению их мы

rae differentiam manifestatam, dum
omnis scientia jucundatur et appetit,
quod suorum principiorum praecordia,
introspectis visceribus, pateant et radi-
89 ces suae // pullulationis emineant, suae-

уделяем меньше трудов и денежных затрат. Однако они полезны, как скорпион в качестве противоядия — как говорит о логике Аристотель, солнце учености, в книге *De homo*¹. Усматривали мы и некоторое очевидное природное различие между законами и науками: всякая наука приятна и привлекательна тем, что в ней раскрываются внутренние глубины самых ее оснований, обнаруживаются корни / ее процветания и явственно светится бьющий ключом ток ее развития; так, благодаря родственному и сочувственному свету истины, в согласующихся с первоосновами умозаключениях просветляется вся совокупность науки, не оставляя темноты ни в какой своей части². А законы, представляя собой некие договоры, установленные людьми для гражданского сожительства, или яр-

que scaturiginis emanatio luceat evidenter; sic enim ex cognato et consono lumine veritatis conclusionis ad principia, ipsum corpus scientiae lucidum fiet torum, non habens aliquam partem tenebrarum. At vero leges, cum sint quaedam pacta et humana statuta ad civiliter convivendum vel juga principum superjecta cervicibus subditorum, recusant ad ipsam synderesim, aequitatis originem, eo quod plus habere se timeant de voluntatis imperio quam de arbitrio rationis. Quapropter causas legum discutiendas non esse suadet in pluribus sententia sapientum. Nempe consuetudine sola leges multae vigorem acquirunt, non necessitate syllogistica sicut artes, prout secundo Politicorum adstruit Aristoteles, Phoebus scholae, ubi politiam redagruit Hippodami, quae novarum legum inventori- bus praemia pollicetur, quia leges ve-

мо, наложенное государем на выи подданных, не могут быть сведены к самой $\sigma\upsilon\upsilon\tau\eta\rho\eta\sigma\iota\varsigma$ ³, началу справедливости, заставляющему остерегаться того, чтобы разумное суждение было подавлено своеволием. Поэтому мнение мудрых людей таково, что законы не должны быть предметом обсуждений. Только длительностью традиции приобретают силу многие законы, а не силлогистической необходимостью, как научные положения; так поучает нас Феб схоластики Аристотель во второй книге Политики, где он обсуждает Гипподама, предложившего награждать изобретателей новых законов: отменять старые законы и вводить новые означает ослаблять значение самих вводимых⁴.

Ибо то, что приобретает устойчивость благодаря привычности, неиз-

teres abrogare et novas statuere est ipsarum quae fiunt valetudinem infirmare. Quae enim sola consuetudine stabilitatem accipiunt, haec necesse est
90 dissuetudine dirimantur. //

Ex quibus liquido satis constat, quod sicut leges nec artes sunt nec scientiae, sic nec libri legum libri scientiarum vel artium proprie dici possunt; nec est haec facultas inter scientias recensenda, quam licet geologiam appropriato vocabulo nominare. Libri vero liberalium litterarum tam utiles sunt scripturae divinae, quod sine ipsorum subsidio frustra ad ipsius notitiam intellectus aspiret.

90 бежно утрачивает ее вследствие отвыкания. /

Из сказанного достаточно явствует, что законы не относятся ни к искусствам, ни к наукам, а потому и книги о законах не могут называться относящимися к наукам или искусствам; и сама эта область не может считаться в числе наук, и наиболее подходящим для нее было бы название геологии¹. Книги же, посвященные благородным искусствам, столь полезны для изучения священного писания, что без их помощи тщетно было бы рассчитывать на его постижение.

Capitulum Duodecimum

QUARE LIBROS GRAMMATICALES TANTA DILIGENTIA CURAVIMUS RENOVARE

Cum librorum lectionibus fove-
remur assidue, quos moris erat
quotidie legere vel audire, per-
pendimus evidenter quantum inpediat
intellectus officium vel unius vocabu-
li semiplena notitia, dum nullius enun-
tiationis sententia capitur, cujus pars
91 quan // talibet ignoretur. Quapropter
exoticorum verborum interpretationes
mira sedulitate jussimus annotari an-
tiquorumque grammaticorum ortho-
graphiam, prosodiam, etymologiam et
diasynthesim inconcussa curiositate
consideravimus, terminosque vetustate
nimia caligantes descriptionibus congru-
is lucidare curavimus, quatenus iter

Глава двенадцатая

ПОЧЕМУ МЫ ТАК СТАРАТЕЛЬНО ЗАБОТИЛИСЬ ОБ ИСПРАВНОСТИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КНИГ

Постоянно находя отраду в книгах, которые мы ежедневно или читали или слушали, мы с очевидностью убедились, как затруднено понимание неполным знанием хотя бы одного слова: смысл высказывания не улавливается, если
91 хотя бы малая часть его / непонятна. Поэтому мы настоятельно добивались того, чтобы редкостные слова снабжались пояснениями и с неуклонной тщательностью соблюдали орфографию, просодию, этимологию и синтаксис древних грамматиков, а устаревшие и темные термины разъяснялись надлежащими описаниями,

plenum nostris studentibus pararemus.
Haec est sane summa totalis, quare
tot grammaticorum antiquata volumina,
emendatis codicibus, renovare studui-
mus, ut stratas regias sterneremus, qui-
bus ad artes quascunque nostri futuri
92 scholares incederent inoffense. //

чтобы таким образом облегчить путь учения нашим студентам. Таковы в общем основания, из которых мы исходим, обновляя по исправленным спискам старые томы грамматиков, с тем, чтобы проложить царскую дорогу¹, по которой могли бы без затруднений шествовать к любым искусствам наши студенты. /

Capitulum Tertiumdecimum

QUARE NON OMNINO NEGLEXIMUS FABULAS POETARUM

Omnia genera machinarum, quibus contra poetas solius nude veritatis amotores obiciunt, duplici refelluntur umbone; quia vel in obscena materia gratus cultus sermonis addiscitur, vel ubi ficta sed honesta tractatur sententia, naturalis vel historialis veritas indagatur sub eloquio typicae fictionis.

Quamvis nimirum omnes homines natura scire desiderent, non tamen omnes aequaliter delectantur addiscere; quin immo, studii labore gustato et sensuum fatigatione percepta, plerique nucem abiciunt inconsulte priusquam testa soluta nucleus attingatur. Inna-

Глава тринадцатая

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ПРЕНЕБРЕГАЕМ И ПОВЕСТВОВАНИЯМИ ПОЭТОВ

Все хитросплетения, которые выдвигают против поэтов любители голой правды, отбрасываются обоюдонаправленным щитом: ибо, с одной стороны, даже изложение недостойного предмета может научить превосходно обработанной речи, а с другой — там, где разрабатывается достойное, но вымышленное содержание, под оболочкой типического вымысла раскрывается естественная или историческая правда.

Хотя, конечно, всем людям от природы свойственна любовь к знанию¹, однако не все в равной степени любят

tus est homini duplex amor, videlicet propriae libertatis in regimine et aliquantae voluptatis in opere; unde nullus sine causa alieno // se subdit
93 imperio vel opus quodcunque exercet cum taedio sua sponte. Delectatio namque perficit operationem sicut pulchritudo juventutem, sicut Aristoteles verissime dogmatizat decimo Ethicorum. Idcirco prudentia veterum adinvenit remedium quo lascivum humanum ingenium caperetur quodammodo pio dolo, dum sub voluptatis iconio delicata Minerva delitesceret in occulto. Muneribus parvulos assolemus allicere, ut illa gratis velint addiscere, quibus eos vel invitos intendimus applicare. Non enim natura corrupta eo impetu, quo prona se pellit ad vitia, transmigrat ad virtutes. Haec in brevi versiculo nobis declarat Horatius, ubi artem tradit poeticam, ita dicens:

учиться; более того, многие, вкусив труд учения и утомившись, неразумно отбрасывают орех с жесткой скорлупой, не добравшись еще до зерна. Присуща человеку двоякая любовь — к свободе от внешнего управления и к удовольствию от собственного труда; поэтому никто не подчиняется без

93 причины / чужой власти и не выполняет добровольно работу, которой он тяготится. Ибо удовольствие есть венец работы, как красота — венец молодости, справедливо говорит Аристотель в десятой книге *Этики*¹. Поэтому мудрость древних нашла средство пленить прихотливый человеческий нрав благочестивым обманом, сокрыв мудрую Минерву под приятным образом. Мы нередко подарками соблазняем детей добровольно заучить то, чему ставим себе целью научить их хотя бы и против их воли. Ведь дурная человеческая природа не

Aut prodesse volunt aut
delectare poetae.
Haec idem in alio versu ejusdem libri
patenter insinuat, ita scribens:

Omne tulit punctum qui miscuit
utile dolci.

Quot Euclidis discipulos retrojecit
Elefuga quasi scopulus eminens et ab-
ruptus, qui nullo scalarum suffragio
94 scandi posset! // Durus, inquiunt, est hic
sermo; quis potest eum audire? Filius
inconstantiae, qui tandem in asinum
transformari volebat, philosophiae Stu-
dium nullatenus forsitan dimisisset, si
eidem contacta voluptatis velamine fa-
miliariter occurisset; sed mox Crato-
nis cathedra stupefactus et quaestioni-
bus infinitis quasi quodam fulmine su-
bito percussus, nullum prorsus vide-
bat refugium nisi fugam.

Haec in excusationem adduximus
poetarum; jam studentes intentione de-

с той легкостью приходит к добродетели, с какой может уклониться к порокам. Это в кратком стихе выразил Гораций², говоря о поэтическом искусстве:

Или полезным быть хочет поэт,
иль приятность доставить.
То же самое он имеет в виду и в другом стиле той же книги:

Пальму заслужит поэт, сочетав
удовольствие с пользой.
Сколько учеников Евклида³ сразила
Элефуга⁴, эта крутая скала, преодолеть которую не помогли им никакие
94 лестницы! / Трудная это речь¹, говорят они, кому она доступна? Сын непостоянства², который в конце концов выразил желание превратиться в осла, не отказался бы, вероятно, столь решительно от философии, если бы она предстала ему в привлекательном одеянии; но, оглушенный

bita in eisdem ostendimus inculpan-
dos. Ignorantia quidem solius unius
vocabuli praegrans sententiae impe-
dit intellectum, sicut proximo capitulo
est assumptum. Cum igitur dicta san-

громом Кратоновой³ кафедры и осыпанный градом бесконечных вопросов, он не видел никакого спасения, кроме бегства.

Все это мы привели для оправдания поэтов; покажем, что и те, кто изучает их с надлежащей направленностью, не заслуживают осуждения. Как мы говорили в предыдущей главе, незнание одного-единственного слова может сделать непонятной весьма значительную мысль. А так как книги священного содержания часто намеком затрагивают и поэтические вымыслы, то незнание таковых неизбежно преграждает доступ к мысли читаемого автора. Справедливо говорит Кассиодор⁴ в своей книге Об изучении Священного Писания, что нельзя считать малым то, что составляет необходимую часть великого. Так, не зная поэзии, невозможно по-

ctorum poetarum figmentis frequenter alludent, eveniet, necesse est, ut nescito poemate introducto tota ipsius auctoris intentio penitus obstruatur; et certe, sicut dicit Cassiodorus libro De Institutione Divinarum Literarum, non sunt parva censenda sine quibus magna constare non possunt. Restat igitur ut ignoratis poesibus ignoretur Hieronymus, Au // gustinus, Boethius, Sidonius et plerique alii, quorum litaniam prolixum Capitulum non teneret.

Venerabilis vero Beda hujusmodi dubitationis articulum distinctione declaravit dilucida, sicut recitat compiler egregius Gratianus, plurium repetitor auctorum, qui sicut fuit avarus in compilationis materia, sic confusus reperitur in forma. Scribit tamen sic distinctione tricesima septima, Turbat acumen: Saeculares litteras quidam legunt ad voluptatem, poetarum figmentis et

95 нимать Иеронима, / Августина, Боэтия, Лактанция, Сидония¹ и многих других, список которых не вместила бы и пространный глава.

Беда Достопочтенный² подверг этот сложный предмет тщательному рассмотрению, как сообщает его превосходный компилятор Гратиан, обработавший многих авторов и собравший много ценного материала, хотя и беспорядочно изложенного. Вот что он пишет в тридцать седьмой дистинкции, озаглавленной Turbat acumen: Мирские сочинения некоторые читают ради собственного удовольствия, развлекаясь поэтическими измышлениями и разукрашенной речью; другие же пополняют ими свое образование, чтобы изобличить заблуждения народов³ и вместе с тем и обратить то здоровое, что найдут в этом чтении, на пользу духовного об-

verborum ornatu delectati; quidam vero ad eruditionem eas addiscunt, ut errores gentium legendo detestentur et utilia quae in eis invenerint ad usum sacrae eruditionis devoti invertant. Tales laudabiliter saeculares litteras addiscunt. Haec Beda.

Hac institutione salutifera moniti, si leant detrahentes studentibus in poetis ad tempus, nec ignorantes hujusmodi connescientes desiderent quia hoc est simile solacio miserorum. Statuat igitur sibi quisque piae intentionis affectum, et de // quacunque materia, observatis virtutis circumstantiis, faciet Studium Deo gratum. Et si in poeta profecerit, quemadmodum magnus Maro se fatetur in Ennio, non amisit.

разования. Такие читатели мирских сочинений достойны похвалы. Таково суждение Беды.

96 Наученные этим спасительным разъяснением, должны умолкнуть хулители тех, кто изучает поэтов. Будучи сами невежественны в этой области, пусть они не стараются приобрести сотоварищей в этом невежестве, памятуя, что таково утешение несчастных⁴. Пусть каждый руководствуется благочестивой целенаправленностью / и соблюдает условия добродетели, и его труд, посвященный любому предмету, будет угоден Богу. И если он сделает успехи в изучении поэтов, как великий Марон в изучении Энния¹, то его труд не потерян.

Capitulum Quartumdecimum

**QUI DEBERENT ESSE LIBRORUM
POTISSIMI DILECTORES**

Recolligenti praedicta palam est et perspicuum, qui deberent esse librorum praecipui dilectores. Qui namque sapientia magis egent ad sui status officium utiliter exsequendum, hi potissimi sacris vasis sapientiae propensiolem proculdubio exhibere tenentur sollicitum grati cordis affectum. Est autem sapientis officium bene ordinare et alios et se ipsum secundum Phoebum philosophorum Aristotelem, prooemio Metaphysicae, qui nec fallit nec fallitur in humanis. Quapropter principes et // praelati iudices et doctores et quicumque reipublicae directores, sicut prae aliis sapientia opus

Глава четырнадцатая
**КОМУ НАДЛЕЖИТ ПО
ПРЕИМУЩЕСТВУ
БЫТЬ ПОЧИТАТЕЛЕМ КНИГ**

Приняв во внимание сказанное выше, легко видеть, кому надлежит по преимуществу быть почитателем книг. Кто нуждается в расширении своей мудрости, чтобы удовлетворительно выполнять обязанности, соответствующие его общественному положению, тот прежде всего должен питать глубокое уважение и сердечную благодарность к священным сосудам мудрости. Обязанность же мудрого — хорошо распорядиться и другими и самим собой, как говорит во введении к *Метафизике* Феб философов Аристотель², не обманываю-

habent, ita prae aliis vasis sapientiae zelum debent. Philosophiam numirum conspexit Boethius in sinistra quidem sceptrum et in dextra libros gestantem, per quod universis evidenter ostenditur nullum posse rempublicam debite regere sine libris. Tu, inquit Boethius loquens Philosophiae, hanc sententiam Platonis ore sanxisti, beatas fore respublicas, si eas vel studiosi sapientiae regerent, vel earum rectores studere sapientiae contigisset. Rursus hoc nobis insinuat ipse gestus imaginis, quod quanto dextra sinistram praecellit, tanto contemplativa dignior est activa, simulque sapientis interesse monstratur nunc studio veritatis nunc dispensationi temporalium indulgere vicissim.

Philippum legimus Diis regratiatum devote, quod Alexandro concesserant temporibus Aristotelis esse natum, cujus instructionibus educatus regni paterni

щий и не обманывающийся в человеческих делах. Поэтому князья и / 97 епископы, судьи и учителя, все правящие государственными делами, нуждаясь в мудрости более, чем прочие, должны и книжной ревностью о тех сосудах мудрости обладать более прочих.

Философия предстала Боэтию¹ со скипетром в левой руке и с книгами в правой, и это всем с очевидностью знаменует, что никто не может должным образом управлять государством без книг. Ты устами Платона утвердила ту мысль, говорит Боэтий, обращаясь к философии, что счастливыми будут государства, которыми будут править ученые философы, или правители, имеющие возможность заниматься философией. С другой стороны, тот же образ внушает нам, что насколько правая рука превосходит ле-

moderamine dignus esset. Dum Phae-
98 thon ignarus regiminis fit // currus auri-
ga paterni, nunc vicinitate nimia nunc
remota distantia infeliciter administrat
mortalibus aestum Phoebi, ac ne omnes

вую, настолько созерцательность достойнее деятельности, а вместе с тем — что мудрому надлежит уделять внимание как исследованию истины, так и устройству мирских дел.

Филипп, читаем мы², благодарил богов, что Александр родился при жизни Аристотеля и, получив у него воспитание, сможет стать достоин управлять отцовским царством.

- 98 Фаэтон, неумелый / колесницы отцовской водитель¹, то чрезмерной близостью, то чрезмерным удалением солнечного жара угнетает смертных, и по справедливости сражен молнией, чтобы не погибли все от его приближения. История как греков, так и латинян свидетельствует, что у них не было выдающихся государственных деятелей, чуждых книжного образования. Священный закон Моисеев, предписывая царю

periclitarentur subjecti propinquo regimine juste meruit fulminari. Referunt tam Graecorum quam Latinorum historiae quod nobiles inter eos principes non fuerunt, qui litterarum peritia caruerunt. Sacra lex Mosaica praescribens regi regulam per quam regat, librum legis divinae sibi praecipit habere descriptum, Deuteronomii septimodecimo, secundum exemplar a sacerdotibus exhibendum, in quo sibi legendum esset omnibus diebus vitae suae. Sane labilitatem humanae memoriae et instabilitatem virtuosae voluntatis in homine satis noverat Deus ipse, qui condidit, qui et fingit quotidie corda hominum singillatim. Quamobrem quasi omnium malorum antidotum voluit esse librum, cujus lectionem et usum tanquam saluberrimum spiritus alimentum quotidianum jugiter esse jussit. Quo refocillatus intellectus, nec enervis nec

устав правления, обязывает его иметь при себе книгу закона божественного, списанную с образца, предоставленного священниками, и читать ее во все времена своей жизни. Второзаконие, глава семнадцатая. Конечно Бог, который создал и ежедневно воссоздает каждое человеческое сердце в отдельности, знает слабость человеческой памяти и неустойчивость добродетельных устремлений воли. Поэтому он пожелал, чтобы книга была как бы противоядием против этих зол, и предписал ее чтение как спасительную ежедневную духовную пищу, укрепляясь которой разум не впадал бы в слабость и колебания в своей деятельности. Это основательно разбирает Иоанн Солсберийский² в четвертой книге / своего трактата Поликратикон. В заключение скажем, что на всех тех украшенных тонзурой и

dubius trepidaret ullatenus in agendis.
Istud eleganter Johannes Saresberien-
99 sis pertractat in // suo Policraticon libro
quarto. Ceterum omne genus hominum
qui tonsura vel nomine clericali prae-
fulgent, contra quos libri quarto, quin-
to et sexto capitulo querebantur, lib-
ris tenentur veneratione perpetua famu-
lari.

званием клирика, против которых были направлены жалобы книг в наших главах четвертой, пятой и шестой, лежит обязанность служить книгам с неизменной преданностью.

Capitulum Quintumdecimum
**QUOT COMMODA CONFERT
AMOR LIBRORUM**

Humanum transcendit ingenium, quantumcunque fuerit de fonte Pegaseo potatum, instantis capituli titulum explicare perfecte. Si linguis angelorum et hominum quis loquatur, si in Mercurium transformaretur aut Tullium, si dulcescat Titi Livii eloquentia lactea, si Demosthenis suavitate peroret, aut Moysi balbutient allegabit, vel cum Jeremia se puerum nescientem fatebitur adhuc loqui, vel imitabitur resonantem in montibus altis echo. Amorem namque librorum amorem sapientiae // constat esse, sicut secundo capitulo est probatum. Hic autem amor philosophia Graeco vocabulo nun-

100

Глава пятнадцатая

КАКИЕ БЛАГА ПРИНОСИТ ЛЮБОВЬ К КНИГАМ

Превосходит силы человеческого разума, сколько бы ни почерпнул он вдохновения из Пегасова источника¹, задача развернуть полностью заголовок настоящей главы. Если кто владеет всеми языками людей и ангелов, если даже он превратился в Меркурия или Туллия, если речь его обладает млечным изобилием Тита Ливия² и сладостью Демосфена, все же он должен будет сослаться на свое косноязычие, как Моисей, или вслед за Иеремией признать себя бессловесным младенцем³, или уподобиться горному отголоску. Ибо любовь к книгам, это

cupatur, cujus virtutem nulla creata intelligentia comprehendit, quoniam vere creditur omnium bonorum mater esse; Sapientiae septimo. Aestus quippe carnalium vitiorum quasi caelicus ros extinguit, dum motus intensus virtutum animalium vires naturalium virtutum remittit, otio penitus effugato, quo sublato

periere Cupidinis arcus

omnes.

Hinc Plato in Phaedone: In hoc, inquit, manifestus est philosophus, si absolvit animam a corporis communiōne differentius aliis hominibus. Ama, inquit Hieronymus, scientiam scripturarum et carnis vitia non amabis. Demonstravit hoc Xenocrates deiformis in constantia rationis, quem nobile scortum Phryne nomine statuam definivit non hominem, cum nullis eum valeret illecebris evirare, quemadmodum Vale-

100 любовь к мудрости, / как показано во второй главе. А любовь к мудрости по-гречески именуется философией, и ее достоинство не вмещается никаким человеческим разумением, ибо она поистине есть мать всех благ — книга Мудрости¹, глава седьмая. Подобно небесной росе, она угашает жар телесных пороков, ибо усиленное движение духовных способностей умеряет телесные стремления, и с устранением досужности

Купидоновы стрелы поникли².

Платон говорит в «Федоне»³: В том проявляет себя философ, что освобождает душу от воздействия тела, в отличие от остальных людей. Полюби, говорит Иероним⁴, науку Писаний, и ты перестанешь любить пороки плоти. Пример этого показал богоподобный по твердости убеждений Ксенократ⁵, которого знамени-

rius libro quarto, capitulo tertio, plene refert. Hoc ipsum noster Origenes ostendit qui, ne eum ab omnipotenti femina effeminari // contingeret, utriusque sexus medium per abnegationem extremorum elegit; animosum quippe remedium nec naturae tamen consentaneum nec virtuti, cujus est hominem non insensibilem facere passionum, sed subortas a fomite rationis enecare mucrone.

Rursus mundanas pecunias parvipendunt, quotquot amor affecit librorum, dicente Hieronymo contra Vigilantium, epistola quinquagesima quarta. Non est ejusdem hominis aureos nummos et scripturas probare. Unde a quodam metrico sic est dictum:

Nulla libris erit apta
manus ferrugine tincta;
Nec nummata queunt corda
vacare libris.

тая гетера Фрина назвала не человеком, а статуей, после того как ей не удалось никакими ухищрениями соблазнить его: об этом подробно рассказывает Валерий в третьей главе четвертой книги⁶. То же самое показал и наш Ориген⁷, который, чтобы избежать подчинения всемогущей
101 женщине, предпочел отказаться от своего мужского пола, изувечив себя — средство отважное, но несогласное ни с природой ни с добродетелью, которая требует от человека не отсутствия страстей, а способности сразить их мечом разума.

Но те, кто охвачен любовью к книгам, невысоко ставят мирские богатства, как говорит Иероним в пятьдесят четвертом письме против Вигилантия: Не может один и тот же человек уважать и золото и книги. То же самое кто-то выразил и стихами:

Non est ejusdem nummos
librosque probare.
Persequitur libros grex,
Epicure, tuus.
Nummipetae cum libricolis nequeunt
simul esse:
Ambos, crede mihi, non tenet una
domus.
Nullus ergo potest libris et Mammonae
deservire.

102 Vitiorum deformitas in libris maxime
reprobatur, ut inducatur omnimode vi-
tia detestari, qui libros dilexerit per-
scrutari. Daemon, // qui a scientia no-
men habet, per librorum scientiam po-
tissime triumphatur. Cujus fraudes mul-
tipliciter flexuosae milleque perniciosi
maeandri per libros panduntur legenti-
bus, ne se transfigurans in angelum
lucis dolis circumveniat innocentes.

Divina nobis per libros reverentia
revelatur, virtutes quibus colitur propa-
lantur expressius, atque merces descri-

bitur, quam quae nec fallit nec fallitur Veritas pollicetur. Imago simillima futurae beatitudinis est sacrarum contemplatio litterarum, in quibus nunc creator nunc creatura conspicitur, ac

бительных уловок, не позволяя ему в образе ангела света² коварно обойти невинных.

Через книги раскрывается нам почитание божественности, явственные очертания получают добрые начала, в которых оно обнаруживается, книги описывают и награду, которую обещает истина не обманывающая и не допускающая обмана. Ясный образ будущего блаженства возникает перед нами в священном писании, где мы видим и творца и творение, откуда черпаем как из потока вечной радости. Вера опирается на силу книг: надежда укрепляется утешением, которое дают книги, научая нас терпеть и надеяться³; любовь не разгорается, но создается в истинном познании книг; и ясно как день, что на священных книгах утверждена церковь.

Книги радуют, когда нам улыбает-

de torrente perpetuae jucunditatis hauritur. Fides fundatur potentia litterarum; spes librorum solacio confirmatur, ut per patientiam et consolationem scripturarum spem habeamus. Caritas non inflatur sed aedificatur per veram notitiam litterarum, immo super libros sacros constat luce clarius ecclesiam stabilitam.

Delectant libri prosperitate feliciter arridente; consolantur individue nubila fortuna terrente; pactis humanis robur attribuunt, nec feruntur sententiae graves sine libris. //

Artes et scientiae in libris consistunt, quarum emolumenta nulla mens sufficeret enarrare. Quanti pendenda est mira librorum potentia, dum per eos fines tam orbis quam temporis cernimus, et ea quae non sunt, sicut ea quae sunt, quasi in quodam aeternitatis speculo contemplamur! Montes

ся благополучие; утешают каждого, над кем сгустятся тучи бедствия. Они придают силу человеческим договорам, без них не могут распространиться великие мысли. /

В книгах заключены искусства и науки, охватить ценность которых превышает силы человеческого ума. Как измерить могущество книг, в которых мы видим границы мира и границы времени, видим, как в некоем зеркале вечности, несуществующее как существующее¹. В книгах мы поднимаемся на горы; исследуем глубины пропастей; рассматриваем породы рыб, не переносящие нашего климата. Благодаря книгам мы различаем свойства рек и источников иных стран; при их помощи выкапываем металлы, драгоценные камни и минералы всякого рода; узнаем свойства деревьев и трав и по своему вы-

scandimus; abyssorum voragines perscrutamur; species piscium, quos communis aer nequaquam salubriter continet, intuemur codicibus. Fluviorum et fontium diversarum terrarum proprietates distinguimus; metallorum atque gemmarum genera et minerae cujusque materias de libris effodimus. Herbarumque vires arborum et plantarum addiscimus prolemque totam pro libitu cernimus Neptuni, Cereris et Plutonis. Quod si nos caelicolas visitare delectat suppeditantes Taurum, Caucasum et Olympum, Junonis regna transcendimus ac septena territoria planetarum funiculis et circulis emetimur. Ipsum tandem firmamentum supremum, signis, gradibus et imaginibus varietate maxima decoratum, lustramus. Ibi polum antarcticum, quem nec oculus // vidit
104 nec auris audivit, inspicimus; luminosum iter galaxiae et animalibus caelestibus

бору рассматриваем племена Нептуна, Цереры и Плутона. А если явится желание посетить небожителей, то, опираясь на Тавр, Кавказ и Олимп, мы выходим за пределы царства Юноны² и размечаем пути семи планет линиями и кругами. Наконец мы достигаем высшего небосвода, украшенного великим разнообразием образов движений и созвездий. Так мы
104 созерцаем Южный полюс / недоступный ни глазу ни уху, восхищаемся прекрасным зрелищем светящегося Млечного Пути и Зодиака, расписанного изображениями небесных зверей. Далее, благодаря книгам мы переходим к отдельным субстанциям¹, так что наш интеллект приветствует родственные интеллекты² и постигает духовным зрением общую первопричину и неподвижного движителя бесконечной благости, проникаясь

picturatum zodiacum delectabili jucunditate miramur. Hinc per libros ad separatas transimus substantias ut cognatas intelligentias intellectus salutet primamque causam omnium ac motorem immobilem infinitae virtutis oculo mentis cernat et amore inhaereat sine fine. Ecce per libros adjuti beatitudinis nostrae mercedem attingimus, dum adhuc existimus viatores. Quid plura! proculdubio sicut Seneca docente didicimus, otium sine lictens mors est et hominis vivi sepultura. Ita revera a sensu contrario, litterarum seu librorum negotium concludimus hominis esse vitam. Rursus per libros tam amicis quam hostibus intimamus, quae nequaquam secure nuntiis commendamus, quoniam libro plerumque ad principum thalamos ingressus conceditur, quo repelleretur penitus vox auctoris, sicut Tertullianus in principio Apologetici sui

беспредельной любовью к нему. Так благодаря книгам мы получаем награду соприкосновения с блаженством, еще оставаясь на пути к нему. Что тут говорить! Уже Сенека научил нас, что досуг без грамоты, это смерть и погребение живого человека³. А делая вывод от обратного, мы заключаем, что занятия грамотой и книгами, это сама жизнь человека. Далее, через посредство книг мы сообщаем как друзьям, так и врагам то, что никоим образом не можем без опасений доверить вестнику, ибо книге открыт доступ в покои властителей, куда не мог проникнуть голос автора, как говорит Тертуллиан⁴ в начале своего Апологетика. Находясь в заключении в оковах, полностью лишённые телесной свободы, мы прибегаем к
105 посредничеству книг, / в которых даем друзьям поручения по нашему делу,

dicit. Carceribus et vinculis custoditi,
ademptaque penitus corporis libertate,
librorum legationibus utimur ad amicos,
105 eisque causas nos // tras expediendas
committimus atque illuc transmittimus,
quo nobis fieret causa mortis acces-
sus. Per libros praeteritorum reminis-
cimus, de futuris quodammodo prophe-
tamus, praesentia, quae labuntur et
fluunt, scripturae memoria stabilimus.

Felix studiositas et studiosa felicitas:
praepotentis eunuchi, de quo Actuum
octavo narratur, quem amor propheti-
cae lectionis succenderat tam arden-
ter, quod nec ratione itineris a legen-
do cessaret, reginae Candacis regiam
populosam oblivioni tradiderat, gazas
quibus praeerat a cura cordis semo-
verat, et tam iter quam currum quo
ferebatur neglexerat. Solus amor libri
totum sibi vindicarat domicilium casti-
tatis, quo disponente mox fidei januam

и посылаем эти книги туда, где наше личное появление угрожало бы нам смертью. В книгах мы вспоминаем прошедшее, в какой-то мере предвидим будущее, памятью письмен утверждаем настоящее, которое течет и ускользает.

Счастлирое упорство и упорное счастье всемогущего евнуха, о котором повествует восьмая глава Деяний апостолов и которого чтение пророчества воспламенило такой любовью, что он не мог оторваться от него и в дороге, заставило забыть о многолюдном дворце царицы Кандаки и изгнать из сердца заботу о казне, хранителем которой он был, и он пренебрег поездкой и колесницей. Любовь к книге всецело заполнила собой это обиталище чистых помыслов, и руководствуемый ею, он вскоре сподобился вступить во врата веры.

meruit introire. O gloriosus amor librorum, qui Gehennae filium et alumnum Tartari per gratiam baptismalem filium fecit Regnil

Cesset jam stilus impotens infiniti negotii consummare tenorem, ne videatur aggredi temere, quod in principio fatebatur impossibile cuiquam esse. //

О священная любовь к книгам, которая сына Геенны и питомца Тартара благодатью крещения сделала сыном Царства!

Здесь должно остановиться слабое перо, не в состоянии исчерпать предмет бесконечной глубины, дабы не показалось, что мы посягаем на решение задачи, которую в самом начале признали ни для кого не разрешимой. /

**QUAM SIT MERITORIUM LIBROS
NOVOS SCRIBERE ET VETERES
RENOVARE**

Sicut necessarium est reipublicae pugnaturis militibus arma providere Vulcania et congestas victualium copias praeparare, sic ecclesiae militanti contra paganorum et haereticorum insultus, operae pretium constat esse sanorum librorum multitudine communiri. Verum quia omne quod servit mortalibus per prolapsum temporis mortalitatis dispendium patitur, necesse est vetustate tabefacta Volumina innovatis successoribus instaurari, ut perpetuitas, quae naturae repugnat individui, concedatur privilegio speciei. Hinc est quod signanter dicitur Ecclesiae duodecimo: Faciendi

**СКОЛЬ ВЕЛИКА ЗАСЛУГА
ПИСАТЬ НОВЫЕ КНИГИ
И ОБНОВЛЯТЬ СТАРЫЕ**

Подобно тому как государство должно предоставить воинам, избранным для боевых действий, Вулканово оружие и запас продовольствия, так и воинствующей церкви в ее действиях против выпадов язычников и еретиков необходимо вооружиться множеством здоровых книг. Но так как все, что служит смертным, с течением времени само подвергается действию закона смертности, то возникает надобность заменить обветшавшие томы обновленными преемниками, чтобы постоянство, которому противна природа индивидуума, было обеспечено для вида.

plures libros nullus est finis. Sicut enim librorum corpora, ex contrariorum
107 commixtione compacta, suae // compositionis continuum sentiunt detrimentum, sic per prudentiam clericorum reperiri debet remedium, per quod liber sacer solvens naturae debitum, hereditarium obtineat substitutum, et simile semen fratri mortuo suscitetur, verificeturque statim illud Ecclesiastici tricesimo: Mortuus est pater illius, et quasi non est mortuus, similem enim sibi reliquit post se. Sunt igitur transcriptores veterum quasi quidam propagatores recentium filiorum, ad quos paternum devolvatur officium, ne librorum municipium minuatur. Sane hujusmodi transcriptores antiquarii nominantur, quorum studia inter ea quae complentur labore corporeo plus sibi placere Cassiodorus confitetur, De Institutione Divinarum Litterarum capitulo tricesimo, ita subdens:

Отсюда вытекает то, что знаменательно сказано у Экклезиаста в двенадцатой главе: Умножению книг нет конца. Действительно, так как тело книги представляет собой сочетание 107 неоднородных частей и / книги в своем вещественном составе подвержены непрерывному изнашиванию, то предусмотрительность клириков обязана найти средство к тому, чтобы каждая священная книга, отдающая долг природе, получала последующего ей преемника, и таким образом осуществилось нечто подобное возобновлению семени умершего брата¹, и тем самым было оправдано сказанное в тридцатой главе Экклезиастика: Умер отец его, но как бы избегнул смерти, ибо оставил по себе подобного себе². Так и тот, кто переписывает старые книги, как бы порождает им молодое потомство, принимая на себя отцов-

Felix, inquit, intentio, iaudanda sedulitas, manu hominibus praedicare, linguas digitis aperire, salutem mortalibus tacitam dare, et contra diaboli surreptiones illicitas calamo atramentoque pugnare. Haec ille. Porro scriptoris officium Salvator exercuit, dum inclinans
108 se deorsum, digito scribebat in terra, //
Johannis octavo, ut nullus quantumcunque nobilis indignetur hoc facere, quod sapientiam Dei patris intuetur fecisse.

O scripturae serenitas singularis, ad
cujus fabricam inclinatur Artifex orbis
terrae, in cuius tremendo nomine flectitur
omne genu! O venerandum artificium
singulare prae cunctis praxibus
quae hominis manu fiunt, cui pectus
Dominicum incurvatur, cui Dei digitus
applicatur calami vice functus! Sevisse
Dei filium vel arasse, texuisse vel fo-
disse non legimus: nec quicquam aliud

ские обязанности, чтобы род книг не иссякал. Такие переписчики называются антиквариями, и Кассиодор³ в тридцатой главе «О наставлении в Священном писании» говорит, что уважает их занятие более чем какой-либо другой вид ручного труда, добавляя при этом: Счастливое устремление, похвальное усердие — ручным трудом проповедовать людям, вложить речь в пальцы, безгласно дарить смертным спасение, пером и чернилами сражать губительные козни Дьявола. Так говорит Кассиодор. Но и сам Спаситель явил себя писцом, когда, склонившись, стал писать пальцем по земле: / От Иоанна, глава восьмая. Пусть же никто, сколь бы он ни был знатен, не сочтет для себя недостойным то, до чего, как мы видим, снизошла мудрость Бога Отца¹.

О единственное величие письмен-

de mechanicis divinam decebat sapi-
entiam humanatam nisi scribendo lit-
teras exarare, ut discat quilibet gene-
rosus aut sciolus, quod hominibus digiti
tribuuntur divinitus ad scribendi nego-

ности, ради которой склоняется сам Художник круга земного, тот, чье наводящее трепет имя заставляет всех преклонить колени²! О единственное искусство, внушающее уважение выше всякого дела рук человеческих, искусство, перед которым смиренно склоняет голову Господь, отдавая ему перст вместо пера! Нигде не читаем мы, что Сын божий сеял, пахал, ткал, копал землю; ничто иное, причастное к механике, не приличествовало вочеловечившейся божественной мудрости, как только выведение письменных букв; пусть же каждый чванливый полузнайка поймет, что пальцы даны от Бога человеку скорее для писания, чем для военных трудов. Поэтому мы всецело одобряем высказанное книгами в нашей шестой главе мнение, что клирик, неспособный к писанию книг, это своего рода ка-

tium potius quam ad bellum. Unde librorum sententiam plurimum approbamus, qua clericum inertem scripturae censuerunt quodammodo fore mancum, capitulo sexto supra. Scribit justos in libro viventium Deus ipse; lapideas tabulas, digito Dei scriptas, Moyses accepit. Scribat librum ipse qui // judi-
109 cat, Job proclamat; digitos scribentis in pariete, Mane, Thecel, Phares, Nabuchodonosor tremens vidit; Danielis quinto. Ego, inquit Jeremias, scribebam in volumine atramento; Jeremiae tricesimo sexto. Quod vides scribe in libro, Christus praecipit caro suo; Apocalypsis primo. Sic Isaiae, sic Josuae officium scriptoris injungitur, ut tam actus quam peritia futuris in posterum commendetur. In vestimento et in femore scriptum habet Rex regum et Dominus dominantium Christus ipse, ut sine scriptura nequeat apparere perfec-

лека. Бог сам вписывает справедли-
вых в книгу жизни; Моисею были
даны каменные скрижали с начертан-
ниями, сделанными перстом божь-
им⁴. Пусть напишет книгу тот, / кто
109 меня судит, провозглашает Иов 1; На-
вуходоносор², объятый трепетом,
увидел пальцы руки, пишушей на сте-
не MANE THECEL PHARES: Про-
рочество Даниила, глава пятая. Я
вписывал чернилами в этот свиток,
говорится у Иеремии в главе трид-
цать шестой. Что ты видишь, запи-
ши в книге, велит Христос своему
любимому ученику: Апокалипсис,
глава первая. Предполагается вла-
дение письменностью для Исаии³,
предполагается и для Иисуса На-
вина⁴, и это также указывает бу-
дущим поколениям на важность
книжного искусства. И сам Христос
имеет на одежде и на бедре надпись:

tum Omnipotentis regium ornamentum. Defuncti docere non desinunt, qui sacrae scientiae libros scribunt. Plus Paulus scribendo sacras epistolas ecclesiae profuit fabricandae, quam gentibus et Judaeis evangelizando sermone. Nempe per libros quotidie continuat comprehensor, quod olim in terra positus inchoavit viator; sicque verificatur de doctoribus libros scribentibus sermo propheticus, Danielis duodecimo: Qui ad justitiam erudiunt multos, erunt quasi
110 stellae in perpetuas aeternitates. // Porro polychronitudinem antiquorum, priusquam Deus originalem mundum cataclysmo dilueret, adscribendam miraculo non naturae catholici decrevere doctores, ut Deus ipse tantum eis vitae concederet, quantum reperiendis et in libris scribendis scientiis conveniret: inter quas astronomiae miranda diversitas, ut experimentaliter visui subderetur, ses-

Царь царей и Господь господствующих ⁵, знаменующую, что без письма не может быть совершенным царственное убранство Всемогущего. Те, кто пишет книги священной науки, не перестают поучать и после своей кончины.

Павел писанием святительских посланий сделал больше для строительства церкви, чем устной проповедью христианства язычникам и иудеям. Ведь книгой ее составитель ежедневно продолжает то, что некогда начал путник, проходя по земле; и так оправдывается пророческое слово об учителях, пишущих книги, сказанное Даниилом в главе двенадцатой: Те, кто научает многих справедливости, будут как звезды во веки веков ⁶. /

110 Католические ¹ вероучители приписали долговечность древних людей, до того как изначальный мир был

centorum annorum periodum secundum Josephum requirebat. Verumtamen non abnuunt quin terrae nascentia illius temporis primitivi utilius alimentum praestarent mortalibus, quam moderni,

смыт потопом, не природе, а чуду, ибо сам Бог уделил им такую продолжительность жизни, какая была необходима для изобретения и книжного изложения наук; среди них удивительное многообразие астрономии было таково, что потребовало, согласно Иосифу², периода в шестьсот лет для подтверждения на опыте. Вместе с тем они не отрицают, что плодородие земли тех первобытных времен предоставляло смертным более полезную пищу, чем в новое время, и следствием этого было не только бодрое благосостояние тела, но и большая длительность цветущего возраста; немало способствовало этому и то, что жили тогда, следуя добродетели, всячески отсекая излишества в наслаждениях. Итак каждый, кто Божьей милостью имеет научное дарование, пусть следует внушению Святого Ду-

quo dabatur non solum hilarior corporis euexia sed et diuturnior florens aetas; ad quam non modicum contulit quod virtuti vivebant, omnimode reseca-
to superfluo voluptatis. Igitur quisquis Dei munere scientia est dotatus juxta consilium Spiritus Sancti, Ecclesiastici tricesimo octavo: Sapientiam scribe in tempore vacuitatis, ut et praemium cum beatis et spatium in praesenti augeatur aetatis.

Ceterum si ad mundi principes divertamus sermonem, imperatores egregios invenimus // non solum artis scribendi peritia floruisse, sed et ipsius operi plurimum induisisse. Julius Caesar, primus omnium et tempore et virtute, Commentarios reliquit tam belli Gallici quam civilis a semetipso conscriptos. Item De Analogia duos libros, et Anticatones totidem, et poema quod inscribitur Iter et opuscula alia multa

ха, согласно главе тридцать восьмой Экклезиастика: Пиши мудрость во время досуга³, чтобы и продлить свой здешний век и удостоиться награды с блаженными.

111 Далее, если обратить речь к мирским властителям, мы видим, что выдающиеся императоры / не только обладали писательским умением, но и много трудились в этом деле. Юлий Цезарь, первый и по времени и по заслугам, оставил написанные им записки как о Галльской, так и о гражданской войнах. Написал он также две книги «Об аналогии» и две книги «Против Катона», поэму под названием «Путь» и много других сочинений. Как Юлий, так и Август применяли тайнопись, состоявшую в замене каждой буквы другою: Юлий ставил четвертую по отсчету букву на место первой и так далее по всему

fecit. Tam Julius quam Augustus cautelas scribendi litteram pro littera adinvenit ut quae scriberent occultarent. Nam Julius quartam litteram posuit loco primae, et sic deinceps alphabetum expendit: Augustus vero secundam pro prima, et pro secunda tertiam, et ita deinceps usus fuit. Hic in Mutinensi bello, in maxima mole rerum, quotidie et legisse et scripsisse traditur, ac etiam declamasse. Tiberius lyricum carmen scripsit et poemata quaedam Graeca. Claudius similiter, tam Graeci quam Latini sermonis peritus, varios libros fecit. Sed prae his at aliis Titus in scribendi peritia floruit, qui cujuscunque videbat litteram imitabatur facillime, unde se profitebatur falsarium maximum, si libu // isset, fieri potuisse. Haec omnia Suetonius, De vita duodecim Caesarum, annotavit.

алфавиту, а Август вторую на место первой, третью на место второй и так далее.

Во время Мутинской войны Август, как передают, среди всех забот ежедневно и читал и писал, и даже декламировал. Тиберий написал лирическое произведение и несколько греческих стихотворений. Также и Клавдий, владея и греческой речью, как латинской, написал несколько книг. Но Тит перед всеми ими и другими имел то преимущество, что был искусен в скорописи и даже умел столь точно воспроизводить любой почерк, что мог бы, по его собственным словам, при желании / стать величайшим фальсификатором. Все это сообщает Светоний в книге «Жизнь двенадцати цезарей»¹.

Capitulum Septimumdecimum

**DE DEBITA HONESTATE CIRCA
LIBRORUM CUSTODIAM ADHIBENDA**

Non solum Deo praestamus obsequium novorum librorum praeparando volumina, sed sacratae pietatis exercemus officium si eosdem nunc illaese tractemus, nunc locis idoneis redditos illibatae custodiae commendemus; ut gaudeant puritate dum habentur in manibus, et quiescant secure dum in suis cubilibus reconduntur. Nimirum post vestes et vascula corpori dedicata Dominico, sacri libri merentur honestius a clericis contractari, quibus totiens irrogatur injuria quotiens eos praesumit attingere manus foeda. Quamobrem exhortari // studentes super negligentis vanis reputamus

Глава семнадцатая

О НЕОБХОДИМОМ УВАЖЕНИИ К СОХРАНЕНИЮ КНИГ

Мы не только служим Богу изготовлением новых книг, но соблюдаем требование прямого благочестия тем, что, пользуясь книгами, остерегаемся причинить им повреждение и храним их в приспособленных для этого местах, так что они не загрязняются, переходя из рук в руки, и находят надежный приют для своего покоя. Конечно, после облачения и сосудов, предназначенных для тела Господня, заслуживают уважительного обращения и священные книги, которые терпят обиду всякий раз, когда их дерзнет коснуться нечистая рука. Поэтому мы считаем/

expediens, quae vitari faciliter semper possent, et mirabiliter libris nocent. In primis quidem circa claudenda et aperienda volumina sit matura modestia, ut nec praecipiti festinatione solvantur nec, inspectione finita, sine clausura debita dimittantur. Longe namque diligentius librum quam calceum convenit conservari.

Est enim gens scholarium perperam educata communiter, et nisi majorum regulis refrenetur infinitis infantis insolescit. Aguntur petulantia, praesumptione tumescunt; de singulis judicant tanquam certi, cum sint in omnibus inexperti.

Videbis fortassis juvenem cervicosum, studio segniter residentem, et dum hiberno tempore hiems alget, nasus irriguus frigore comprimente distillat, nec prius se dignatur emunctorio tergere quam subjectum librum madefecerit

полезным предостеречь студентов от проявлений небрежности, которые чрезвычайно вредят книгам, тогда как их всегда легко избежать. Прежде всего необходима осмотрительность при открывании и закрывании книги: непозволительно ни раскрывать книгу, ни торопливо захлопывать ее по миновании надобности. Ведь к книге подобает относиться гораздо бережнее, чем к сапогу. Но племя школяров обычно оказывается дурно воспитанным, и если его не сдерживает руководство старших, склонно к ребячеству. В их поведении обнаруживается дерзкая самоуверенность; на все у них готово суждение, хотя ни в чем они не обладают нужным опытом.

Иной раз увидишь жестоковыйного¹ юношу, который в зимнюю морозную пору, преодолевая скуку, сидит за учебной книгой. Из застужен-

turpi rore. Cui utinam loco codicis corium subderetur sutoris! Unguem habet fimo foetenti refertum, gagati simillimum, quo placentis materiae signat locum. // Paleas dispertitur innumeras, quas diversis in locis collocat evidenter ut festuca reducat quod memoria non retentat. Hae paleae, quia nec venter libri digerit, nec quisquam eas extrahit, primo quidem librum a solita junctura distendunt, et tandem negligenter oblivioni commissae putrescunt. Fructus et caseum super librum expansum non veretur comedere, atque scyphum hinc inde dissolute transferre; et quia non habet eleemosynarium praeparatum, in libris dimittit reliquias fragmentorum. Garrulitate continua, sociis oblatrare non desinit, et dum multitudinem rationum adducit a sensu physico vacuarum, librum in gremio subexpansum humectat aspergine

ного носа у него течет, но он не раньше догадается утереться носовым платком, чем мерзостная капля увлажнит страницу лежащей перед ним книги. Дать бы ему вместо книги сапожнический передник! А то еще черным как гагат ногтем, провонявшим навозом, отмечает понравившееся

114 ему место в книге; / без конца рассыпает между страницами соломинки, очевидно рассчитывая посредством соломы овладеть тем, чего память не удерживает. Но эти соломинки, которых желудок книги не переваривает, никто из нее не извлекает, и они, прежде всего, выпирают книгу из ее переплета, а в конце концов, преданные забвению, в самой книге и истлевают. Не стесняется такой читатель и поедать овощи и сыр над раскрытой книгой, небрежно прихлебывая тут же из стакана, и так как у него нет

salivarum. Quid plura! statim duplicatis cubitis, reclinatur in codicem, et per breve Studium, soporem invitat prolixum; ac repandis rugis limbos replicat foliorum, ad libri non modicum detrimentum.

Jam imber abiit et recessit, et flores apparuerunt in terra nostra. Tunc scholaris, quem describimus, librorum neglector potius quam inspector, viola
115 primula atque rosa necnon et // quadri-
folio farciat librum suum. Tunc manus aquosas et scatentes sudore volvendis voluminibus applicabit. Tunc pulverulentis undique chirothecis, in candidam membranam impinget, et indice veteri pelle vestito, venabitur paginam lineatim. Tunc ad pulicis mordentis aculeum sacer liber abicitur; qui tamen vix clauditur infra mensem, sed sic pulveribus introjectis tumescit, quod claudentis instantiae non oboedit.

под руками котомки для сбора подаяний, то и объедки остаются на книге. Он непрерывно болтает и переругивается с соседями и в разгаре аргументации, лишенной здравого смысла, забрызгивает слюной книгу, полуразвернутую у него на коленях. Чего более! вот уже он, расставив локти, склоняется над книгой, и за недолгим чтением следует долгий сон; а затем, чтобы выправить помятые страницы, перегибает листы в обратную сторону, к немалому ущербу для книги.

115 Но вот прошел дождь, распустились цветы на нашей земле¹, и тогда этот школяр, скорее презиратель, чем обзреватель книг, пускается / начинать свою книгу фиалками, первоцветом, розами, четырехлистником. Тут он станет перелистывать книги своими потными руками. Тут он перчатками, покрытыми собранной отовсю-

Sunt autem specialiter coercendi a contrectatione librorum juvenes impudentes, qui cum literarum figuras effigiare didicerint, mox pulcherrimorum voluminum, si copia concedatur, inci-

ду пылью, запятнает блестящий белозной пергамент и пальцем, одетым ветхой кожей, будет водить от строки к строке. Тут при укусе блохи священная книга отбрасывается в сторону, а закроется едва-едва через месяц, когда одета таким толстым слоем пыли, что и закрыть ее нелегко.

Особенно же важно не подпускать к книгам бессовестных юнцов, которые, научившись начертанию букв, берутся, если дать им волю, за нелепое комментирование прекраснейших томов и заполняют каждое свободное место на полях чудовищными алфавитами; а если их воображению представится какой-нибудь другой вздор, то разнузданное перо немедленно ухватывается за возможность это нацарапать.

Такую пробу пера предпринимает каждый малограмотный латинист, со-

piunt fieri glossatores incongrui, et ubi largiorem marginem circa textum perspexerint, monstruosis apparitant alphabetis; vel aliud frivolum quaecumque quod imaginationi occurrit celerius, incastigatus calamus protinus exarare praesumit. Ibi latinista, ibi sophista, ibi quilibet scriba indoctus aptitudinem pennae probat, quoad usum et pretium, creberrime vadimus obfuisse. //

116

Sunt iterum fures quidam libros enormiter detruncantes, qui pro epistolarum chartulis schedulas laterales abscindunt, littera sola salva; vel finalia folia, quae ad libri custodiam dimittuntur, ad varios abusos assumunt. Quod genus sacrilegii, sub interminatione anathematis, prohiberi deberet.

Convenit autem prorsus scholarium honestati ut, quoties ad Studium a refectione reditur, praecedat omnino lo-

фист, писец, и мы часто видели, как обезображены и обесценены этим
116 превосходнейшие кодексы. /

Есть и такие книжные воры, которые увечат книги, отрезая с целью использования в качестве материала для своих писем боковые поля вплоть до самого текста или вырезая для различных надобностей свободные от текста листы, оставляемые в конце книги для ее сохранности. Этот род святотатства следовало бы воспретить под страхом анафемы.

Непременное требование к добрым нравам школяров состоит в том, чтобы при каждом переходе от трапезы к учению лекции предшествовало омоение рук: пальцы, засаленные едой, не должны ни перелистывать книгу, ни размыкать ее застежку. Плачущего младенца нельзя утешать, показывая ему разукрашенные заглавные буквы,

tio lectionem, nec digitus sagimine delibutus aut folia prius volvat aut signacula libri solvat. Puerulus lacrimosus capitalium litterarum non admiretur imagines, ne manu fluida polluat

чтобы он не запачкал пергамент мокрыми ручонками: ведь он сразу же станет трогать все, что увидит.

Далее, люди, которые смотрят на лежащую перед ними в опрокинутом положении книгу с тем же равнодушием, с каким и в развернутую перед ними надлежащим образом, вовсе недостойны какого-либо общения с книгами. Клирик должен следить и за тем, чтобы закопченный и пропахший кухонными горшками пономарь, не вымывшись, не касался книжной белизны, но чтобы только тот, кто без единого пятна² приближается к драгоценным книгам, участвовал в службе. Чистота рук школяров была
117 бы / одинаково полезна для них самих и для книг, и чесотка с прыщавостью перестала бы быть отличительным признаком духовенства. Порчу книг следует устранять сразу же, когда она

pergamenum; tangit enim ilico quidquid videt.

Porro laici, qui librum aequè respiciunt resupine transversum, sicut serie naturali expansum, omnium librorum communionè penitus sunt indigni. Hoc etiam clericus disponat, ut olens ab ollis lixa cinereus librorum lilia non contingat illotus, sed qui ingreditur sine macula pretiosis codicibus ministrabit.

117 Conferret autem // plurimum tam libris quam scholaribus manuum honestarum munditia, si non essent scabies et Pustulae characteres clericales. Librorum defectibus, quotiens advertuntur, est ocius occurrendum; quoniam nihil grandescit citius quam scissura, et fractura, quae ad tempus negligitur, reparabitur postea cum usura. De librorum armariis mundissime fabricandis, ubi ab omni laesione salventur securi, Moyses mitissimus informat Deuteronomii tricesimo primo.

будет замечена; ничто не растет так быстро, как разрыв, и прореху, не восстановленную своевременно, восстановить впоследствии будет гораздо труднее.

Моисей, среди всех людей кротчайший¹, в тридцать первой главе Второзакония дал нам наставление тщательно изготовить хранилище для книг, в котором они были бы надежно защищены от всякого повреждения. Возьмите, говорится здесь, эту книгу и положите ее рядом с ковчегом завета Господа Бога вашего. О место высокое и книгохранилище достойное, построенное из нетленного дерева Сетим², покрытое золотом по всей внутренней и наружной поверхности! А пример того, как должна быть исключена всякая небрежность в обращении с книгами, показал сам Спаситель, — по свидетельству Луки,

Tollite, inquit, librum istum et ponite
ilium in latere areae foederis Domini
Dei vestri. O locus idoneus et biblio-
theca conveniens, quae de lignis Setim
imputribilibus facta fuit, auroque per to-
tum interius et exterius circumtecta!
Sed omnem inhonestatis negligentiam
circa libros tractandos suo Salvator
exclusif exemplo, sicut legitur Licae
quarto. Cum enim scripturam propheti-
cam de se scriptam in libro tradito
perlegisset, non prius librum ministro
restituit quam eundem suis sacratissi-
mis manibus plicuisset. Quo facto stu-
118 dentes // docentur clarissime, circa lib-
rorum custodiam, quantumcunque mini-
ma neglegi non debere.

глава четвертая ³; прочитав в поданной ему книге пророчество о себе, он не ранее вернул книгу прислужнику, чем закрыл ее своими святейшими 118 руками. Это ясно показывает / студентам, что нельзя допускать и малейшей небрежности в обращении с книгами.

Capitulum Octavumdecimum
**QUOD TANTAM LIBRORUM
COLLEGIMUS COPIAM
AD COMMUNEM PROFECTUM
SCHOLARIUM ET NON SOLUM AD
PROPRIAM VOLUPTATEM**

Nihil iniquius in humanis perpenditur, quam quod ea quae geruntur justissime malignorum obloquiis pervertuntur, et inde quis reportat infamiam criminis, unde magis meruit spem honoris. Oculo simplici perpetrantur quam plurima, nec sinistra dextrae se commiscet, nullo fermento massa corrumpitur, neque vestis ex lino lanaque contexitur; perversorum tamen praestigiis, opus pium mendaciter transformatur in monstrum. Haec est nimirum peccatricis naturae reprobanda condicio, quod non solum in factis moraliter dubiis pro pejori parte sententiat; immo frequenter illa,

Глава восемнадцатая

**О ТОМ, ЧТО МЫ СОСТАВИЛИ
СТОЛЬ БОГАТОЕ СОБРАНИЕ КНИГ
ДЛЯ ОБЩЕЙ ПОЛЬЗЫ УЧЕНИЯ,
А НЕ ТОЛЬКО
ДЛЯ СОБСТВЕННОГО
УДОВОЛЬСТВИЯ**

Нет на свете ничего более несправедливого, чем извращать злокозненными толкованиями самые благонамеренные действия и навлекать бесславие на тех, кто вправе был надеяться, что совершенное им заслуживает почетного одобрения. Многие дела совершаются с чистым оком¹, правая рука не знает, что сделала левая², никакой закваской не затронуты опресноки³, не ткется одежда из шерсти и льна вместе⁴; но коварство низких людей лживо преобразует благочестивое деяние в нечто чудовищное. Такова зловредность грешной природы, что

119 quae // speciem boni habent, nequitiosa subversione depravat. Quamvis enim amor librorum in clerico ex objecti natura praeferat honestatem, miro tamen modo obnoxios nos effecit iudiciis plurimorum; quorum admirationibus obtrectati, nunc de curiositate superflua, nunc de cupiditate in illa duntaxat materia, nunc de vanitatis apparentia, nunc de voluptatis intemperantia circa litteras notabamur; quorum revera vituperiis non plus quam canicularum latratibus movebamur, illi — us solius testimonio contentati, ad quem renes et corda pertinet perscrutari. Cum enim voluntatis secretae finalis intentio homines lateat unicoque Deo pateat, cordium inspectori, perniciosae temeritatis merentur redargui, qui humanis actibus, quorum fontale non vident principium, epigramma tam faciliter superscribunt sinistrum. Finis enim se

она не только в делах морально сом-
нительных истолковывает их в худ-
119 шем смысле, но часто/злостно из-
вращает и то, что представляется
вполне правильным. Так, хотя лю-
бовь к книгам у клирика оправдана
самой природой объекта, однако она
удивительным образом вменяется
нам в вину в суждении весьма мно-
гих: вызывая у них неодобрительное
удивление, мы подвергались их упре-
кам то в излишнем любопытстве, то
в жадности, по крайней мере — к это-
му предмету, то в тщеславии, то в
неумеренной страсти к литературе;
правда, на их попреки мы обращали
внимание не больше, чем на щеня-
чий лай, довольствуясь единым сви-
детельством того, чьему суждению
подлежат сердца и чресла¹. Ибо тай-
на последней направленности чело-
веческой воли скрыта от людей и до-

habet in operabilibus, sicut principia in speculativis, vel suppositiones in mathematicis, teste philosophorum principe septimo Ethicorum. Quapropter sicut ex principiorum evidentia conclusionis Veritas declaratur; ita plerumque in agi-
120 bilibus, ex // honesti finis intentione, bonitas moralis in opere sigillatur; ubi alias opus ipsum judicari deberet indifferens, quoad mores.

Nos autem ab olim in praecordiis mentis nostrae propositum gessimus radicatum, quatenus opportunis temporibus exspectatis divinitus, aulam quandam, in reverenda universitate Oxoniensi omnium liberalium artium nutrice praecipua, in perpetuam eleemosynam fundarem necessariisque redditibus dotarem, quam numerosis scholaribus occupatam nostrorum librorum jocalibus ditarem, ut ipsi libri et singuli eorundem communes fierent, quantum

ступна только единому Богу, созерцателю сердец²; и повинны в гибельной опрометчивости те, кто с такой легкостью навешивает злостный ярлык на человеческие действия, не видя источника, из которого они проистекают. Действительно, целенаправленность имеет такое же значение в действиях, как исходные основания в спекулятивном познании или аксиомы в математике, по свидетельству главы философов в седьмой книге Этики³. И подобно тому как из очевидности первых оснований уясняется истинность заключения, так и в 120 практической области/достоинство конечной цели определяет моральную ценность действия, в тех случаях, когда действие само по себе должно было бы рассматриваться как безразличное в моральном отношении.

И вот мы с давних времен хранили

ad usum et Studium, non solum scholaribus aulae tactae sed per eos omnibus universitatis praedictae studentibus in aeternum, secundum formam et modum quem sequens Capitulum declara-

в глубине души затаенную цель, дождавшись посланных божьим изволением соответствующих обстоятельств, учредить в досточтимом Оксфордском университете, выдающемся питомнике всех благородных искусств, в качестве вечной благодетельницы некий семинарий, снабдив его постоянным доходом для содержания известного числа студентов и предоставив все сокровища нашего собрания книг на вечное время в распоряжение не только этих студентов, но через их посредство и всех студентов названного университета, с тем чтобы как все собрание, так и каждая книга в отдельности была в общем пользовании для научных целей, согласно уставу, о котором будет сказано в следующей главе. Поэтому искренняя любовь к науке и свойственная верующему христианину ревность о

bit. Quapropter sincerus amor studii
zelusque orthodoxae fidei ad aedifica-
tionem ecclesiae confirmandae pepere-
runt in nobis sollicitudinem hanc stu-
pendam nummicolis, ut collectos codices
undecunque venales, neglectis sumpti-
bus, emeremus et qui venundari non
debebant, transcribi honestius facere-

120 mus. //

Cum enim delectationes hominum ex
dispositione caelestium corporum, cui
mixtorum complexio frequenter oboe-
dit diversimode distinguantur; ut hi in
architectura, illi in agricultura, hi in ve-
nationibus, illi in navigationibus, hi
in bellis, illi in ludis eligant con-
versari; cecidit circa libros nostra
Mercurialis species voluptatis hones-
tae, quam ex rectae rationis arbit-
rio, cujus nulla sidera dominantur
imperio, in honoram ordinavimus ma-
jestatis supremae, ut unde mens nostra

зиждательстве церкви на твердом основании породили в нас эту непонятную для деньгопоклонников страсть покупать где только возможно книги, не взирая ни на какие издержки, а где покупка была невозможна — заказывать тщательно исполненные

121 списки /.

Пристрастия людей многообразно различаются в соответствии с расположением небесных тел, которому подчинена конституция всего составного¹, и поэтому одни люди предпочитают заниматься архитектурой, другие земледелием, те охотой, иные мореплаванием, эти войнами, те играми; нам выпала под аспектом Меркурия благородная страсть к книгам, которую и здравое суждение, не подчиненное никаким констелляциям, должно отнести к восхвалению Верховного Величия: то самое, в чем

tranquillitatem repperit requiei, inde devotissimus cresceret cultus Dei. Quamobrem desinant obtrectantes, sicut caeci de coloribus judicare, vespertilio-nes de luminibus disceptare non audeant, atque trabes gestantes in oculis propriis, alienas festucas eruere non praesumant. Cessent commentis satiricis sugillare quae nesciunt, et occulta discutere, quae humanis experiētiis non patescunt. Qui nos fortassis affectu commendassent benivolo, si ferarum venatui, alearumque lusui, dominarum ap-
122 plausui vacassemus. //

наш дух нашел отрадное успокоение, заставляет возрастать наше преклонение перед Богом.

Поэтому пусть прекратят свои нападки наши хулители, подобные слепым, судящим о красках, или летучим мышам, препирающимся о свете. Пусть не притязают извлекать соломинку из чужого глаза, оставляя бревно в своем собственном³. Пусть перестанут пятнать своими сатирическими выпадами то, чего они не понимают, и рассуждать о сокрытых вещах, недоступных человеческому опыту. Может быть они удостоили бы нас благосклонным отзывом, если бы мы посвятили свои досуги охоте, игре в кости или соисканию успехов у женщин.

Capitulum Nonumdecimum
**DE MODO COMMUNICANDI
STUDENTIBUS
OMNIBUS NOSTROS LIBROS**

Difficile semper fuit sic homines limitare legibus honestatis, quin astutia successorum terminos niteretur praecedentium transilire et statutas infringere regulas insolentia libertatis: quamobrem de prudentium consilio, certum modum praefiximus, per quem, ad utilitatem studentium, librorum nostrorum communicationem et usum volumus devenire. In primis enim libros omnes et singulos, de quibus catalogum fecimus specialem, concedimus et donamus, intuitu charitatis, comitati scholarium in aula N. Oxoniensi degentium, in perpetuam eleemosynam, pro anima nostra

О СПОСОБЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ НАШИХ КНИГ ВСЕМ СТУДЕНТАМ

Всегда было трудно так связать людей законами добропорядочности, чтобы в дальнейшем не нашлось хитрецов, способных обойти ранее установленные правила коварными уловками. Поэтому мы, по совету благоразумных людей, решили установить определенный порядок, который открыл бы студентам возможность пользоваться нашими книгами.

Во-первых, мы в ознаменование благоволения уступаем и приносим в дар наши книги, все в совокупности и каждую в отдельности, согласно специально составленному каталогу,

et parentum nostrorum, necnon pro
animabus illustrissimi regis Angliae
123 Eduardi Tertii post Conquestum, ac //
devotissimae dominae reginae Philippae
consortis ejusdem; ut iidem libri om-
nibus et singulis universitatis dictae vil-
lae scholaribus et magistris, tam regu-
laribus quam saecularibus commoden-
tur pro tempore, ad profectum et usum
studendi, juxta modum quem immedia-
te subjungimus, qui est talis.

Quinque de scholaribus in aula prae-
fata commorantibus assignentur per
ejusdem aulae magistrum, quibus omni-
um librorum custodia deputetur, de qui-
bus quinque personis tres, et nullatenus
pauciores, librum vel libros ad in-
spectionem et usum duntaxat studii va-
leant commodare: ad copiandum vero
vel transcribendum, nullum librum vo-
lumus extra saepta domus concedi. Igi-
tur cum scholaris quicumque saecula-

123 общине студентов, проживающих в помещении N Оксфордского университета, в качестве вечной милостыни за упокой души нашей и душ родителей наших, а также души многославного короля Англии Эдуарда Третьего (после Завоевания) ¹ и / благочестивейшей государыни королевы Филиппы, его супруги; с тем, чтобы всем и каждому из студентов и магистров названного университета, как клирику, так и мирянину, в целях успешных научных занятий, эти книги выдавались во временное пользование, согласно приводимому здесь порядку, который таков.

Магистр названной общины назначает пятерых студентов из ее состава, на которых возлагается хранение всех этих книг, а любые трое из этого числа, и отнюдь не менее, имеют полномочие выдать книгу или книги

ris vel religiosus, quos in praesenti favore ad paria judicamus, librum aliquem commodandum petiverit, considerent diligenter custodes an librum talem haberint duplicatum, et si sic, commo-ent ei librum cautione recepta, quae librum traditum in valore transcendat iudicio eorundem, fiatque statim tam de cautione quam de libro commodato memo // rialis scriptura continens nomina personarum, quae librum tradunt, et illius, qui recipit, cum die et anno Domini, quo continget fieri commodatum. Si vero custodes invenerint quod ille liber qui petitur duplicatus non fuerit, talem librum nullatenus commo-ent cuicunque nisi fuerit de comitiva scholarium dictae aulae, nisi forte ad inspectionem infra saepta domus vel aulae praedictae, sed non ad ulterius deferendum. Scholari vero cuilibet dictae aulae liber quicunque per tres de

на просмотр для учебных целей; предоставлять же какую-либо книгу для полного или частичного переписывания с выносом за стены дома мы не разрешаем. Поэтому, если кто-либо из студентов, светских или духовных, которых в этом случае мы считаем равно достойными нашей благосклонности, попросит выдать ему ту или иную книгу, то хранители тщательно проверяют, имеется ли дубликат этой книги, и если это так, то выдают ее, удерживая в залог книгу, которая по их суждению превосходит ценностью выдаваемую: и немедленно же делается памятная запись как о / выданной

124 книге, так и о принятой в залог, с поименованием выдающих и получающего и с указанием дня и года выдачи.

Если же хранители установят, что испрашиваемая книга дубликата не

praedictis custodibus valeat commodari, nomine tamen suo, cum die quo librum recipit primitus annotato. Nec tamen ipse possit librum sibi traditum alteri commodare, nisi de assensu trium de custodibus supradictis, et tunc deleto nomine primi, nomen secundi, cum tempore traditionis scribatur.

Ad haec omnia observandum, custodes singuli fidem praestent quando eis custodia hujusmodi deputatur. Recipientes autem librum vel libros, ibidem jurabunt, quod eum vel eos ad alium usum, nisi ad inspectionem et Studium, nullatenus applicabunt, quodque
125 ilium vel illos extra villam // Oxoniensem cum suburbio nec deferent nec deferri permittent.

Singulis autem annis, computum reddent praedicti custodes magistro domus et duobus, quos secum duxerit de suis scholaribus assumendos, vel si eidem

имеет, то она не подлежит выдаче никому, кроме как членам названной общины для просмотра, но без права выноса за стены дома. Студенту же этой общины трое из названных хранителей могут выдать любую книгу, но непременно с записью его имени и дня первой выдачи. Однако он не может передавать полученную книгу кому-нибудь другому иначе как с согласия троих из вышеназванных хранителей, а в последнем случае его имя вычеркивается из записи и туда вносится имя второго получателя с указанием дня передачи.

Каждый из хранителей, вступая в исполнение своих обязанностей, приносит клятвенное обещание соблюдать все эти правила. Получающие также обещают пользоваться ими только для учения и не выносить их за пределы города Оксфорда/и его

non vacaverit, tres deputet inspectores alios a custodibus, qui librorum catalogum perlegentes videant quod omnes habeant vel in voluminibus propriis vel saltem per cautiones praesentes. Ad

окрестностей, а также не разрешать это другим.

Названные хранители ежегодно дают отчет магистру общины и двум привлеченным им из числа его студентов, если же у него нет на это времени, то он назначает из числа членов общины, помимо хранителей, трех инспекторов, которые, читая каталог собрания, убеждаются, что все книги либо имеются налицо, либо представлены принятыми в залог в случае их выдачи. Удобным временем для этого отчета мы находим период от первого июня до праздника перенесения мощей священномученика Фомы.

Добавим к этому, что каждый получивший в пользование книгу должен раз в год предъявлять ее хранителям, причем может по желанию видеть и свою оставленную в залог. Далее, ес-

hunc autem computum persolvendum, tempus credimus opportunius a Kalendis Junii usque ad festum sequens translationis gloriosi martyris sancti Thomae.

Hoc autem adicimus, quod quilibet, cui liber aliquis fuerit commodatus, semel in anno librum praesentet custodibus et suam, si voluerit, videat cautionem. Porro si contingat fortuito per mortem, furtum, fraudem vel incuriam librum perdi, ille qui perdiderit, vel ejusdem procurator, seu etiam executor, pretium libri solvat et ejusdem recipiat cautionem. Quod si qualitercunque custodibus ipsis lucrum evenerit, in nihil // aliud quam in librorum reparationem et subsidium convertatur.

ли случится, что выданная книга пропала вследствие смерти получившего, покражи, обмана или небрежности, то утративший или его душеприказчик или представитель уплачивает стоимость книги и получает обратно книгу, оставленную в залог. А если каким-либо образом у хранителей образуется денежный излишек, то он должен быть обращен не на что-
126 либо / иное, как только на поддержание книг в исправном состоянии.

Capitulum Vicesimum

**EXHORTATIO SCHOLARUM
AD REPENDENDUM PRO NOBIS
SUFFRAGIA DEBITAE PIETATIS**

Tempus jam efflagitat terminare tractatum, quem de librorum amore compegimus; in quo contemporaneorum nostrorum admirationibus, de eo quod tantum libros dileximus, rationem reddere nisi sumus. Verum quia vix datur aliquid operari mortalibus quod nullius respergatur pulvere vanitatis, studiosum amorem, quem ita diuturnum ad libros habuimus, justificare penitus non audemus, quin fuerit forsitan nobis quandoque occasio alicujus negligentiae venialis, quamvis amoris materia sit honesta et intentio regulata. Si namque
127 cum // omnia fecerimus, servos nos inu-

Глава двадцатая

ОБРАЩЕНИЕ К УЧЕНЫМ С УВЕЩАНИЕМ ВОЗДАТЬ АВТОРУ ЗА ТРУД БЛАГОЧЕСТИВЫМ ПОМИНОВЕНИЕМ О НЕМ В СВОИХ МОЛИТВАХ

Пора уже подвести к концу составленный нами трактат, содержащий попытку ответить на недоумение, которое наша любовь к книгам вызывает у современников. Мы постарались дать разумное объяснение того, почему мы так любим книги. Но так как едва ли возможно какое-либо человеческое свершение, на котором не лежал бы некий налет тщеславия, то мы не решаемся полностью исключить в столь длительной усерднейшей любви, которую мы питали к книгам, наличие повода к некоей извинительной моральной небрежности, хотя пред-

tiles dicere teneamur; si Iob sanctissimus sua opera omnia verebatur; si juxta Isaiam, quasi pannus menstruae omnes justitiae nostrae; quis se de perfectione cujuscunque virtutis praesumet jactare, quin ex aliqua circumstantia valeat reprehendi, quae forsitan a se ipso non poterat deprehendi? Bonum enim ex integris causis, malum autem omnifarie sicut Dionysius De Divinis Nominibus nos informat.

Quamobrem in nostrarum iniquitatum remedium, quibus nos omnium Creatorem crebrius offendisse cognoscimus, orationum suffragia petituri, studentes nostros futuros dignum duximus exhortari, quatenus sic tam nobis quam aliis eorundem futuris benefactoribus fiant grati, quod beneficiorum nostrorum providentiam spiritalibus retributionibus recompensent. Vivamus in eorum memoriis funerati, qui in nostris

мет ее почтенен и общая направленность вызывает одобрение. Ибо если
127 сделав / все, что в наших силах, мы
тем не менее должны признать себя
негодными рабами¹, если благочестивейшему Иову внушают страх все
дела его², если, согласно Исаии, менструальной повязке подобны все приговоры нашей справедливости³, — то кто из притязающих на обладание какой-либо добродетелью будет свободен от изобличения в порочности, которой сам в себе не мог обнаружить? Ведь добро имеет определенное происхождение, а зло — многообразное, как говорит нам Дионисий в сочинении «О божественных именах»⁴.

Поэтому мы сочли уместным, зная, что мы неоднократно огорчали Всевышнего Творца своими погрешностями, во искупление таковых обра-

vixerunt benevolentis nondum nati
nostrisque nunc vivunt beneficiis sus-
tentati. Clementiam Redemptoris implo-
128 rent instantis indefessis, quatenus // ne-
gligentiis nostris parcat, peccatorum
nostrorum reatibus pius Judex indul-
geat, lapsus nostrae fragilitatis pallio
pietatis operiat, et offensas quas et
pudet et paenitet commisisse divina be-
nignitate remittat. Conservet in nobis,
ad sufficiens spatium paenitendi, sua-
rum munera gratiarum, fidei firmita-
tem, et ad omnes homines latissimam
charitatem. Flectat superbum arbitrium
ad culparum suarum lamentum, ut dep-
loret transactas elationes vanissimas et
retractet indignationes amarissimas ac
delectationes insanissimas detestetur.
Vigeat sua virtus in nobis, cum nost-
ra defecerit, et qui nostrum ingres-
sum sacro baptismate consecravit gra-
tuito, nostrum progressum ad statum

тяться к нашим будущим студентам с увещанием, если они чувствуют благодарность как к нам, так и к другим своим будущим добрым учителям, воздать нам за нашу добрую заботу благочестивым поминовением в своих молитвах. Пусть мы за гробом живем в памяти тех, которые еще до того как родились жили в нашем благоволении, а ныне живут в нашем благотворении. Пусть они неустанно взывают к милосердию Искупителя, да простит праведный Судия / наши слабости, да будет снисходителен к греховности наших поступков, да осенит покровом благочестия нашу шаткую немощность и отпустит в своей божественной благодати те ошибки, которые вызывают и стыд и досаду. Да сохранит он для нас на срок достаточный для покаяния дары своей милости, твердость веры, возвышен-

apostolicum sublimavit immerito, nostrum dignetur egressum sacramentis idoneis communire. Laxetur a nostro spiritu amor carnis, evanescat penitus metus mortis, desideret dissolvi et esse cum Christo, et in terris solo corpore constituti, cogitatione et aviditate in aeterna patria conversemur. Pater misericordiarum et Deus totius consolationis // filio prodigo de siliquis revertenti benignus occurrat, drachmam de novo repertam recipiat et in thesauros aeternos per angelos sanctos transmittat. Castiget vultu terrifico, exitus nostri hora, spiritus tenebrarum, ne latens in limine portae mortis Leviathan, serpens vetus, insidias improvisas calcaneo nostro paret. Cum vero ad terrendum tribunal fuerimus advocati, ut cuncta quae corpore gessimus attestante conscientia referamus, consideret humanitas juncta Deo effusi sui sancti sangui-

ность надежды и всеобъемлющую широту любви ко всем людям. Да побудит он наше высокомерное суждение сокрушаться о нашей виновности, оплакивать былые суетнейшие увлечения, отвергнуть свои самые ожесточенные озлобления и возненавидеть то, чем безрассудно наслаждался. Да возникнет в нас его добродетель, когда наша будет бессильна, и тот, кто милостиво освятил наше появление на свет святым крещением, кто возвысил нас, помимо наших заслуг, до апостольского сана, да удостоит и уход наш надлежащего священного сопровождения. Пусть освободится наш дух от приверженности к телу и полностью изгонит страх смерти, пусть возжелает отрешиться от тела и пребывать с Христом¹, и, находясь только телом на земле, мы помыслами и алканием будем общать-

nis pretium, et advertat divinitas humanata carnalis naturae figmentum, ut ibi transeat fragilitas impunita ubi Clemens pietas cernitur infinita, et ibi respiret spiritus miseri ubi exstat propri-

ся с вечной родиной. Тогда Отец милосердный и Бог всяческого утешения ² / благосклонно выйдет навстречу блудному сыну, возвращающемуся от своих рожков ¹, найдет потерянную драхму ² и через своих святых ангелов перешлет ее в вечную сокровищницу. Грозным ликом он в час нашего отхода устрашит духов тьмы, чтобы Левиафан ³, древний змий, сокрытый у порога смертных врат, не раскрыл непредвиденный капкан для нашей стопы. Когда же мы будем призваны перед страшный трибунал, чтобы по голосу совести исповедать все содеянное нами в телесном образе ⁴, пусть тогда человечность, облакающая Бога, вспомнит цену своей священной пролитой крови, а вочеловечившаяся божественность обратит взор на свойства телесной природы, чтобы прошла без-

um iudicis misereri. Amplius refugium spei nostrae post Deum, Virginem et reginam theotocon benedictam, nostri semper studentes salutationibus satagant frequentare devotis, uti qui per nostra facinora replicata meruimus iudicem invenire turbatum, per ipsius suffragia semper grata mereamur eundem reperire placatum. Deprimat pia manus brachium aequilire, qua nostra tam parva
130 quam // pauca merita pensabuntur, ne, quod absit, praeponderet gravitas criminum et nos damnandos deiciat in abyssum.

Clarissimum meritis confessorem Cuthbertum, cujus gregem indigni pasendum suscepimus, omni cultu studeant venerari devote, rogantes assidue ut suum licet indignum vicarium precibus excusare dignetur et quem successorem admisit in terris, procuret effici consessorem in caelis. Puris denique

наказанно хрупкость там, где видна
бесконечная благочестивая кротость,
и чтобы там нашел отдохновение дух
страдающего, где судье присуще со-
страдание. Пусть также наши сту-
денты неуклонно почитают набожны-
ми молитвами благословенную Деву
Богородицу. Пусть ее благодетель-
ная рука ляжет на ту чашу весов, ко-
130 торая содержит наши/малые и не-
многочисленные добрые заслуги, что-
бы, не дай Бог, ее не перевесила
тяжесть грехов, повергая нас в безд-
ну погибели.

Завещаю также всегда почитать
благочестивым поминанием много-
заслуженного исповедника преподоб-
ного Кутберта, чье папство нам,
недостойному, пришлось воспринять,
прося его усердно о том, чтобы он
упомянул в молитвах своего пусть не-
достойного преемника, и кому предо-

tam mentis quam corporis precibus ro-
gent Deum, ut spiritum ad imaginem
Trinitatis creatum, post praesentis mi-
seriae incolatum, ad suum reducat pri-
mordiale prototypum, ac ejusdem con-
cedat perpetuum fruibilis faciei con-
spectum. Amen. //

Explicit philobiblon
domini Ricardi de Aungervile
cognominati de Bury
quondam Episcopi Dunelmensis.
Completus

est autem tractatus iste in manerio
nostro de
Aukelande vicesimo quarto die
Januarii
anno Domini millesimo trecentesimo
quadragésimo quarto, aetatis nostrae
quinquagesimo octavo praecise
completo, pontificatus
vero nostri anno undecimo finiente
ad laudem Dei feliciter.
Amen.

ставил свое место на земле, тому испросил место рядом с собой на небе. Наконец, должны они, чистые духом и телом, молить Бога, чтобы он позволил духу, сотворенному по образу Троицы, после пребывания в сей юдоли скорби, вернуться к своему исходному прообразу и удостоиться вечного отрадного созерцания

131 Его лика. Аминь. /

Конец

трактата «О книголюбии» господина Ричарда де Онджервил по прозванию де Бери, бывшего епископа Даремского. Окончен в нашем имени в Окленде двадцать четвертого января в лето Господа тысяча триста сорок четвертое в день окончания пятьдесят восьмого года нашей жизни и близко к окончанию одиннадцатого года нашего епископства.

Во славу Божию

Аминь.

К ЛАТИНСКОМУ ТЕКСТУ

В предлагаемом здесь латинском тексте использовано фундаментальное издание принстонского профессора Уэста (Andrew Fleming West), Нью-Йорк, 1889, которое является результатом критического сопоставления четырех важнейших из числа сохранившихся рукописей издаваемого памятника:

А, рукопись R.8.F. XIV, Лондон, Британский музей;

В, рукопись Digby 147, Оксфорд, Бодлеянская библиотека;

С, рукопись 15168, Париж, Национальная библиотека;

Д, рукопись 3352^c, Париж, Национальная библиотека.

Пагинация Уэста воспроизведена на полях нашего издания.

Изменения, внесенные нами в текст Уэста, в основном состоят в более последовательном устранении средневековых написаний, в соответствии с орфографической нормой, принятой в нынешней типографской практике, в частности — в авторитетном научном издании Вульгаты (Hetzenaus, 1922). Помимо этого, в ряде случаев мы ввели в текст варианты рукописного предания, сообщаемые Уэстом в критическом аппарате. В нескольких местах, где доступное нам рукописное предание не давало удовлетворительного чтения, представилось необходимым прибегнуть к конъектуральным исправлениям текста.

VARIETAS

WEST

10	tertio et sexto
13	tandem
31	duplicibus
39	necessarius
41	Parisius
42	sacra
53	praeparationem
56	Socratis
56	endelechia
64	referebantur
64	foetibus
65	ea
66	Parisius
67	nequaquam
69	opere
81	Parisius
81	languescit
98	sigillatim
107	transcriptiones
107	propagationes
127	poterit

LECTIONIS

BOROVSKIJ

sexto et tertio *cum* ACD
collato Aristotele
tam *conjeci*
duplicitus *conjeci*
necessariis *correxi*
Parisiis *conjeci*
sacrae *cum* BCD
praeparatione
sacrae *cum* CD
entelechia
reserabantur *correxi*
faecibus *conjeci*
eis quae *conjeci*
Parisiis *conjeci*
nequiquam *conjeci*
ope *correxi ex* A
Parisios *conjeci*
languescet *correxi ex* D
singillatim
transcriptores *correxi ex* C
propagatores *conjeci*
poterat *correxi ex* B

ПРИМЕЧАНИЯ

- 9, 1. Пс. СХV, 3
10, 1. Аристотель (384—322 до н. э.) — знаменитый греческий философ, основоположник перипатетической школы философии.
10, 2. Этика VI 2, III 2—3
10, 3. Эпитет «семиобразный» (septiformis) восходит к библейской книге пророка Исаии, XI 2—3, где перечисляются семь даров, исходящих от божественного Духа.
10, 4. Пс. XXXVIII 4
10, 5. Дан. IV 24
11, 1. II Кор. III 5
11, 2. «Об утешении философией», I, 5
11, 3. Матф. V 15 и XXV 8
11, 4. Ис. XXXVII 27
12, 1. Апокал. III 12
12, 2. Иов VII 6
13, 1. Сарданапал (Ассурбанипал) — полубогендарный ассирийский царь (VII в. до н. э.)

- 13, 2. Последний царь Лидии (560—547 до н. э.)
- 13, 3. Экклезиастик LI 34
- 14, 1. Мы здесь сохранили в переводе греческий эпитет, этимологически соответствующий русскому слову «иступленный», но по смыслу приближающийся более к значению «самозабвенный». Этот эпитет восходит к сохранившемуся под именем Дионисия Ареопагита мистико-теологическому сочинению «О божественных именах», где говорится (IV 13): «Бывает и экстатической божественная любовь».
- 14, 2. Пс. LXII, 12
- 14, 3. Греческое φιλόβιβλος «книголюбивый» в субстантивированной форме среднего рода φιλόβιβλον может означать «книголюбие». Выводя отсюда название своего трактата, де Бери, очевидно, имел в виду форму род. п. множ. ч. φιλοβιβλων, приблизительно соответствующую морфологически типу греческих заглавий Γεωργικῶν, Αἰγυπτιακῶν и т. п.
- 16, 1. Притчи 21, 20
- 16, 2. Эта мысль восходит к началу «Ме-

тафизики» Аристотеля: «Все люди по природе своей стремятся к знанию». Воспроизводится она также в начале философского сочинения Данте «Пир» (ок. 1304—08 г.) и в первой главе «Компендия философского знания» Роджера Бэкона (1214—ок. 1294).

- 16, 3. Вся фразеология этого абзаца восходит к библейским мотивам: Премудрость С. VII 8—9; VIII 16; Эккл. XII 2
- 17, 1. Иак. I 17
- 17, 2. Экклезиастик XXIV; Притчи VIII 15
- 17, 3. Парафраза из Иоилия III 10
- 17, 4. Лука XIV 15
- 17, 5. Пс. XVIII 6
- 18, 1. Матф. VII 8
- 18, 2. Пс. CVI 3
- 18, 3. Филипп. II 10
- 18, 4. [Дионисий Ареопагит] (см. примеч. 14, 1 «О небесной иерархии»). Вероятно, это имя здесь названо по ошибке вместо Кратета, главы академической школы в 270—268 годах до н. э.
- 18, 5. Аристотель. Физика IV, 12: «Все разрушает время, все ветшает от времени».
- 18, 6.

- 18, 7. Александр Македонский (356—323) — создатель крупнейшей мировой монархии древности.
- 18, 8. Цезарь Г. Юлий (100—44) — выдающийся римский государственный деятель и писатель.
- 18, 9. Фабриций Г. — римский государственный деятель эпохи войны с эпирским царем Пирром (III в. до н. э.).
- 18, 10. Катон Перций М. — римский государственный деятель эпохи Пунических войн (III—II в.).
- 19, 1. Арабизированное название трактата греческого астронома Клавдия Птолемея (II в. н. э.).
- 19, 2. Фольклорный мотив, отраженный в неканонической книге III Эздры III, 3, 11—12. Ср. примеч. 24, 1.
- 19, 3. Боэтий (480—524) — греческий философ-христианин, автор сочинения «Об утешении философией».
- 20, 1. Аристотель. Метаф. I 1, 1.
- 21, 1. Лука VI 1
- 21, 2. Евр. IX 4
- 21, 3. Пс. CXI III 13
- 21, 4. Быт. II 9—10
- 21, 5. Быт. XXX 37—38
- 22, 1. Иис. Н. IV 7

- 22, 2. Суд. VII 16
- 22, 3. I Царь. XVII 40
- 22, 4. II Кор. X 4
- 22, 5. Эфес. VI 16
- 22, 6. Иерем. XI 16
- 22, 7. Песнь п. I 13
- 22, 8. Парафраза из Матф. XXI 19
- 22, 9. Лука XII 35
- 23, 1. М. Туллий Цицерон
- 23, 2. Греческий математик (III в. до н. э.).
- 24, 1. Восстановитель иерусалимского храма после возвращения евреев из вавилонского плена. III Эздр. IV 13—41. Ср. примеч. 19, 2.
- 24, 2. Сенека. Посл. IX 5, 9
- 25, 1. Матф. IV 4, 6, 7, 10
- 26, 1. См. примеч. 16, 2
- 26, 2. Матф. VII 6
- 28, 1. Арабский философ и врач XII в. н. э. «Закон природы» здесь надо понимать как «высшее совершенство в человеке», согласно цитате из Аверроэса у Роджера Бэкона (Op. maj. ч. II, гл. VIII).
- 28, 2. Греческий философ, глава платоновской Академии после смерти Платона (347—339).
- 28, 3. III 17 (у де Бери недосмотр).

- 30, 1. Матф. XII 34
- 30, 2. Аристотель. Исследования о животных IX 29
- 30, 3. Ис. XI, VIII 10
- 30, 4. Евр. V 13
- 31, 1. Грамматика составляла вводную часть так называемых «семи благородных искусств», входивших в систему схоластического образования и делившихся на две группы — пропедевтическую, так называемую *trivium* — «троепопутие», и завершительную — *quadrivium* «четверопопутие». Тривий состоял из грамматики, реторики и диалектики, квадрий — из музыки, арифметики, геометрии и астрономии.
- 31, 2. Под этим другом здесь подразумевается теология, возвышающаяся, таким образом, над тривиумом и квадрийем. Образ трех хлебов, знаменующий понимание Троицы, имеет источником: Лука XI 5—8.
- 31, 3. Постигание Бога как высшее благо (*summa felicitas*) — основное положение "Summa theologiae" Фомы Аквинского (XIII в.).

- 32, 1. Характерная парафраза: Евр. II 7 «немногим ниже ангелов».
- 32, 2. Евр. I 5
- 32, 3. Евр. VI 20; VII 1—2; 17, Быт. XIV 18—20
- 32, 4. I Кор. IV 2
- 32, 5. Матф. XXIII 7
- 33, 1. Филипп. II 15
- 33, 2. Пс. CIV 15
- 33, 3. По объяснению Уэста, «Пифагорова фигура» — буква Y, якобы изобретенная Пифагором. Более правдоподобно — чертеж в доказательстве общеизвестной Пифагоровой теоремы («Пифагоровы штаны»).
- 33, 4. I Цар. XXII 8
- 33, 5. Матф. XXVI 72
- 33, 6. Иоанн XIX 6; 12
- 34, 1. Пс. IX 15; CVI 18
- 34, 2. Здесь имеется в виду особое положение духовенства, так называемое *Privilegium clericale*, существовавшее в средневековом судопроизводстве.
- 35, 1. Иез. III 1—3
- 35, 2. Плиний. Естественная история, VIII 23
- 36, 1. Евр. XIII 12—13
- 36, 2. Пс. XC 13

- 37, 1. Приписывавшееся Феофрасту сочинение «О женитьбе» и посвященное той же теме сочинение некоего Валерия, где вопрос о совместности женитьбы с высокими духовными интересами получал отрицательное решение, пользовались широкой популярностью в средние века.
- 37, 2. Экклезиастик XXV 26: «Зловредность женщины превосходит всякую зловредность».
- 38, 1. Один Лазарь — нищий, покрытый язвами, Лука XVI 20, другой — мертвец, лежащий в гробу, Иоанн XI 39.
- 38, 2. Иов II 8
- 40, 1. *Martialis Cocus* — обычное в средние века обозначение, возникшее, вероятно, в связи с тем, что в стихах Марциала видное место занимает тематика обеденного уклада и вообще еды.
- 40, 2. Де Бери неточно понял смысл этой эпиграммы (I 38). Марциал высмеивает Фидентина не как издателя, а как декламатора стихов Марциала под видом своих.
- 41, 1. Согласно легендарному преданию, Карментис — мать аркадца Евандра,

за пятьдесят лет до Троянской войны выведшего в Италию колонию, основав ее на месте будущего Рима. Карментис было приписано приращение к латинскому языку греческого алфавита, изобретенного, по преданию, основателем Фив Кадмом, финикийцем по происхождению.

- 41, 2. Быт. XI 1—9
42, 1. Эккл. VII 27
42, 2. Пс. XI III 13; Второз. XXXII 31
43, 1. Пс. CX VIII 14
43, 2. Образы Марфы и Марии знаменуют жизнь деятельную и жизнь созерцательную (Лука, X, 38—42).
43, 3. Парафраза из Быт. XXX 1
44, 1. Амос VIII 11
44, 2. Исх. XXIX 2
44, 3. Песнь п. II 17
45, 1. Liber — одно из культовых имен Вакха, покровителя виноделия; в метонимическом употреблении это имя, звучащее сходно со словом Liber «книга» — на чем здесь основана игра слов, может означать «вино».
45, 2. Милетский поэт и композитор (IV в. до н. э.), чрезмерно патетический ха-

- рактер музыки которого вызвал осуждение со стороны городских властей.
- 46, 1. Намек на то, что многие монахи не без сожаления вспоминают о более привольной жизни до поступления в монастырь.
- 47, 1. В начальном обращении этой «жалобы» — широко развернутая подборка евангельских выражений и образов: Матф. V 3; Иаков II 5; Кор. IV 13; Матф. V 13; Матф. IV 19; Филипп IV 12; Лук. XXI 19
- 48, 1. Ис. XXXII 20
- 48, 2. Деяния VII 34
- 48, 3. Иез. XXXIII 11
- 48, 4. Ис. I, XII
- 48, 5. Пс. CXI, V 8
- 48, 6. Гал. VII
- 48, 7. Орден св. Доминика, учрежденный в 1215 г.
- 49, 1. Пс. XXXIX 18
- 49, 2. Имеются в виду такие апокрифы, как Вознесение Исаии, Откровение Илии, упоминаемые бл. Иеронимом (Против Руфина II 25, комментарии к Исаии LXIV 4—5).
- 50, 1. Письма 137, I, 3. Августин (354—

- 430) — христианский теолог и церковный деятель, автор многотомного трактата «О граде божьем».
- 50, 2. Члены нищенствующих монашеских орденов бенедиктинцы и францисканцы.
- 51, 1. Лука XII 24, 27
- 51, 2. Дан. XIV 32 — 38
- 51, 3. III Цар. XVII 4—6
- 51, 4. III Цар. XIX 4—8
- 51, 5. III Цар. XVII 9
- 51, 6. Пс. CXXXV 25, CXLIV 15
- 52, 1. Аристотель. «О небе», 15, 2: «Что в начале представлялось ничтожным, в своих последствиях оказывается весьма значительным».
- 52, 2. Второз. XXII 10
- 53, 1. Иов I 15
- 53, 2. Это место не получило до сих пор удовлетворительного объяснения «Грудю камней (acervus) Меркурия» пытались связать с пережиточным представлением римской религии о камне как знаке пребывания божества (West III, 115). Но как вывести отсюда определяемый контекстом смысл употребленного у де Бери вы-

ражения — «заниматься пустым делом» — остается неясным.

- 53, 3. Ис. LVI 10
53, 4. Иоанн IV 38
53, 5. Числа XXII 22—30
54, 1. II Тим. IV 13
54, 2. I Кор. IX 26
55, 1. Матф. XX 1—6
55, 2. Лука XVI 3—8
55, 3. Пс. LXVII 31
56, 1. Образ жизненных превратностей, вызываемых войной. Согласно мифу, Аполлон вскоре после своего рождения на острове Делосе прибывает в Дельфы и принимает в свое владение находящееся там прорицалище (χρηστηριου), убив своими стрелами охранявшего его змея Пифона.
56, 2. Первое упоминание о Phronesis (как матери Филологии) встречается в сочинении писателя-энциклопедиста V в. н. э. Марциана Капеллы «О свадьбе Меркурия и Филологии», II 27.
56, 3. Крылатый конь, родившийся из крови обезглавленной Персеем чудовищной Горгоны. От удара копытом Пегаса на горе Муз — Геликоне — воз-

- ник источник Иппокрена, считавшийся источником поэтического вдохновения. В позднеантичной и средневековой литературе сам Пегас часто принимается за образ поэзии.
- 56, 4. Часто встречающееся в буколической поэзии имя пастуха.
- 56, 5. Один из эпитетов Афины (как «Копьеметательницы») у Гомера.
- 56, 6. Образное наименование муз, по месту их культа — Пиерия, область в Македонии.
- 56, 7. Других следов какой-либо античной традиции, уясняющих этот эпизод, не сохранилось. Неясность увеличивается еще и колебанием в рукописях Philobiblon между чтением *sacrat*is (принятом нами) и *Socratis*. Как бы то ни было, можно предположить, что речь идет о рукописном наследии Аристотеля, пострадавшем во время военных действий.
- 56, 8. Лука XXII 53, Колос. I 13
- 56, 9. Вера в божественность Платона среди его учеников и современников засвидетельствована надписями на его гробнице, сообщаемыми Диогеном Лаэртием (II—III в. н. э.).

- 57, 1. Религиозно-философское общество, созданное Пифагором, имело ясно выраженную аристократическую направленность, и это вызывало враждебное отношение к нему народных масс, приведшее к восстанию, во время которого Пифагор погиб насильственной смертью.
- 57, 2. Ис. LIX 1; Наум II 7
- 57, 3. Ошибка де Бери: сообщающий этот эпизод Диоген Лаэртий (VIII 25) связывает его с именем не основателя стоической школы Зенона (IV в. до н. э.), а Зенона Элейского (V в. до н. э.), ученика Парменида.
- 57, 4. Согласно сообщению Авла Геллия, этот пожар произошел вследствие небрежного обращения с огнем вспомогательных войск Цезаря при занятии им Александрии после победы при Фарсале (Геллий говорит о первой, а не второй Александрийской войне).
- 57, 5. По общепринятой ныне нумерации — глава семнадцатая.
- 58, 1. Под потомством мифического Атланта, поддерживающего на плечах небесный свод, подразумевается, как

- показывает контекст, вся совокупность астрономических знаний.
- 58, 2. Апокал. XIV 5
- 58, 3. Суд. XI 30—40
- 58, 4. Агамемнон — герой «Илиады» Гомера, предводитель греческого воинства под Троей, отправляясь в поход, приносит свою дочь в жертву, чтобы умиловать препятствующую плаванию богиню Артемиду.
- 58, 5. Характерная попытка рационалистического объяснения мифа (ср. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», II 5, 11).
- 58, 6. Первым было самосожжение Геракла на горе Эте, к которому он прибежал, чтобы прекратить невыносимые мучения, причиненные ему хитомом, пропитанным кровью кентавра Несса (см. Аполлодор. «Мифологическая библиотека», II 5, 4; II 7, 6—7). Мысль де Бери, очевидно, заключается в том, что если первое сожжение прервало ряд подвигов Геракла, то сожжение книг должно было изгладить память и о тех подвигах, которые уже были им совершены.
- 58, 7. Согласно апокрифической библей-

- ской традиции, — четвертый сын патриарха Ноя.
- 58, 8. В образе служителя нечистых духов Зороастра отразился Заратуштра, легендарный основатель религии зороастризма, сложившейся на протяжении IX—III вв. до н. э. на обширной азиатской территории от Индии до малоазиатского побережья. Роджер Бэкон отождествляет Зороастра, изобретателя «магических искусств», с Хамом, сыном Ноя (Opus majus, ч. II, гл. 8).
- 59, 1. Экклезиастик XLIV 16
- 59, 2. Быт. II 21: Deus immisit ecstasim in Adam et obdormivit (Itala, доиеронимовский перевод Библии).
- 59, 3. Позднеантичный греческий мистический трактат натурфилософского содержания, сохранившийся в латинском переводе Апулея (II в. н. э.) под названием «Асклепий, или Диалог Гермеса Трижды-величайшего».
- 59, 4. Платон, «Тимей» 23d—25d
- 59, 5. III Цар. IV 33
- 59, 6. По поводу этого списка Уэст делает следующее справедливое замечание: Наш добрый епископ истреб-

- ляет в пламени александрийского пожара едва ли не все, что только он может назвать, заканчивая многозначительным «и бесконечное множество других научных тайн».
- 59, 7. Аристотель выражал сомнение в разрешимости задачи квадратуры круга: «...если только квадратура круга познаваема» (Категории V 18) и «...если площадь круга измерима» (Об уловках софистов XI 3). Де Бери, следовательно, повторяет разительную ошибку Роджера Бэкона: «Аристотель признается, что ему неизвестна квадратура круга, которая в наши дни найдена с достоверностью» (Opus majus, I 6).
- 60, 1. Аристотель обсуждает этот вопрос в сочинении «О небе» I и II 1.
- 60, 2. Теодорих (ок. 454—526) — король остготов, основатель остготского государства в Италии.
- 60, 3. Зах. XIII 7
- 60, 4. Пс. CVI 18
- 61, 1. Об увозе книг Ксерксом из Афин в Персию сообщает Авл Геллий, VII 17.
- 61, 2. Селевк I Никатор (р. ок. 358—354 —

- ум. 281 до н. э.) — основатель династии Селевкидов в так называемой второй Македонской империи в Малой Азии, первый из преемников Александра Македонского, провозгласивший себя царем.
- 61, 3. III Цар. VI 15—16; Быт. VI 14
- 62, 1. Т. е. «Царь небесный»: нередкое в христианской латыни средневековья использование античной фразеологии.
- 62, 2. Эккл. VIII 6
- 64, 1. Лука XVI 19
- 64, 2. Матф. XI 21
- 65, 1. Песнь п. VIII 7
- 66, 1. Гора, на которой был основан Иерусалим.
- 66, 2. Согласно геоцентрическому объяснению системы мироздания, планеты, включая сюда и Солнце, движутся по окружностям — так называемыми эпициклами, центры которых в свою очередь обращаются вокруг Земли как центра по поверхности воображаемых концентрических сфер. Ближайшая к Земле из этих сфер принадлежит Луне. Таким образом выражение «подлунный мир» равно-

- 66, 3. значно выражению «земной мир». В системе Птолемея — термины арабско-персидского происхождения, означающие, соответственно, апогей, т. е. точку наибольшего удаления планеты от Земли, и узел, т. е. точку пересечения орбиты данной планеты с эклиптической.
- 66, 4. По распространенному в средние века верованию, апостолу Павлу еще при жизни мистически раскрылись небесные тайны, которые он сообщил своему ученику Дионисию.
- 67, 1. См. примеч. 41, 1
- 67, 2. Притчи XX, 14
- 67, 3. Пс. CXXXII 1
- 67, 4. См. примеч. 110, 1
- 68, 1. Пс. XIII 2
- 69, 1. Пс. IX 10
- 69, 2. Пс. LXV 6
- 70, 1. II Кор. VIII 2
- 70, 2. Матф. XV 27
- 70, 3. Исх. XXV 30
- 70, 4. «Пища ангелов» — как образное обозначение философского знания — также у Данте, «Пир» I, 1
- 70, 5. III Цар. X, 10
- 71, 1. Притчи VI 6—8

- 71, 2. Исх. XXXI 2—5
- 71, 3. Исх. XXVI 1, 7, 14
- 71, 4. Матф. XIII 3
- 71, 5. I Кор. IX 9
- 71, 6. Иис. Н. VI 4—9
- 71, 7. Иов XXXVIII 31
- 71, 8. Суд. V 26. Сисара, — один из хананских царей, враждующих с Израилем.
- 71, 9. Матф. XX 6—7
- 72, 1. Под «табулированием», как предполагает Уэст, следует понимать составление указателей и тому подобных вспомогательных материалов.
- 73, 1. Конечно, здесь шуточная аллегория.
- 76, 1. Римский грамматик V—VI вв.
- 76, 2. Поэма неизвестного автора, ложно приписывавшаяся в средние века Овидию.
- 77, 1. Валерий Максим (I в. н. э.) — автор сборника историко-антикварных рассказов «Достопамятные дела и слова в девяти книгах», посвященного императору Тиберию.
- 77, 2. Греческий философ (214—129), основатель так называемой Новой (или Третьей) Академии.
- 77, 3. Греческий оратор (436—338), про-

- славившийся также как учитель красноречия.
- 77, 4. Здесь повторение ошибки Валерия Максима, VIII 7. Знаменитейшим произведением Исократы был так называемый «Панегирик» (т. е. «речь на всеэллинском собрании»), посвященный прославлению Афин и относящийся ко времени перед заключением второго афинского морского союза (380 г.), когда Исократу было 56 лет. К последним годам жизни Исократы относится другая его речь — так называемый «Панатенаик» (т. е. «речь на общеафинском собрании»), представляющая собой более слабую разработку той же темы.
- 77, 5. Симонид (559—469) — великий греческий поэт-лирик, особенно прославившийся в жанре эпиграмм (элегических надгробий).
- 77, 6. Римский писатель II в. н. э., оставивший воспоминания о своем обучении в Афинах — сборник «Аттические ночи».
- 78, 1. Архимед — великий греческий математик и механик (287—212).

- 79, 1. Присциан — автор фундаментального сочинения по латинской грамматике в 18 книгах «Грамматические наставления» (начало VI в. н. э.).
- 79, 2. Элий Донат (IV в. н. э.) — автор учебника, служившего основным пособием по латинской грамматике в средние века,
- 80, 1. Имеется в виду Моисей как основоположник библейского предания.
- 80, 2. Пс. XVII 12
- 80, 3. Мих. III 10
- 81, 1. Парафраза стиха из сборника «Дистихи Дионисия Катона», 1 12: *Rumores fuge ne incipias novus auctor haberi* «Слухов беги, да не будешь за них и сам ты в ответе»; в слово *auctor* де Бери вложил значение «автор», отсутствующее в оригинале.
- 81, 2. Книга Мудрости VIII, 1
- 81, 3. Рим. I 14
- 82, 1. Экклезиастик XXXIX 1
- 83, 1. Пс. XI 7
- 83, 2. Евр. II 7, 9
- 83, 3. Иоанн XXI 25
- 83, 4. В пагинации Беккера 993 в 11—14
- 83, 5. Иначе — Дигесты; название Корпуса гражданского права, составленного

- при императоре Юстиниане (529 и сл.).
- 83, 6. Название общераспространенного в средние века медицинского компендиума (от греческого τέχνη).
- 83, 7. Авиценна (латинизированная форма арабского имени Ибн Сина) — знаменитый средневековый (980—1037) философ, естествоиспытатель и врач. Автор обширного «Медицинского канона».
- 83, 8. См. примеч. 19, 1
- 84, 1. Суд. XIV 18
- 84, 2. Греческий поэт, попавший в Рим в 73 г. до н. э. и оказавший значительное влияние на римскую литературу, главным образом на элегическую поэзию.
- 84, 3. Саллюстий Крисп Г. (86 — ок. 35) — римский историк, автор книг «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война», а также сохранившейся только в отрывках «Истории», охватывавшей период 78—66 до н. э.
- 84, 4. Туллий — Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — знаменитый римский оратор, государственный деятель и писатель.

- 84, 5. Макробий (V в. н. э.) — латинский писатель, автор антикварно-энциклопедического сочинения «Сатурналии».
- 84, 6. Лактанций (IV в. н. э.) — христианский писатель, учитель риторики.
- 84, 7. Марциан Капелла (IV в. н. э.) — писатель-энциклопедист, автор сочинения «О бракосочетании Филологии и Меркурия».
- 84, 8. Иероним (331—420) — выдающийся церковный писатель, переводчик Библии на латинский язык.
- 84, 9. Амвросий Медиоланский (IV в. н. э.) — епископ, церковный писатель.
- 85, 1. (Папа Григорий I) письмо XI 74: «Не знаю по-гречески и никогда ничего на греческом языке не писал».
- 85, 2. 431 г. н. э.
- 86, 1. Иоанн XIX 23
- 86, 2. Пс. CXLVI 5
- 86, 3. Климент V (1263—1314) — римский папа (1305—1314).
- 87, 1. Лука XVI 8
- 87, 2. Лука XVI 8
- 87, 3. Иак. IV 4
- 88, 1. Ложно приписанное Аристотелю со-

чинение, из которого Уэст приводит относящуюся сюда выдержку по изданию Аристотеля в латинском переводе 1496 года: Эта наука по своей полезности может быть уподоблена скорпиону в фармакологии: хотя она и имеет ядовитое свойство, однако при назначении страдающему определенным недугом уменьшает боль и оказывает помощь.

- 89, 2. Лука XI 36
- 89, 3. Буквально «соблюдение», термин, введенный в латинскую теологическую литературу Августином и Иеронимом, приблизительно в значении «присущая душе способность моральной оценки».
- 89, 4. Аристотель. «Политика» II 5 (8), 14
- 90, 1. Вводимый здесь термин «геология» означает, таким образом, как это понятно, не «землеведение», а «земноведение», т. е. совокупность знаний, имеющих своим предметом «земное» в противопоставлении «божественному».
- 91, 1. Выражение, восходящее к сообщаемому неоплатоником Проклом (V в. н. э.) ответу Евклида царю Птоле-

- мею на просьбу указать кратчайший путь к постижению геометрии: «Нет царской тропы к геометрии».
- 92, 1. См. примеч. 16, 2
- 93, 1. «Этика» X 4, 8.
- 93, 2. «Наука поэзии» 333 и 343.
- 93, 3. Евклид (ок. 300 г. до н. э.) — знаменитый греческий математик, книга которого «Элементы» и донныне лежит в основе учебников элементарной геометрии.
- 93, 4. Уэст приводит объяснение, которое дает этому слову Роджер Бэкон: Пятое предложение геометрии Евклида носит прозвание *Elefuga*, что означает «бегство (*fuga*) несчастных»; ибо *elegia* греческое слово, которое по-латыни означает «несчастье».
- 94, 1. Иоанн VI 61
- 94, 2. Это типично библейское словосочетание (ср. Пс. LXXXVIII 23 и мн. др.), и весь эпизод, относящийся к «сыну непостоянства», восходит, как указано редактором лондонского издания *Philobiblon* 1888 года Э. Томасом, к повести XIII века "*De disciplina scholarium*" («О школьном учении»), герой кото-

рой, потерпев неудачу во всех своих попытках найти жизненное призвание, восклицает: Несчастный я человек! Если бы только я мог сбросить с себя человеческий образ и облечься в ослиный!

- 94, 3. См. примеч. 18, 5
- 94, 4. В сохранившихся сочинениях Кассиодора (писатель-энциклопедист V в. н. э.) приводимое здесь место не найдено.
- 95, 1. Сидений Апполинарий (ок. нач. 30-х гг. V в. — 483) — галло-римский писатель, автор 24 стихотворений и 9 книг писем.
- 95, 2. Церковный писатель VII—VIII вв.
- 95, 3. Ис. Н. XXIII 12
- 95, 4. Поговорочное выражение, восходящее к басням Эзопа («Зайцы и Лягушки», № 138)
- 96, 1. Энний Кв. (239—169) — один из первых латинских поэтов, усвоивший отечественной литературе дактилический гекзаметр.
- 96, 2. «Метафизика» I: де Бери приводит одну из основных мыслей этой главы в свободном изложении.
- 97, 1. Во вступительной главе его сочине-

- ния «Об утешительности философии».
- 97, 2. Авл Геллий сообщает относящееся сюда письмо Филиппа (IX 3): Филипп Аристотелю шлет привет. Сообщаю тебе, что у меня родился сын. И не так благодарен я богам за само это событие как за то, что родился он при твоей жизни. Ибо надеюсь, что воспитанный тобою, он будет достоин и нас и преемственности в управлении государством.
- 98, 1. Овидий, «Метаморфозы» II 328
- 98, 2. Солсберийский Иоанн (р. ок. 1120—ум. ок. 1180) английский богослов, автор политических трактатов. В упоминаемом здесь трактате развивал мысль о главенстве духовной власти над светской.
- 99, 1. Пегасов источник — согласно мифу (Овидий. «Метаморфозы», V 262 сл.), Иппокрена — источник, возникший на горе Муз Геликоне при ударе копыта крылатого коня Пегаса.
- 99, 2. Квинтилиан, X 1, 32
- 99, 3. Иерем. I, 6
- 100, 1. Книга Мудрости VII, 12
- 100, 2. Овидий, «Средства от любви» 139

- 100, 3. IX. 64 E — 65 A
- 100, 4. Письма 125, 11
- 100, 5. Ксенократ (396—314) — греческий философ, глава древней Академии.
- 100, 6. Валерий Максим IV 3. Ext. 3
- 100, 7. Ориген (ок. 185—254) — раннехристианский богослов и философ, пытавшийся использовать античную философию, главным образом систему Платона, для обоснования христианских догматов.
- 101, 1. Здесь отражено вульгарное представление об эпикуреизме как о философии людей, всецело предающихся жизненным наслаждениям. В известной мере содействовал возникновению этого представления уже Гораций, в шутку назвав себя упитанным поросенком из стада Эпикура (Послания I 4, 16)
- 101, 2. Матф. VI 24
- 102, 1. Эта этимология не получает подтверждения в современной науке, сближающей греческое *δαίμων* с корнем глагола *δαίωμαι* «распределять»
- 102, 2. II Кор. XI 14
- 102, 3. I Кор. XIII 4; I Кор. VIII 1

- 103, 1. Рим. IV 17
- 103, 2. О Юноне как властительнице воздуха см. 34.
- 104, 1. Как надо здесь понимать выражение «отдельные субстанции», уясняется из следующего места «Общей теологии» (*Summa Theologiae*) Фомы Аквинского: «В некоторых книгах, переведенных с арабского, отдельные субстанции (*substantiae separatae*), которые мы называем ангелами, именуются интеллектами (*intelligentiae*)» (ч. I, вопр. LXXIX, гл. X). О «познании отдельных субстанций, то есть ангелов» говорится и в другом месте того же сочинения, ч. II, вопр. III, гл. VII. Данте также упоминает «отдельные субстанции, которые простой народ (*la volgare gente*) называет ангелами» («Пир», II 5).
- 104, 2. См. предыдущее примечание.
- 104, 3. «Письма к Луцилию» LXXXII 3
- 104, 4. Тертуллиан (прибл. 160—220) — церковный писатель, первый из христианских авторов, писавших на латинском языке.
- 106, 1. Эккл. XII 12

- 107, 1. Второз. XXV 5
 107, 2. Экклезиастик XXX 4
 107, 3. Кассиодор (ок. 437—578) — министр при остготском короле Теодорихе, богослов, историк, организатор монастырских скрипториев.
- 108, 1. I Кор. I 24
 108, 2. Рим. XIV 11
 108, 3. Пс. LXVIII 29; Исх. XXXII 32
 108, 4. Исх. XXXI 18
- 109, 1. Иов XXXI 35
 109, 2. Навуходоносор здесь назван ошибочно: в указанном месте Даниила говорится о царе Валтасаре.
- 109, 3. Исаия XXX 8
 109, 4. Второз. XXVII 8
 109, 5. Апокал. XIX 16
 109, 6. Дан. XII 3
- 110, 1. Здесь это слово употреблено в том смысле, какой оно имело до разделения церквей (1054), т. е. «всеобщий, вселенский». Имеются в виду вообще христианские вероучители.
- 110, 2. Флавий Иосиф. «Иудейские древности» I 3, 9. Так здесь определяется длительность так называемого «великого года», т. е. такого периода, по истечении которого расположение

светил на небесной сфере в силу их круговращения оказывается в исходном состоянии.

- 110, 3. Экклезиастик XXXVIII 24: *sapientia scribae in tempore vacuitatis* — «мудрость писца в благовремении досуга». В средневековой орфографии эта фраза легко могла быть прочтена так, как ее воспроизвел де Бери (см. латинский текст), что и привело к нарушению смысла.
- 112, 1. «Божественный Юлий» 56; «Божественный Август» 84—85; «Тиберий» 70; «Божественный Клавдий» 41 — 42; «Божественный Тит» 3.
- 113, 1. Исх. XXXII 9
- 114, 1. Песнь п. II 11 — 12
- 116, 1. Апокал. V 2
- 116, 2. Пс. XIV 2
- 117, 1. Числа XII 3
- 117, 2. Исх. XXV 10
- 117, 3. Лука IV 20
- 118, 1. Матф. VI 22
- 118, 2. Матф. VI 3
- 118, 3. I Кор. V 6—9; Гал. V 9
- 118, 4. Второз. XXII 11
- 119, 1. Пс. VII 10
- 119, 2. Притчи XXIV 12

- 119, 3. Аристотель «Этика» VII 8, 4
- 121, 1. Астрономическая теория, господствовавшая в средневековых воззрениях. О соединениях планет, определяющих конституцию человека, говорит в своих сочинениях и Роджер Бэкон.
- 121, 2. «Меркуриальным человеком» называет себя уже римский поэт Гораций, «Стихотворения» II 17, 29.
- 121, 3. Матф. VII 3—5
- 122, 1. После захвата королевской власти в Англии нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем (1066).
- 127, 1. Лука XVII 10
- 127, 2. Иов X 28
- 127, 3. Ис. LXIV 6
- 127, 4. [Дионисий Ареопагит] «О божественных именах» IV 30. Мысль эта неоднократно высказывалась уже в древности. Аристотель приписывает ее пифагорейцам («Этика» II 5—6).
- 128, 1. Филипп. I 23
- 128, 2. II Кор. I 3
- 129, 1. Лука XV 16
- 129, 2. Лука XV 8—9
- 129, 3. Ис. XXVII 1
- 129, 4. II Кор. V 10

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Амос* — Пророчество Амоса
Апокал. — Апокалипсис Иоанна Бого-
слова
Быт. — Книга Бытия
Второз. — Книга Второзакония
Дан. — Пророчество Даниила
Деяния — Деяния апостолов
Евр. — Послание к евреям
Зах. — Пророчество Захарии
Иак. — Послание Иакова
Иез. — Пророчество Иезекииля
Иерем. — Пророчество Иеремии
Иис. Н. — Книга Иисуса Навина
Иоанн — Евангелие от Иоанна
Иов — книга Иова
Ис. — Пророчество Исаии
Исх. — книга Исхада
Кор. — Послание к коринфянам
(I, II)
Лука — Евангелие от Луки
Матф. — Евангелие от Матфея
Мих. — Пророчество Михея

- Песнь п.* — Песнь песней Соломона
Притчи — Притчи Соломоновы
Пс. — Псалмы
Рим. — Послание к римлянам
Суд. — книга Судей
Тим. — Послание к Тимофею (I,
II)
Филипп. — Послание к филиппийцам
Цар. — книга Царств (I, II, III,
IV)
Числа — книга Чисел
Экл. — книга Экклезиаста
Экклезиастик — книга Иисуса сына Сир-
хова
Эфес. — Послание к эфесянам

РИЧАРД ДЕ БЕРИ И ЕГО КНИГА

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный», — говорит поэт о своих сочинениях, плодах любимых дум, воплощенных в его книгах. В них он обращается не только к своим современникам, но также и к читателям необозримого грядущего, к людям, среди которых его слава сохранится навеки. Книга — овеществленная мысль, часть духовного мира ее создателя, и тем самым она — нечто, вызывающее к себе со стороны человека личное, эмоциональное отношение. Понятно поэтому, что книголюбие не могло не возникнуть уже при самом появлении книг, т. е. в древнейшую эпоху письменности, а вместе с ним родилось и книжное со-

бирательство. Описывая величественный дворец легендарного египетского царя Осиамандия, греческий историк Диодор упоминает «священную библиотеку», над входом в которую была надпись: «Врачевание души». Книга — памятник человеческого духа, книга — врачеватель, книга — учитель, книга — верный друг: эти мотивы неизменно возникают в литературах всех стран древнего и нового времени *.

Первой в европейской литературе работой, специально посвященной книголюбию, является предлагаемый здесь в оригинале и русском переводе трактат английского епископа Ричарда де Бери.

Ричард д'Онджервил (d'Aungerville, с орфографическими колебаниями в рукописной традиции) — литературное прозвание де Бери он

* Ср.: Шляпкин И. А. Похвала книге. Пг., 1917.

получил впоследствии по месту рождения — городок Бери в английском графстве Суффолк — родился в 1287 году в аристократическом семействе, генеалогия которого восходила к норманнским завоевателям. Он рано лишился отца, и его воспитанием руководил высокопоставленный дядя с материнской стороны, который заметил одаренность мальчика и по окончании им грамматической школы определил его в Оксфордский университет. Курс университета де Бери окончил с блестящим успехом. Еще будучи студентом, он привлек к себе благосклонное внимание короля Эдуарда II, и в ближайшие годы после рождения престолонаследника (1312) был привлечен к его воспитанию. К тому же времени относится вступление Ричарда де Бери в монашеский орден бенедиктинцев в Дареме. Помимо своих воспитательских обязанностей, он занимал последовательно ряд придворных должно-

стей, а в 1322 году получил пост главного королевского казначея в Гасконской провинции, которая тогда входила в британские владения.

Эпоха правления Эдуарда II характеризовалась упорной борьбой короля, стремившегося к укреплению единодержавной власти с сопротивляющейся этому группировкой феодалов. Личные связи привели супругу Эдуарда королеву Изабеллу в лагерь феодальной оппозиции, и в 1325 году она отбыла к своему брату французскому королю Карлу Красивому, чтобы подготовить дворцовый переворот в Англии. Ричард де Бери оказывал королеве необходимую денежную поддержку, используя средства, которыми он располагал в качестве королевского казначея в Гасконии. 14 января 1327 года заговор получил завершение: Эдуард II был низложен, и королевский престол перешел к его сыну, юному Эдуарду III.

В правление Эдуарда III, сохранившего чувства уважения и привязанности к своему учителю и оказывавшего ему всяческое покровительство, перед де Бери раскрывается еще более широкое поле деятельности в области гражданской и церковной жизни. Неоднократно он отправляется с дипломатическими поручениями к папскому престолу в Авиньон. В одну из таких поездок произошла его встреча с молодым Петраркой, который оставил интересную запись о ней в своих «Частных письмах» *. Гость с далекой островной окраины просвещенного мира, значительно отставшей от романизованных стран Европейского континента в культурном отношении, произвел на итальянского поэта впечатление «человека кипучих дарований и отнюдь не лишнего образованности». Разговор

* "Epistolae de rebus familiaribus", III, I, письмо к Томмазо Калория.

шел о предмете, самом близком интересам обоих собеседников, — толковании античных авторов. Петрарка задал гостю вопрос, известно ли тому, как северному жителю, что-либо положительное об упоминаемом в «Георгиках» Вергилия расположенном на крайнем севере острове Фуле. Де Бери обещал по возвращении в Англию собрать такие сведения и прислать свой ответ в письменном виде, но обещание это, к огорчению Петрарки, осталось неисполненным.

В 1333 году, когда стала вакантной епископская кафедра в Дареме, король отклонил кандидатуру, выдвинутую местным клиром, и предоставил этот пост Ричарду де Бери, который и получил необходимое посвящение от архиепископа Кентерберийского. В феврале 1334 года де Бери занял также пост лорда казначея, а позднее в том же году возвысился до положения лорда канц-

лера. В скором времени он сложил с себя эту должность, но продолжал принимать деятельное участие в государственных делах, выезжая с дипломатическими миссиями во Францию, Нидерланды, к папской курии в Авиньон. Видная роль принадлежала ему в нормализации взаимоотношений с Шотландией. В 1342 году он по поручению короля ведет переговоры в связи со вторжением шотландских войск на английскую территорию и добивается их отвода с заключением перемирия.

С 1343 года де Бери отходит от государственной деятельности и ограничивается делами своей епархии, а досуги отдает любимым книгам и беседам с друзьями. Из хроники Даремского аббатства * мы узнаем име-

* *Historiae Dunelmensis scriptores tres, Gaufridus de Coldingham, Robertus de Graystones et willielmus de Chambre.* London and Edinburgh, 1839.

на многих из этих друзей. Среди них — учившийся одновременно с де Бери в Оксфордском университете выдающийся математик Томас Брэдуордайн, в дальнейшем архиепископ Кентерберийский; другой его товарищ по Оксфорду — Ричард Фицралф, энергично выступавший наряду с де Бери против падения нравов среди нищенствующего монашества; красноречивый проповедник Роберт Олкот, которому в некоторых из дошедших до нас рукописях *Philobiblon* приписывается авторство этого произведения. Безоговорочно принять такую атрибуцию препятствует глубоко личный тон, в котором ведется изложение. Но если учесть, что работа над созданием *Philobiblon* относится, как прямо указано в конце трактата, к последним годам жизни де Бери, когда он был, по свидетельству упомянутой хроники, «изнурен длительным недомоганием» (*longa infirmitate de-*

coctus), то приходится признать вполне правдоподобным, что при окончательной обработке этого весьма тщательно стилизованного произведения де Бери пользовался помощью своего красноречивого друга.

Приступая к прологу трактата с заимствованным у древнего псалмопевца молитвенным возгласом: «Чем воздам Господу за все благодеяния его ко мне?», де Бери раскрывает благочестивую направленность своего замысла. Похвалу книге как орудию умственного и нравственного совершенствования человека, содействие сохранению, умножению и распространению книг он рассматривает как дело богоугодное, достойное того, чтобы отдаться этому всецело (14). Тем самым трактат содержал убедительный ответ недоброжелателям де Бери, усматривавшим в его неутолимой страсти к собиранию книжных сокровищ стяжательство, неподобающее носителю высокого свя-

ценнослужительского сана. В первой и второй главах развита мысль о том, что ценность книги как носительницы истины превышает не только любую материальную ценность, но и ценность друга.

Отсюда с очевидностью вытекает ответ на практический вопрос, поставленный в третьей главе: никакая цена не должна удерживать человека от покупки книги, если у него достаточно денег для уплаты. Приводятся исторические примеры крупных сумм, выплаченных за философские книги, а также известный, сообщаемый Авлом Геллием, легендарный рассказ о покупке римским царем Тарквинием Гордым так называемых Сивиллиных книг.

Этот последний пример, говорится в заключение главы, яснее всего показывает, что священные книги, сосуды мудрости, превосходят всякую человеческую оценку, и к ним применимо то, что сказал о царстве

небесном святой Григорий: «Цена его все, чем ты владеешь».

Яркая эмоциональность глав с четвертой по седьмую, направленных против всего, что враждебно книгам, усилена своеобразной формой изложения: оно ведется от лица самих книг, которые выступают здесь с обвинительной речью.

Их первое слово обращено против недостойных клириков, которые, будучи всецело обязаны своим высоким положением книгам, вскормившим их от младенчества млеком истины, не только не воздают им долга признательности надлежащим образом жизни, но и проявляют к ним прямое пренебрежение. Они лишают книги необходимого ухода, изгоняют из предназначенных им жилищ ради потворствования собственной распушенности, и наконец — подрывают их добрую славу распространением искажающих смысл неисправных списков.

Другая жалоба книг, также касающаяся их переписывания, направлена против владетельных монастырей, в которых избыток материальных благ привел к упадку достоинства духовного, к забвению монашеского устава и благородного искусства переписывания книг.

Жалуются книги и на нищенствующих монахов: избрав по собственному благочестивому решению такую жизнь, какую Христос заповедал словом и примером, они должны были бы отдавать все свои заботы проповедованию веры Христовой, заключенной яснее всего в книгах, и следовательно, должны быть ревнителями книг преимущественно перед прочими христианами. Между тем ныне они отворачиваются от завещанной отцами службы книгам чрезмерной заботой о брюхе, одежде и жилье; «А мы, — говорят книги, — которые, содействуя их образованию, довели их до почетных мест среди властителей и знат-

ных, далеки от их сердца и считаемся чем-то едва ли не излишним».

Особенно горестна жалоба книг на войны, которые для них губительнее всякой моровой язвы. Глава начинается и заканчивается молитвенным обрамлением: «Всевышний основоположник и покровитель мира, рассей племена, желающие войн... Да укрепит властитель Олимпа, всевышний устроитель вселенной, мир, да устранил войны». Содержание главы составляет нескончаемый перечень тяжких потерь, понесенных книгами от войн на протяжении веков. При этом историческая реальность причудливо перемежается с чистыми домыслами. Светлое пятно на общем мрачном фоне — картина ликующей встречи возвращаемых сирийским царем Селевком на родину в Афины книг, некогда увезенных Ксерксом в Персию.

Особый интерес представляет автобиографическая восьмая глава —

«О различных возможностях, использованных нами в приобретении книг». Простодушно указывает де Бери на свое высокое положение в церковной иерархии, и не только в том смысле, что оно открывало ему доступ к исследованию библиотек, как монастырских, так и прочих. «Крылатая молва, говорится здесь, прославила нашу страсть, и повсюду стало известно, что наше расположение можно приобрести скорее книгами, чем деньгами, а так как милостями государя мы могли и покровительствовать и противодействовать и знатным и незнатным, то к нам стали притекать в качестве гостинцев и подношений, подарков и благодарностей загрязненные тетради и потрепанные томы, несмотря на такую внешность любезные нашим взорам и сердцу». Нельзя, однако, не отметить, что за этим признанием следует несколько наивная, но все же многозначительная оговорка: «Оказывая

покровительство делам дарителей, мы стремились к тому, чтобы и правосудие не потерпело никакого ущерба».

Упоминание о поездках с дипломатическими поручениями приводит де Бери к особой теме, сообщающей его красноречию высокий патетический подъем, — это восхваление Парижа: «Какой поток радости наполнял наше сердце всякий раз, когда нам доводилось побывать в Париже, этом земном раю: сколько бы дней мы там ни провели, все казалось мало, такова была сила нашей любви». Но в основе этой любви — та же всецело владеющая помыслами и чувствами де Бери любовь к книгам: там, в Париже, он нашел прекрасные библиотеки, «аромат которых превыше любых благовоний»; там и зеленеющая теплица всевозможных томов, которые можно приобрести в собственность. «Вот где мы, — заключает он свою восторженную хвалу, — с

легким сердцем развязали ремешок кошелька и расточили все свои средства, выкупая неоценимые книги из грязи и пыли».

Еще более красочные выражения, почерпнутые из библейской фразеологии, находит де Бери, рассказывая о тех книжных приобретениях, которые ему удавалось сделать при посещении монастырей нищенствующих орденов: «Среди глубочайшей бедности мы находили в омертвленном хранении высочайшие сокровища мудрости; в этих корзинках и связках нам доставались не крохи, перепавшие комнатным собачкам от господского стола, а неквашенные хлеба приношения, пища ангелов, овины Иосифа, все запасы Египта, все богатейшие дары, которые царица Савы привезла Соломону».

Исходной темой главы девятой является вопрос о сравнительном достоинстве писателей древних и новых. Полной ясности в этом во-

просе у автора нет: с одной стороны, он говорит о своем уважении к тем, кто, «предаваясь научным занятиям, внесли тонкие и полезные дополнения в труды отцов», с другой — тут же заявляет: «Одно мы находим очевидным, что преемники древних едва в состоянии обсудить их открытия и изложить в сжатом виде то, к чему древние пришли путем трудных поисков». Естественно, что от исходного вопроса он соскальзывает к сетованиям на глубоко волнующий его упадок образования и карьеризм в среде клириков. Заканчивается глава в более светлом тоне — выражением надежды, что в распространении образованности среди народов преемственность достигла Британии — «замечательнейшего из островов, скорее даже некоего микрокосма».

Существенный корректив к предыдущей главе вносит глава десятая, в которой с достаточной определен-

ностью выступает представление о последовательном развитии науки, отражающемся соответственно в «усовершенствовании книг».

Следующие три главы — одиннадцатая — тринадцатая — вносят уточнение в понятие книги, которое до этого оставалось несколько расплывчатым, так что только из общей связи приходилось заключать, что имеются в виду главным образом книги философского содержания. Теперь автор вводит дифференциацию и, разъяснив, почему книги юридические всегда занимали подчиненное место в его интересах как книголюба, ставит книги художественные рядом с научными. Он выступает против хулителей тех, кто изучает поэтов, поясняя в согласии с Аристотелем, что «под оболочкой типического вымысла раскрывается естественная или историческая правда». И раскрытие этой правды ценно не только тем, что само по себе удовлетворяет врожденное

каждому человеку стремление к познанию, но и тем, что способствует пониманию книг священного содержания, которое часто намеком затрагивают поэтические произведения. «Так, не зная поэзии, невозможно понимать Иеронима, Августина, Боэтия, Лактанция, Сидония и многих других».

В четырнадцатой главе широко очерчивается круг тех людей, которым надлежит по преимуществу быть почитателями книг. Это те, кто по своему общественному положению нуждаются в расширении мудрости, каковы все причастные к управлению государством; а затем и все те клирики, против которых направлена жалоба книг, изложенная в главах четвертой, пятой и шестой.

Никакое красноречие, говорится в пятнадцатой главе, не в силах оценить те блага, которые приносит любовь к книгам. Тем не менее за этим следует пространное и подкреп-

ляемое ссылками на Платона и Иеронима развитие той темы, что книжная мудрость освобождает душу от власти тела: «Как измерить могущество книг, в которых мы видим границы мира и границы времени, видим как в некоем зеркале вечности то, чего нет, как нечто существующее».

От восхваления книги как произведения человеческого ума и как носителя истины автор переходит в главе шестнадцатой к восхвалению книги как произведения человеческих рук, а деятельности писца как наиболее благородного ручного труда.

Красноречивую проповедь посвящает в семнадцатой главе де Бери необходимости бережного отношения читателей к книге. Он прибегает здесь к своего рода демонстрации от противного, рисуя несколько окарикатуренный, но, очевидно, не далекий от реальности, отталкивающий образ неотесанного

школяра, который поедает свой завтрак, сидя за развернутой книгой, роняет на нее крошки и объедки, перелистывает ее засаленными пальцами, переполняет закладками, так что переплет не выдерживает, и т. д. Упомянуты здесь и книжные грабители, отрезающие страничные поля, а то и целые незаполненные текстом страницы, ради использования их в качестве писчего материала. Заканчивается эта глава поучительным примером бережного обращения с книгой.

Восемнадцатая глава содержит убедительный ответ на то осуждение, которое страсть де Бери к собиранию книг встречала со стороны его недоброжелателей. Отклонив обвинения в суетности, стяжательстве и тщеславии, де Бери раскрывает тайную мечту, которая всегда сопровождала его ненасытной погоне за книжными приобретениями, — учредить в Оксфордском университете

особый семинар, снабдив его постоянным доходом для содержания известного числа студентов и предоставив все сокровища своего собрания книг на вечное время в распоряжение не только этих студентов, но через их посредство и всех студентов этого университета.

Тесно примыкает сюда и девятнадцатая глава, содержащая проект устава задуманной семинарской библиотеки.

Последняя, двадцатая глава представляет собой духовное завещание де Бери. Она начинается с покаянного признания: «Так как едва ли возможно какое-либо человеческое свершение, на котором не лежал бы некий налет тщеславия, то мы не решаемся полностью исключить в столь длительной усерднейшей любви, которую мы питаем к книгам, наличие повода к некоей извинительной моральной небрежности». И, исходя из сознания своей

греховности, де Бери обращается к будущим студентам с увещанием воздать ему, как и другим своим будущим учителям, благочестивым поминовением в своих молитвах.

Из концовки, заключающей трактат, где однако 1344 год указан ошибочно вместо 1345, мы узнаем дату его окончания, лишь на неполных три месяца предшествующую смерти автора, которая последовала 14 апреля 1345 года.

Судьба библиотеки де Бери сложилась несчастливо. Средств на учреждение самостоятельного в финансовом отношении семинара у него не было, и мечта его жизни осталась неосуществленной. Книги все же, в соответствии с его желанием, были посланы в Оксфорд, где и хранились долго в ящиках при даремском колледже бенедиктинского ордена. Только в правление короля Генриха IV (1399—1413) они стали, вероятно лишь частично, доступны для читате-

лей. Но при Генрихе VIII (1491—1547) этот колледж был закрыт, и библиотека подверглась распылению. По сведениям, относящимся к 80-м годам прошлого века (Уэст), оставались известными только две книги из собрания де Бери — одна в Бодлеянской библиотеке (Оксфорд) и одна в Британском музее (Лондон).

Я. М. Боровский

ЖИЗНЬ И СЛАВА «ФИЛОБИБЛОНА»

Любовь — вечная тема литературы. Любовь к книгам — тоже. Эта тема присутствует в египетских иероглифических текстах и древнекитайских классических канонах, в Библии и Коране, в древнеиндийских Ведах и русских летописях. О книгах на рубеже эр писали римляне Цицерон и Гораций, во II веке н. э. греческий философ Лукиан, в IV веке — проповедник восточно-христианской церкви Иоанн Златоуст, в IX веке — арабский писатель Али-ибн-аль-Джахм и славянский мыслитель Кирилл Константин, в X веке — арабский поэт Мутанабби, в XII веке — русский просветитель Даниил Заточник... Однако первым европейским

сочинением, специально посвященным любокнижию, относительно близким к нам по времени и — что самое поразительное — доселе не потерявшим своей актуальности во многих аспектах, был «Филобиблон» Ричарда де Бери.

Сколько людей писали и пишут о самых различных проблемах книжного собирательства, не зная о том, что в XIV веке у них был предшественник, высказывавший сходные мысли и обладающий несомненным хронологическим приоритетом. Однако ничего удивительного в этом нет: во-первых, идеи и логические построения «носятся в воздухе», порой не считаясь с временем и пространством; во-вторых, как увидим ниже, «Филобиблон» — книга вовсе не забытая и не малоизвестная. Так что между автором XIV века и, скажем, автором XIX века, разрабатывающими близкую тему, каждый применительно к общественным

условиям своей страны и эпохи, мог быть долгий ряд посредников. Конечно, и у Ричарда де Бери были предшественники, но — в практике библиофильства, а не во всестороннем теоретическом и художественном обосновании «книжной страсти».

Ни постоянные ссылки на Священное писание, неизбежные в устах человека такого социального положения, которое занимал Ричард де Бери, ни сложнейшая средневековая латынь не затмевают главного в «Филобиблоне» — его гуманистической сущности.

Именно в этом — эликсир бессмертия автора и книги.

20 000 СЛОВ О ЛЮБВИ К КНИГЕ

Автор трактата Ричард де Бери похоронен в Кафедральном соборе английского города Дарема, где он был епископом. Памятник над его могилой оказался разрушенным вре-

менем и людьми. И вот, в нашем веке, в 1911 году, не церковники и не государственные власти, а библиофилы, объединенные в один из старейших книжных клубов — «Общество Гролье», воздвигли Ричарду де Берин новый надгробный монумент. Скульптору помогли сохранившиеся оттиски с печатей епископа, запечатлевшие его внешний облик *. Но гораздо четче и полнее мы можем представить себе внутреннюю сущность этого человека, создавшего письменный памятник тому времени, в которое он жил, и самому себе — трактат «Филобиблон».

Основные сведения о бурной жизни автора в эпоху Столетней войны равно как и поглавный обзор содержания книги, читатель почерпнет из статьи переводчика и комментатора. По возможности не повторяя ска-

* См.: Kitchin Q. W. Seven Sages of Durham. London, 1921.

занное, напомним о тех особенностях «Филобиблона», которые дают основание считать его первым произведением европейской библиофильской литературы.

«Филобиблон» — сочинение весьма разнообразное и даже пестрое, как по затронутым в нем вопросам, так и по жанровым особенностям. В нем сплелись воедино и философия любокнижия в том виде, как понимал ее автор; и автобиографический, тесно связанный с исторической эпохой, фактический фон; и методология собирательства, которой, применительно к догутенберговским векам, Ричард де Бери владел как никто другой. «Филобиблон» по праву следует считать также первой библиоведческой работой, ибо предложенный автором в главах пятнадцатой — двадцатой проект основания публичной библиотеки был не просто нов, но и ошеломляюще оригинален для своего времени. В

трактате выявилась несомненная связь библиотековедения и библиофилия и никакие схоластические рассуждения автора не затемняют его новаторского стремления впервые отделить одно от другого *. Что касается жанрового богатства, то «Филобиблон» — это и панегирик, и сатира, и полемический памфлет, и литературное завещание. Впрочем, такое соединение вообще характерно для библиофильской литературы, поскольку сама книга ни с чем не сравнима с точки зрения разнородного воздействия на наши чувства и разум.

Как справедливо отмечали многие исследователи «Филобиблона», книга представлена в нем могучим эволюционирующим орудием просвещения, играющим огромную социальную и

* Оценку библиотековедческого значения трактата см.: Лаппа-Старженецкая Е. К истории библиотековедения. — Библиотечное обозрение, 1926, кн. 1—2.

духовно очищающую роль. Лучшее тому подтверждение — седьмая глава, в которой автор, как бы от имени самих книг, сложил торжествующий гимн миру и произнес проклятие войне: «Всевышний основоположник и покровитель мира, рассея племена, желающие войн, которые для книг губительнее всякой моровой язвы. Ведь войны, чуждые суждениям разума, яростно устремляются на все им противостоящее; лишенные сдерживающего разумного начала, они без разбора разрушают сосуды разума» (VII, 56).

Гуманистический смысл этих слов не подлежит сомнению — тем более, что они сказаны человеком, по своему высокому общественному положению находившимся в гуще событий в эпоху жестоких войн и кровопролитных смут. Объективности ради, надо отметить что дипломатические миссии, возлагавшиеся на епископа Даремского королем Эду-

ардом III, носили чаще всего миротворческий характер. Так что слово с делом у автора «Филобиблоне» не расходилось.

Едва ли есть резон распространяться об актуальности во все времена призыва к миру, прозвучавшего в первом библиофильском сочинении. Однако книги в «Филобиблоне» не только страдают от войн и молят Всевышнего об их искоренении. Не менее важно, что книги — средство не пассивной, а активной борьбы со злом, несущим уничтожение и забвение всему живому: «Всю славу мира поглотило бы забвение, если бы Бог не предусмотрел для смертных средства помощи в виде книг. <...> Башни стерты с лица земли, пали государства, истлели триумфальные арки. Ни один царь или папа не найдет чего-либо, что послужило бы столь верным залогом вечности как книги. Книга воздает своему автору тем, что, пока она существует, не погибнет и

автор, а пребудет бессмертным» (I, 19). Поскольку «Филобиблон» единственное сочинение Даремского епископа, то этот логически безупречный пассаж относится и к нему самому.

Кажется, никто не выразил ту же мысль в столь близкой к «Филобиблону» форме, как величайший русский поэт и мыслитель XIX столетия: «Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять против всеразрушительного действия типографического снаряда» *. В приведенных словах А. С. Пушкина затронут не только тот мотив любокнижия, который можно было бы обозначить

* Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти томах. М., 1949, т. 7, с. 301. Пушкин, по-видимому, не знал «Филобиблона». В библиотеке его близкого друга С. А. Соболевского это сочинение имелось во французском переводе, вышедшем лишь в 1856 г.

«Книга сильнее оружия», но и иной, весьма важный для Ричарда де Бери: «Книга дороже любого богатства». Морально-эстетическая сторона собирательства вообще занимает в трактате важное место. Собственно, один из главнейших стимулов автора состоит именно в моральном оправдании своей безудержной любви к книгам: «Этот трактат защитит нашу любовь к книгам от обвинений в чрезмерности, раскроет цель наших устремлений и в своих двадцати главах сделает ясными как день все обстоятельства, связанные с нашим трудом» (Пролог, 15).

В самом деле, всепоглощающая страсть к покрытому письменами пергаменту, да еще вдобавок — особая нежность к рукописям гниющим, изъеденным червями странно выглядела на фоне преданной любви высших мира того к золоту, драгоценным камням и необузданной роскоши. И хотя рукописи стоили очень

дорого — обладать коллекцией, например, из 200 книг * мог только человек богатый — моральной ценности в глазах окружающих книжные занятия де Бери не имели. Об этом он говорит с тонкой иронией: «Конечно, если бы предметом нашей страсти были золотые и серебряные чаши, породистые лошади, крупные денежные суммы, то мы могли бы приобрести богатое состояние: но мы предпочитали книги (*libros*), а не фунты (*libras*), пергаменты, а не перлы, тощие хартии, а не жирные харчи» (VIII, 65).

Даже могущественному приближенному короля и епископу приходилось туговато в противоборстве с невеждами-сребролюбцами. «Так, хотя

* У него было приблизительно 1500 рукописных книг; в библиотеке Сорбонны того времени — 1700 (Ghellinck M. I. de, *Un bibliophile au XIV siècle*. — *Revue d'Histoire Ecclésiastique*, 1922, vol. 19. p. 175.

любовь к книгам, — пишет он, — оправдана самой природой объекта, однако она удивительным образом вменяется нам в вину в суждении весьма многих: вызывая у них неодобрительное удивление, мы подвергались их упрекам то в излишнем любопытстве, то в жадности, по крайней мере — к этому предмету, то в тщеславии, то в неумеренной страсти к литературе» (XVIII, 120).

Но Ричард де Бери оставался тверд в своей позиции — как в практическом книгособирательстве, так и в «Филобиблоне»: «...пусть прекратят свои нападки наши хулители, подобно слепым, судящим о красках, или летучим мышам, препирающимся о свете. Пусть не притязают извлекать соломинку из чужого глаза, оставляя бревно в своем собственном. Пусть перестанут пятнать своими сатирическими выпадами то, чего они не понимают...» (XVIII, 121). Да, столь необычное увлечение пришлось за-

щищать. И Ричард де Бери провел защиту искуснейшим образом.

Остановимся еще только на одной особенности, или, вернее, функции этого единственного в своем роде сочинения, составившего основу будущей библиофильской литературы. «Филобиблон» открыл собою череду библиофильских завещаний, которые впоследствии не раз превращались в особого рода литературные произведения, обращенные к библиофилам грядущих времен *. В то же время это были и конкретные распоряжения о том, как поступить с книгами.

Имущество многих библиофилов, когда они уходят из жизни, состав-

* Обзор западных библиофильских завещаний см. Jackson H. Anatomia of Bibliomania. L., 1958. В России первым автором библиофильского завещания был митрополит Стефан Яворский (1658—1722), написавший латинскую элегию — прощание с книгами, а также "Testament" — распоряжение об их дальнейшей судьбе, близкое к «Филобиблону».

ляют книги — и только книги. Ричард де Бери не был исключением. Он умер нищим или, быть может, торопливые друзья-наследники поспешили в первые часы после его кончины разграбить остатки богатств. Как бы то ни было, если верить историческому преданию, епископа не в чем оказалось хоронить, и его положили в гроб в одежде одного из служителей, а в бесчисленных сундуках отыскивались... одни лишь рукописи. Биографы Ричарда де Бери полагают, что, по крайней мере, часть его коллекции пошла в уплату долгов, и это явилось одной из причин ее распыления и крушения планов библиофила.

Между тем планы епископа были неслыханными для его времени. Он задумал превратить собранную им коллекцию в публичную библиотеку, на определенных условиях доступную для всех желающих. Ближайшим его последователем в этом намерении

был первый поэт эпохи Возрождения Франческо Петрарка, в 1362 году предложивший свою библиотеку Собору Св. Марка в Венеции. Однако некоторые исследователи высказывают предположение, что сама эта тема — о судьбе библиофильского собрания после перехода его владельца в мир иной — могла в 1333 г. обсуждаться в беседе высокопоставленного английского посла при Папском Дворе в Авиньоне Ричарда де Бери и молодого каноника Франческо Петрарки. Факт их встречи неоспорим. В одном из писем Петрарки есть упоминание о разговоре «с английским канцлером Ричардом» и о том, что «никто не имеет такой громадной библиотеки как он» *. Конечно, теперь невозможно определить, какое место в их недолгом общении заняла библиофильская те-

* См.: Крусман В. Э. К анализу Fr. Petrarcae Ep. Fam. III, I. Одесса, 1914.

ма, но миновать ее вовсе они не могли. Во всяком случае в сочинениях Петрарки, в его переписке и в самом его намерении основать публичную библиотеку немало истинно гуманистических элементов, свойственных и «Филобиблону».

Первоначально трактат был задуман именно как завещание, но потом превратился в многоплановое произведение о любви к книге. Мысль о судьбе книг постоянно занимала де Бери, но в поздние годы, когда государственные дела больше не обременяли епископа, а тяжелая болезнь подтачивала его силы, — особенно. Ричард де Бери работал тогда над каталогом библиотеки и, скорее всего, успел закончить этот важнейший документ, к сожалению до нас не дошедший *.

* Впоследствии делались попытки реконструировать состав библиотеки де Бери (E. C. Thomas, M. Sondheim) по цитатам и упоминаниям авторов в «Филобиблоне».

Не забывший своей *alma mater* епископ мечтал, что его книги станут подспорьем в учении студентам Оксфорда. По мысли владельца библиотеки, она должна была разместиться в специальном колледже и стать общедоступной. Есть сведения, что Ричард де Бери начал переговоры с королем об этом, но не успел довести их до конца.

Правила пользования будущей библиотекой автор «Филобиблона» во многом заимствовал из устава Сорбонны, принятого в 1321 году, с которым познакомился во время своих поездок в Париж в 1320—1330-х годах. Изложенные в девятнадцатой главе трактата, они простые, естественные и не столь уж «драконовские» не только для своего времени, но и для позднейших веков. С восхищением и надеждой представлял себе епископ Даремский любимую библиотеку, размещенную в изящном зале и надолго вверенную

заботам надежных и любящих книгу людей. Возможно, в этом был элемент тщеславия — и немалый, но вот уже минуло с тех пор шесть веков, а узнала ли история не тщеславных библиофилов?

Необходимо также обратить внимание на восемнадцатую главу «Филобиблона», представляющую собой едкую сатиру на легкомысленных юнцов-студентов, не умеющих обращаться с книгой и ценить ее. Это было написано в Англии за 350 лет до Джонатана Свифта!

Из статьи Я. М. Боровского читатель знает уже, что благородная мечта Ричарда де Бери обратить свою коллекцию на нужды просвещения не осуществилась. Единственным памятником ей стал «Филобиблон». Но этот памятник дорогого стоит! Рассмотрение только некоторых из важнейших библиофильских мотивов трактата показывает, что он не утратил за долгие века ни полемиче-

ской остроты, ни литературной свежести, ни даже злободневности.

ПУТЬ ЧЕРЕЗ ВЕКА И СТРАНЫ

Удивительна судьба этой рукописи, создававшейся как скромное завещание частного лица, но шагнувшей через годы и границы. Известно, что «Филобиблон» в XIV—XV веках был переписан в сотнях экземпляров. До наших дней дошло чуть больше 40, причем время от времени появляются сообщения о новых находках. Рукописи, как правило, ветхие, отработавшие свое: их читали и переписывали многократно. Семь из них хранятся в Британской библиотеке в Лондоне (прежде она называлась Библиотекой Британского музея), девять — в Оксфорде, три — в Кембридже, по две — в Мюнхене и Брюсселе, по одной — в Дареме, Базеле, Риме, Венеции, Копенгагене, Нью-Йорке и других городах.

Первое печатное инкунабульное издание «Филобиблона» вышло не на родине автора, а в Кёльне в 1473 году. Между прочим, появление экземпляра этого издания на аукционе в Лондоне в 1889 году вызвало настоящую библиофильскую сенсацию *. Второе издание текста тоже было германским (Шпайрс, 1483). Тут уж речь идет о совершенно ненаходимом раритете: в печати появлялись сведения только о двух экземплярах. Французы осуществили перепечатку кёльнского издания в 1500 году, а соотечественники епископа ждали еще целый век: латинский текст «Филобиблона» вышел в Оксфорде в 1598—1599 годах. И только в 1832 году в Лондоне появился анонимный английский перевод сочи-

* См.: Morley H. English writers. London, 1889, V. IV, p. 38—58; Kaufmann G. Zu dem Philobiblon Richards de Bury. — Zentralblatt für Bibliothekswesen, 1889, yg. 6, H. 8, S. 337.

нения Ричарда де Бери с латинского оригинала *.

Как бы ни был краток рассказ о переводах и исследованиях «Филобиблона», нельзя не упомянуть имя английского ученого, латиниста и книговеда Эрнеста Честера Томаса (1850—1892). Всю свою короткую жизнь в науке он посвятил переводу и толкованию «Филобиблона», а также жизнеописанию его автора.

Через пять веков после создания трактата понадобился огромный труд высокообразованного специалиста, чтобы разобраться в разночтениях рукописных копий и создать первый английский научный пере-

* Более полные данные об изданиях «Филобиблона» и литературе о нем в разных странах см.: в журнале, названном в честь трактата: "Philobiblon", 1938, N 10, p. 461—468. См. также: Кунин В. В. Ричард де Бери. Из истории книжного собирательства. — В сб.: Книга. Исслед. и материалы. М., 1968, вып. 16.

вод *. Увы, и здесь Ричарда де Бери подстерегал некий парадокс, каких было немало при его жизни и, как видим, после смерти: Томас в завершение своих исследований пришел к выводу, что автором «Филобиблона» был не Ричард де Бери, а его друг, ученый Роберт Олкот *.

Наконец, назовем еще два шведских издания, не упомянутых в публикации 1968 года (Сб. «Книга», вып. 18): фрагментарное (Стокгольм,

* Работа Э. С. Томаса впервые увидела свет в 1888 г. Наиболее авторитетное современное издание: "Philobiblon. Richard de Bury. The Text and Translation of E. C. Thomas sometime Scholar of Trinity College. Edited with a foreword by Michael Maclagan Fellow of Trinity College. Oxford, 1960". (последнее переиздание: New York, 1970). Сразу же вслед за работой Томаса в 1889 г. в Нью-Йорке вышли перевод и комментарии Флеминга Уэста (West) в трех томах.

* Thomas E. C. Was Richard de Bury an Impostor? — The Library, 1889, p. 335—340. О «версии Олкота» см. статью Я. М. Боровского в настоящем издании.

1960) и полное (Стокгольм, 1967). Кроме того, «Филобиблон» знают итальянские, испанские, польские читатели. Ему посвящены десятки научных исследований и популярных статей.

Первооткрывателем «Филобиблона» для России был профессор Одесского Новороссийского университета В. Э. Крусман. В 1914 году по материалам своего доклада в Одесском библиографическом обществе он опубликовал обширные выдержки из трактата и свой рассказ о Ричарде де Бери *.

В 1915 году вышла монография В. Э. Крусмана, которая по богатству фактического материала до сих пор остается одним из инте-

* Крусман В. Э. Английский библиофил XIV в. — Изв. Одесского библиогр. об-ва, 1914, Т. 3, вып. 1. Одновременно появилась газетная статья: Покровский П. Д. Книголюб XIV века Ричард де Бери. — День, 1916, № 34.

реснейших исследований об авторе «Филобиблона»*.

Две публикации о Ричарде де Бери и его произведении, принадлежащие перу выдающегося филолога, библиографа и книговеда Александра Иустиновича Малеина (1869—1938), отличаются тонким знанием предмета, остроумием аргументации, изяществом перевода*.

Одновременно с А. И. Малеиным «Филобиблону» заинтересовался библиограф и книговед К. Н. Дерунов. В 1927 году он прочитал в Русском обществе друзей книги доклад о Ричарде де Бери и его трактате. В архиве К. Н. Дерунова хранится небольшое исследование на эту тему. Своеобразие подхода заключа-

* Крусман В. Э. На заре английского гуманизма. Одесса, 1915.

* См.: А. Ф. Кони. Юбилейный сборник. 1844—1924. Л., 1925; Альманах библиофила (Ленинградское общество библиофилов). Л., 1929 (факсимильное переиздание: М., 1983).

ется в том, что К. Н. Дерунов рассматривает Ричарда де Бери как одного из первых европейских библиографов, едва ли не первого книговеда, но менее всего как библиофила *. Однако следует оговорить, что почти все авторы, писавшие на русском языке о «Филобиблоне» и переводившие, либо излагавшие его фрагменты, пользовались изданиями на западных языках *. Единственным исключением были отрывки нескольких глав, опубликованные А. И. Ма-

* См.: Кирпичева И. К. К. Н. Дерунов. 1866—1929. Очерк жизни и деятельности. М., 1963.

* В. Э. Крусман в журнальной публикации переводил с французского (в монографии «На заре английского гуманизма» тексты из «Филобиблона» даются без перевода); А. И. Малеин в первой публикации в юбилейном сборнике в честь А. Ф. Кони также пользовался французским изданием; В. В. Кунин (сб. «Книга», вып. 16) — английским переводом Э. Ч. Томаса. Была попытка переводить отрывки «Филобиблона» и с немецкого; см. Львов С. Л. Книга о Книге. М., 1981, с. 36.

леиным в 1929 году в переводе с языка оригинала.

Таким образом, предлагаемый вниманию читателя в этой книге текст является первым полным, научным, комментированным переводом изумительного библиофильского сочинения на русский язык. В 1924 г. А. И. Малеин с присущей ему увлеченностью писал: «Ричард де Бери не только дал первый известный нам Трактат по библиофильству, но и прекрасно и разумно выяснил сущность этого стремления. Остается только пожелать, чтобы и теперешние наши библиофилы поближе подходили к благородному облику Даремского епископа. Высказанные же им мысли о непреходящем значении книг повторяются и повторяются поныне. Вот почему его Трактат не теряет своего значения и в настоящее время и, может быть, заслуживает наибольшего распространения у нас, где еще так мало, сравнительно, ценят и лю-

бят книгу. Да и вообще, если переводы «Филобиблона» имеются во всех крупных европейских литературах, то неужели ему не найдется места и в русской» *. С тех пор как А. И. Малейн написал это, минуло уже шесть десятилетий. Нигде теперь так не любят и не ценят книгу, как у нас. И не случайно в русской литературе нашлось место для «Филобиблона». Значение этого события в нашей книговедческой и библиофильской жизни велико.

Да не убоится же читатель внешней оболочки «Филобиблона» — постоянных обращений к Всевышнему, многочисленных явных и скрытых цитат, сложных аллюзий и реминисценций — и не пожалеет усилий, затраченных на проникновение в суть этого прекрасного произведения. Ибо в нем бьется живое сердце просвещенного книжника, истинного

* А. Ф. Кони. Юбилейный сборник, с. 206.

библиофила, понимавшего, что единственное назначение Книги — служить добру и счастью человечества в бесчисленных его поколениях.

В. В. Кунин

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Крусман В. Э. На заре английского гуманизма. Одесса, 1915. Рецензии: Кареев Н. И. Был ли гуманизм в Англии XIV в.? — Рус. зап., 1916, № 3; Тарле Е. В. Новый труд по культурной истории Англии. — Журнал м-ва нар. просвещения, 1917, № 3—4.
- Крусман В. Э. Английский библиофил XIV в. — Изв. Одесского библиогр. о-ва, 1914, т. 3, вып. 1.
- Малеин А. И. Ричард де Бери и его "Philobiblon". — В кн.: Кони А. Ф. Юбилейный сборник. Л., 1925.
- Ричард де Бери "Philobiblon" («Любокнижие») : Отрывки / Пер. и введ. А. И. Малеина. — Альманах библиофила. Л., 1929.
- Куфаев М. Н. Библиофилия и библиомания. Л., 1927.

- Берков П. Н. История советского библиофильства. М., 1971. (Книга содержит обширную библиографию).
- Шляпкин И. А. Похвала книге. Пг., 1917.
- Гинкен А. А. О чтении и книгах. Спб., 1914, вып. 2, с. 12.
- Лаппа-Старженецкая Е. К истории библиотековедения. — Библ. обозрение, 1926, кн. 1—2, с. 58—64.
- Кунин В. В. Ричард де Бери: Из истории книжного собирательства. — Сб. Книга, № 18, с. 210—223.
- Берков П. Н. Русские книголюбы. М.; Л., 1967.
- Малеин А. И. Краткий очерк истории иностранной библиографии. Л., 1925.
- Bogeng G. A. E. Die grossen Bibliophilen. Geschichte der Büchersammler und ihrer Sammlungen. Leipzig, 1922.
- Bogeng G. A. E. Einführung in die Bibliophilie. Leipzig, 1923.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Prologus	6
Пролог	7
Capitulum Primum	
Quod thesaurus sapientiae potissime sit in, libris	24
Глава первая	
О том, что сокровищница мудрости содержится преимущественно в книгах	25
Capitulum Secundum	
Qualis amor libris rationabiliter debeatur	42
Глава вторая	
Какова должна быть разумная любовь к книгам	43

Capitulum Tertium	
Qualiter in libris emendis sit pretium aestimandum	56
Глава третья	
Как надо определять цену при покупке книг	51
Capitulum Quartum	
Querimonia librorum contra cle- ricos, jam promotos	66
Глава четвертая	
Жалоба книг на клириков, уже достигших степеней	67
Capitulum Quintum	
Querimonia librorum contra reli- giosos possessionatos	104
Глава пятая	
Жалоба книг на монахов вла- дельных	105
Capitulum Sextum	
Querimonia librorum contra reli- giosos mendicantes	116
Глава шестая	
Жалоба книг на монахов ни- щенствующих	117

Capitulum Septimum	
Querimonia librorum contra bella	140
Глава седьмая	
Жалоба книг на войны . . .	141
Capitulum Octavum	
De multiplici opportunitate quam	
habuimus librorum soriam con-	
quirendi	160
Глава восьмая	
О разнообразных возможно-	
стях, использованных нами в	
приобретении книг	161
Capitulum Nonum	
Quod licet opera veterum amplius	
amaremus, non tamen damnavi-	
mus studia modernorum . . .	196
Глава девятая	
О том, что, предпочитая труды	
древних, мы не отвергаем и кни-	
ги нового времени	197
Capitulum Decimum	
De successiva perfectione libro-	
rum	216

Глава десятая	
О последовательном усовершенствовании книг	217
Capitulum Undecimum	
Quare libros liberalium artium practulimus libris juris	232
Глава одиннадцатая	
Почему мы книги благородных искусств и научные предпочитаем книгам юридическим	233
Capitulum Duodecimum	
Quare libros grammaticales tanta diligentia curavimus renovare	242
Глава двенадцатая	
Почему мы так старательно заботились об исправности грамматических книг	243
Capitulum Tertiumdecimum	
Quare non omnino negleximus fabulas poetarum	246
Глава тринадцатая	
Почему мы не пренебрегаем и повествованиями поэтов	247

Capitulum Quartumdecimum	
Qui deberent esse librorum potissimi dilectores	258
Глава четырнадцатая	
Кому надлежит по преимуществу быть почитателем книг . .	259
Capitulum Quintumdecimum	
Quot commoda confert amor librorum	268
Глава пятнадцатая	
Какие блага приносит любовь к книгам	269
Capitulum Sextumdecimum	
Quam sit meritorium libros novos scribere et veteres renovare . . .	288
Глава шестнадцатая	
Сколь велика заслуга писать новые книги и обновлять старые	289
Capitulum Septimumdecimum	
De debita honestate circa librorum custodiam adhibenda . . .	306

Глава семнадцатая О необходимом уважении к сохранению книг	307
Capitulum Octavumdecimum Quod tantam librorum collegimus copiam ad communem profectum scholarium et non solum ad pro- priam voluptatem	324
Глава восемнадцатая О том, что мы составили столь богатое собрание книг для об- щей пользы учения, а не только для собственного удовольствия	325
Capitulum Nonumdecimum De modo communicandi studenti- bus omnibus nostros libros . . .	336
Глава девятнадцатая О способе предоставления на- ших книг всем студентам , .	337
Capitulum Vicesimum Exhortatio scholarium ad repen- dendum pro nobis suffragia debi- tae pietatis	348

Глава двадцатая	
Обращение к ученым с увещани- ем воздать автору за труд бла- гочестивым поминовением о нем в своих молитвах	349
<i>К латинскому тексту</i>	362
<i>Примечания</i>	366
<i>Список сокращений</i>	399
Я. М.Боровский. <i>Ричард де Бери и его книга</i>	401
В. В. Кунин. <i>Жизнь и слава «Филобиблона»</i>	425
<i>Библиографический список</i>	453
<i>О художнике</i>	462

О ХУДОЖНИКЕ

Александр Георгиевич Антонов родился в 1946 г. в Москве. В 1974 г. окончил Московский полиграфический институт. Оформил ряд книг в московских издательствах: М. Кулиш «Пьесь» («Искусство»), В. Гюго «Человек, который смеется» («Правда»), А. П. Вальдос «Сестра Сансульписио» («Художественная литература»),

«Филобиблон» — третья работа А. Антонова в издательстве «Книга». Ранее им оформлены издания: Г. Уэллс «Машина времени», «Человек-невидимка», «Война миров», «Рассказы» (1983 г.), Х. Пирсон «Вальтер Скотт» (1983 г.).

Ричард де Бери
ФИЛОБИБЛОН

Редактор *О. Б. Федорова*
Художественный редактор *Г. М. Берштейн*
Технический редактор *А. З. Коган*
Корректор *Т. Ф. Ртищева*
Ретушер *В. Г. Филков*

ИБ № 1026.

Сдано в набор 21.09.83. Подписано к печати 04.06.84. Формат 60X90/64. Бум. мел. 115 г. Гарнитура «Таймс». Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,25. Усл. кр.-отт. 37,56. Уч.-изд. л. 8,84. Тираж 5000 экз. Изд. № 3403. Заказ 1224. Цена 7 р.

Издательство «Книга»,
125947, Москва, ул. Горького, 50.
Фотонабор выполнен Экспериментальной
типографией ВНИИ полиграфии
при Госкомиздате СССР.
103051, Москва, Цветной бульвар, 30.
Отпечатано в Московской типографии № 5
Союзполиграфпрома
при Госкомиздате СССР.
129243, Москва, ул. Мало-Московская, 21.